

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*95 лет
со дня рождения
Василия Шукшина*

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ:
К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

НЕЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА

2024 / № 4

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадаский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2024. — № 4. — 138 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2024. – No. 4. – 138 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

95 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Представляем тему номера.	6
<i>Белукова В. Б.</i> Писатель о писателе: к 95-летию со дня рождения Василия Шукшина.	8
<i>Шапалова Т. Е.</i> Неэлементарные простые предложения в рассказах В. М. Шукшина. .	14

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Белякова А. А., Григорьев А. В.</i> Дериваты латинского происхождения, восходящие к индоевропейскому корню *gene-, в русском языке.	21
<i>Глазков А. В.</i> Метод текстуальных групп в анализе текстуальности «снизу»	30
<i>Девятова Н. М.</i> О синонимичных единицах и основаниях их различия: любопытный и интересный и характер проявления их оценки.	42
<i>Колесникова С. М., Ма Тунтун.</i> Структурная организация концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» в русском языке: ядро и периферия.	51
<i>Сергиевская Л. А., Мелехова Л. А.</i> Коннотации отрицания в поэзии С. А. Есенина.	61
<i>Смирнов О. Н.</i> Особенности градуальной семантики местоимения-частицы <i>мне</i> в современном русском языке.	72
<i>Червоненко С. М.</i> Особенности синтаксической структуры терминоточетаний в теоретической механике.	79
<i>Чжан Юфань.</i> Культурный микроконцепт ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА как компонент концептуального поля ПРАЗДНИК в русской языковой картине мира.	89

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Сорока С. Н.</i> Образ осени в лирике С. М. Соловьёва 1920-х годов.	99
<i>Тевяшев А. А.</i> Шекспир в творческом сознании А. С. Грибоедова: историко-функциональный аспект.	106
<i>Чжан Цзясинь.</i> Своеобразие хуторского хронотопа в романе Г. Яхиной «Дети мои» ...	115

РЕЦЕНЗИИ

<i>Дубова М. А.</i> Рецензия на сборник: «Шиповник Подмосковья». Коломна: Лига, 2024. 528 с. (Серия «Коломенский текст»).	126
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Поздравляем юбиляра (к юбилею Н. М. Щедриной).	131
<i>Нагорный И. А., Ли Ли.</i> Обзор опыта работы международного научно-методического семинара «Актуальные процессы в современном русском языке»	133

CONTENTS

95 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Introducing the Theme of the Issue.....	6
<i>V. Belukova</i> . A Writer about a Writer: On the 95 th Anniversary of Vasily Shukshin's Birth	8
<i>T. Shapovalova</i> . Non-Elementary Simple Sentences in V. M. Shukshin's Stories	14

LINGUISTIC STUDIES

<i>A. Belyakova, A. Grigorev</i> . Derivatives of Latin Origin Going Back to the Indo-European Root *Gene- in the Russian Language	21
<i>A. V. Glazkov</i> . Textual Group Method in the Bottom-Up Analysis of Textuality	30
<i>N. Devyatova</i> . On The Synonyms and the Grounds for Their Distinction: Любопытный (<i>Curious</i>) and Интересный (<i>Interesting</i>) and the Nature of the Manifestation of Their Assessment	42
<i>S. Kolesnikova, Ma Tongtong</i> . Structural Organisation of the Conceptual Field "Gratitude" in Russian: Core and Periphery	51
<i>L. Sergievskaya, L. Melekhova</i> . Connotations of Negation in S. A. Yesenin's Poetry	61
<i>O. Smirnov</i> . Features of the Graded Semantics of the Particle Pronoun Me in Modern Russian	72
<i>S. Chervonenko</i> . Features of Syntactic Structure of Term Combinations in Theoretical Mechanics	79
<i>Zhang Yufan</i> . Cultural Microconcept "Festive Food" as a Component of the Conceptual Field of the <i>Holiday</i> in the Russian Language Picture of the World	89

LITERARY STUDIES

<i>S. Soroka</i> . The Image of Autumn in the Lyrics of S. M. Solovyov of the 1920s	99
<i>A. Teyvashev</i> . Shakespeare In the Creative Consciousness of A. S. Griboedov: Historical-Functional Aspect	106
<i>Zhang Jiaxin</i> . The Farmstead Chronotope in G. Yakhina's "Children of the Volga"	115

REVIEWS

<i>M. Dubova</i> . Review of the Collection: Rose Hips of the Moscow Region. Kolomna, Liga Publ., 2024. 528 p. (Series "Kolomenskiy Text")	126
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Congratulations to the Jubilee (To N. M. Shchedrina's Anniversary)	131
<i>I. Nagornyy, Li Li</i> . Review of the Experience of the International Scientific and Methodological Seminar "Current Processes in the Modern Russian Language"	133

95 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

25 июля 2024 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Василия Макаровича Шукшина – талантливого и самобытного писателя, актёра, режиссёра, посвятившего свои литературные и кинематографические творения удивительно искреннему, лишённому прикрас, ироничному, пронизательному повествованию о жизни простого русского человека.

В произведениях В. М. Шукшина идёт речь о настоящих нравственных ценностях, они присущи тем искренним деревенским «чужакам», которых любил, уважал, жалел автор и которые покорили читателей и зрителей из многих стран мира.

В юбилейный год в разных уголках нашей страны и за рубежом проходят книжно-иллюстративные выставки, которые позволяют и представить творческий портрет писателя, сценариста, и погрузиться в размышления о судьбах шукшинских героев, и познать национальный код жизни персонажей, и оценить в XXI в. черты актёрско-режиссёрского таланта большого мастера, и сохранить светлую память о рано ушедшем в мир иной Василии Шукшине как самобытной личности. Культурно-просветительские мероприятия позволяют совершить виртуальное путешествие на родину писателя. В разных городах проходят юбилейные чтения, ретро-показы и кино вечера, театральные фестивали, на которых появляются спектакли, поставленные по прозе автора; публикуются научные работы – статьи и монографии.

В публикациях нашего журнала, посвящённых 95-летию В. М. Шукшина, решаются филологические задачи в аспекте художественной онтологии писателя изучать оценку его прозы собратьями по перу, подчёркиваются уникальность и культурно-историческая ценность его наследия; с применением структурно-семантического анализа выявляется взаимодействие синтаксической формы рассказов и их содержания.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

УДК 821.161. 1.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-8-13

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Белукова В. Б.*АНОВО «Московский международный университет»**125040, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 17, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить оценку прозы В. М. Шукшина собратьями по перу в аспекте художественной онтологии писателя. Предложенный подход даёт возможность обновить представления о значении мнения творческой личности, коей, несомненно, является писатель-критик, как для характеристики не только персонажа, но и для оценки художественных принципов писателя Шукшина в целом.

Процедура и методы. Автором предложен анализ статьи Залыгина «Герой в кирзовых сапогах. К творчеству Василия Шукшина» (1974), свидетельствующий, во-первых, о тщательной продуманности и определённости слоёв статьи Залыгина; во-вторых, об очевидной схожести взглядов Залыгина и Шукшина по ключевым вопросам литературы и отношению к писательскому ремеслу. Делается вывод о целесообразности обучения мастерству критика, который, по словам М. Гершензона, видит задачу критика не в личной оценке произведения, а «учить всех читать медленно», так, чтобы каждый читатель мог увидеть сокровенное в произведении и воспринять видение поэта.

Результаты. В статье оценивается разнообразие ракурсов воспоминаний о характере Шукшина, подчёркиваются уникальность и культурно-историческая ценность его наследия. В ходе работы были выявлены особенности критического подхода писателя Залыгина к наследию Шукшина. Делается вывод о целесообразности обучения мастерству критика на используемом материале.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автору удалось предложить новый подход к оценке творчества Шукшина в критическом потенциале писателей-критиков.

Ключевые слова: Варламов, Залыгин, история отечественной литературы, писатели-критики, писательское мастерство и ремесло, Пьецух, художественные особенности, Шукшин

A WRITER ABOUT A WRITER: ON THE 95TH ANNIVERSARY OF VASILY SHUKSHIN'S BIRTH

V. Belukova*Moscow International University**prosp. Leningradsky 17, Moscow 125040, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the assessment of V. M. Shukshin's prose by his fellow writers in the aspect of the writer's artistic ontology. The proposed approach makes it possible to update ideas about the significance of the opinion of a creative person, which is undoubtedly a writer-critic, both for characterizing a character and for assessing the artistic principles of the writer Shukshin as a whole.

Methodology. The author offers an analysis of Zalygin's article "A Hero in Tarpaulin Boots. On the Works of Vasily Shukshin" (1974), which testifies, firstly, to the careful thoughtfulness and certainty of the layers of Zalygin's article, and secondly, to the obvious similarity of Zalygin's and Shukshin's views on the key issues of literature and their attitude to a writer's craft. A conclusion is made about the advisability of teaching the skill of a critic who, according to M. Gershenzon, sees the task of a critic not in a

personal assessment of a work, but “teaching everyone to read slowly”, so that each reader could see the hidden in the work and perceive the poet’s vision.

Result. The article evaluates the diversity of perspectives of memories of Shukshin’s character, emphasizes the uniqueness and cultural and historical value of his legacy.

Research implications. The author managed to offer a new approach to assessing Shukshin’s work in the critical potential of writers-critics.

Keywords: Shukshin, Zalygin, Pyetsukh, Varlamov, writing skill and craft, history of Russian literature, artistic features, writers-critics

Введение

Более ста лет назад, в далёком 1919 г., в холодном пореволюционном Петрограде Михаил Гершензон, который создал своё особое понимание художественного исследования с философско-научно-психологической стороны, где выступил сам блестящим художником слова, в глубокой статье «Видение поэта» писал: «Художественная критика – не что иное, как искусство медленного чтения (здесь и далее при цитировании курсив наш. – В. Б.), т. е. искусство видеть сквозь пленительность формы видение художника. Толпа быстро скользит по льду, критик идёт медленно и видит глубоководную жизнь. Задача критика – не оценивать произведение, а, узрев самому, учить и других *видеть видение поэта*, вернее, учить всех читать медленно, так чтобы каждый мог увидеть, потому что каждый воспримет это видение по-своему» [4, с. 18].

Высказывание Гершензона соразмерно с оценкой творчества В. М. Шукшина писателем Сергеем Павловичем Залыгиным (1913–2000) в статье «Герой в кирзовых сапогах. К творчеству Василия Шукшина» (1974), написанной в год безвременной смерти Шукшина. *Искусство медленного чтения* произведений Шукшина дало возможность Залыгину нащупать и определить многослойность тем и образов шукшинской прозы.

С. П. Залыгин *извлёк и показал это зерно истины*, которое очень непросто найти и ещё труднее показать, но тем более за которое – *благо ему*.

«Критик непременно в чём-то основном конгениален художнику, о котором пишет, потому что иначе он не увидал бы его видения» (М. Гершензон)

Более полувека назад было отмечено, что «писатель одновременно и художник и мыслитель, человек, несущий людям непременно оригинальные суждения о разного рода явлениях жизни и о литературе также, её настоящем и прошлом» [6, с. 220]. Залыгин одним из первых отметил шукшинскую «слиянность самых разных качеств и дарований не только в целом, но и в нечто очень определённое» [5, с. 429]. Шукшин – и актёр, и режиссёр, и писатель, и сценарист, и всё это было ему настолько присуще, что сам Шукшин не делил себя на части, выделяя какую-то сторону своего таланта, потому что, считал Залыгин, «это тоже свойство таланта и даже сам талант» [5, с. 429].

Отмечая, что Шукшин представляет «не только правдивое, не только талантливое изображение жизни», Залыгин *конгениален* Шукшину: он заключает, что произведения Шукшина и есть сама жизнь – «реальная, повседневная, героическая, какая угодно»; все внешние явления у Шукшина «заменялись одним понятием жизни, и даже не понятием, а ею самой», «выраженной в характерах и ситуациях, в нравственных её началах, поскольку без них искусство не искусство, литература не литература, да и сама жизнь – тоже не жизнь» [5, с. 434].

Утверждение Залыгина, что произведения Шукшина и есть сама жизнь, наиболее полно раскрывают образы героев шукшинской прозы: и бабка Маланья и её внук Шурка, чьё письмо дяде, герою Советского

Союза, стоит в одном ряду с письмом чеховского Ваньки Жукова (Сельские жители, 1962), и шорник Антип Калачиков, уважавший «в людях душевную чуткость и доброту»¹ со своей женой Марфой, современные Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович (Одни, 1963), и студент Минька, который «учился в Москве на артиста», и отец его Кондратий Лютаев, «председатель большого колхоза в степном Алтае» (И разыгрались же кони в поле, 1964), и Степан Воеводин и его немая сестра (Стёпка, 1964), и Наум Евстигнеевич, хворавший «с похмелья» с каждой пенсии, и квартирант его, восьмиклассник Юрка, чей рассказ про академика Павлова дал пищу уму старого Наума (Космос, нервная система и шмат сала, 1966), и старик Нечай, тоскующий по умершей жене и разговаривавший с ней, и шофёр Миколай Игринёв, вёзший тяжелораненого лейтенанта, который оказался его сыном (Горе, 1967), и пимокат Валиков и его соседка Алла Кузьминична (Суд, 1969), и Бронька Пупков (Миль пардон, мадам!, 1968), и Макар Жеребцов (Непротивленец Макар Жеребцов, 1969), и наивный Андрей Ерин (Микроскоп, 1969), и скотник-пастух Костя Валиков, которого все звали Алёша Бесконвойный, т. к. никто не мог заставить его работать в субботу и воскресенье, потому что он... топил баню (!) (Алёша Бесконвойный, 1973), и злобный мизантроп Глеб Капустин (Срезал» 1970) – составляют многоликую галерею бесконечных «чудиков», в каждом из которых есть общее зёрнышко – принадлежность к России; «без грима играл» Шукшин, «так же без грима он и писал» [5, с. 431], таковы же были *без грима* его герои.

И повесть Сергея Залыгина «На Иртыше» (1964) – это и есть сама жизнь: герои повести – Павел Печура, Кузьма Фофанов, Александра Ударцев, Степан Чаузов, жена его Клавдия, хромой Нечай, Егорка Гилев, Пётра Локотков, Ю-рист, уполномоченный Митя, Корякин, жите-

ли села Крутые Луки, – легко впишутся в плеяду шукшинских героев, – так тонко почувствовал нерв писателя Шукшина писатель Залыгин.

«Воспоминания о деревне, об утраченном, пусть даже мифологизированном, светлом мире детства поддерживали и спасали его в драматические минуты жизни. Сердечное умиление, нежность, прошение были не художественным приёмом, но интимным переживанием, частью личности автора, единственным, говоря словами Пришвина, неоскорбляемым уголком души, тем драгоценным запасом, к которому он то и дело обращался» [3, с. 6], – считает писатель Алексей Варламов.

Критик Галина Белая справедливо оценила обращение к прошлому как напоминание «человеку о его предназначении»: «поэтизации истории и традиции» была оправдана тем, что писатели, ставя вопрос о «сущном и должном», убеждали читателя «в жизнеспособности» своего идеала», подкрепляя его «реальным человеческим опытом» [2, с. 41]. Среди таких писателей есть и имя Шукшина, прозу которого Белая считает «истинно новаторской, ибо она открыла новые пласты социальной жизни, новые исторические характеры, принесла с собой новые стилевые решения, новую концепцию бытия» [2, с. 58], в которой пристальный равнодушный писатель и сейчас увидит «напряжённое внимание к проблеме национального характера» [2, с. 158].

Академик Лихачёв определил, что «мир художественного произведения отражает действительность одновременно *косвенно* и *прямо*: *косвенно* – через видение художника, через его художественные представления, и *прямо*, непосредственно в тех случаях, когда художник бессознательно, не придавая этому художественного значения, переносит в создаваемый им мир явления действительности или представления и понятия своей эпохи (курсив наш. – В. Б.)» [7, с. 78]. В малой прозе Шукшина именно так и отражена действительность: *косвенно* и *прямо*. *Представления и понятия* своей эпохи раскрыты Шукшиным

¹ См.: Шукшин В. М. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Рассказы. Киноповесть «Калина красная». М.: Молодая гвардия, 1975. 496 с.

в образах его героев: например, Андрей Ерин (Микроскоп, 1969), малограмотный сельский мужик, не получивший образования из-за войны, имел неистребимую тягу к знаниям, которых был лишён в детстве, а его ровесник, «деревенский краснобай, начитанный и ехидный» Глеб Капустин (Срезал, 1970), безграмотный демагог, хотел только одного: оскорбить! *Представления и понятия своей эпохи* были таковы, что Шукшину, незадолго до смерти, пришлось буквально прокричать: «Что с нами происходит?» Да, явно было неладно с нами...

«Табель о рангах в применении к писательскому труду» (В. Пьецух)

Писатель Вячеслав Пьецух со свойственной ему иронией отмечал, что «табель о рангах в применении к писательскому труду, включающая такие градации, как великий, гениальный, выдающийся и прочее в этом роде, имеет не просто факкультативное значение, а просто никакого значения не имеет. Потому что все писатели в действительности делятся только на писателей и тех, кто в той или иной мере заблуждается на свой счёт. Потому что на Руси уже сама должность писателя соответствует званию – гений – и обозначает его принадлежность к вечности, как звание святого и принадлежность к вечности обозначаются нимбом, изображённым над головой» [8, с. 209]. В шукшинские времена замечено, что «о своих современниках и предшественниках (и не только отечественных) всегда писали широко, серьёзно и страстно русские художники слова, создав одну из укоренившихся культурных традиций» [6, с. 220].

Отмечая профессиональную многогранность Шукшина, все факты биографии, как то: колхозные работы, служба на флоте, учёба в автотехникуме, учительство в школе, актёрство-режиссёрство, он твёрдо делает вывод: это всё «посторонние дела», а настоящее его дело – писательство; «его единственное и естественное предназначение – это литература, его место – ра-

бочий стол, его инструмент – шариковая авторучка и тетрадка за три копейки» [8, с. 210].

Определяя Шукшина как гения, Пьецух поясняет, почему он пришёл к такому выводу: «гений есть отрицание современности»: «как стая чёрных воинов заклёвывает ворона-альбиноса, так и человечество, исподволь, окольно вытесняет из жизни гениев», потому что «существо, обречённое природой на гениальность, способно самореализоваться лишь в столкновении с безобразной действительностью» [8, с. 212]. Мысль спорная, но интересная...

Но с чем невозможно не согласиться, так это с тем, что «шукшинский мир» – это «скрупулёзная анатомия русской жизни 60-х – начала 70-х годов, по которой грядущие поколения будут о нас судить» [8, с. 215].

«Кирзовые сапоги» героев и автора

С первой публикацией рассказов «Правда», «Светлые души», «Стёпкина любовь» в мартовском журнале «Октябрь» 1961 г. «в литературе перед ним не то чтобы была расстелена красная дорожка, но всё же зажжён зелёный свет» [3, с. 39]. В литературу вошли новые герои, сельские работяги, которые не «заморачивались» по поводу одежды: кирзовые сапоги на все случаи жизни были в гардеробе каждого селянина. И это «не сословный признак», не принадлежность «простого человека» – это та «таинственная простота, к которой художник умел свести нечто очень сложное», та «натура, которой сапоги эти были свойственны, были и по ноге, и по душе» [5, с. 436].

Белла Ахмадулина, сыгравшая эпизодическую роль в фильме «Живёт такой парень», вспоминала: «Но он-то был родом из других мест, по ним тосковал во всех моих чужих домах, где мрачнел и дичился, не отвечал на любезности, держал в лице неприступно загнанное выражение, а глаза гасил и убирал, вбирал в себя. Да и радужные хозяева не знали, что с гордостью будут вспоминать, как молчал в их доме нелюдимый гость, изредка всверкивая не-

укрощённым вольным глазом, а вокруг его сапог расплывался грязный снег. Открою скобки и вспомню эти сапоги – я перед ними смутно виновата, но перед ним – нет, нет. Дело в том, что люди, на чьём паркете или ковре напряжённо гостили эти сапоги, совсем не таковы были, чтобы дорожить опрятностью воска или ворса. Но он причинял себе лишнее и несправедливое терзание, всем существом ошибочно полагая, что косится на его сапог соседний мужской ботинок, продолговатый и обласканный бархатом, что от лужи под сапогами отлепётывают брезгливые капризные туфельки. То есть сапоги ему не столько единственной обувью приходились, сколько – знаком, утверждением нравственной и географической принадлежности, объявлением о презрении к чужим порядкам и условности» [3, с. 46–47]. Не случайно и Ахмадулина, и Залыгин обратили внимание на такую деталь, как сапоги: по справедливому замечанию исследователя, «развёртывание всякой художествен-

ной детали происходит в столь сложном целом, что именно момент влияния частного на целое и становится тем значимым парадоксом, который потенциально способен “сдвинуть” классически завершённую “картину мира”, придать ей динамику. Метатекстовая функция детали при этом также важна – в первую очередь тем, что создаёт эффект “изображения рассказа”, восстановления процессуальности самой “ситуации рассказывания”, “ситуации письма”, признание которой представляется исключительно важным для оценки художественного новаторства» [1, с. 51].

Заключение

50 лет назад ушёл из жизни Василий Макарович Шукшин. Герои его – с нами. Но, думается, что сегодня, как и полвека назад, ни время, ни пространство не определили ещё границы для исследования художественного гения писателя Шукшина.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Сапоги Достоевского: художественная деталь в онтологии писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 49–58.
2. Белая Г. А. Литература в зеркале критики. М.: Советский писатель, 1986. 368 с.
3. Варламов А. Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. 111 с.
4. Гершензон М. О. Видение поэта. Петроград: Государственное издательство, 1919. 80 с.
5. Залыгин С. П. Герой в кирзовых сапогах. К творчеству Василия Шукшина // Залыгин С. П. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1991. С. 429–436.
6. Кузнецов А. Писатели – критики // Вопросы литературы. 1970. № 10. С. 220–221.
7. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
8. Пьецух В. А. Последний гений // Пьецух В. А. Русская тема. О нашей жизни и литературе. М.: Глобус ЭНАС, 2005. С. 205–216.

REFERENCES

1. Alpatova T. A. [Dostoevsky's Boots: Artistic Detail in the Writer's Ontology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 5, pp. 49–58.
2. Belaya G. A. *Literatura v zerkale kritiki* [Literature in the Mirror of Criticism]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1986. 368 p.
3. Varlamov A. N. *Shukshin* [Shukshin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015. 111 p.
4. Gershenzon M. O. *Videnie poeta* [O. The Poet's Vision]. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1919. 80 p.
5. Zalygin S. P. [The Hero in Tarpaulin Boots. On the Works of Vasily Shukshin]. In: *Zalygin S. P. Sbranie sochinenij. T. 6* [Collected Works. Vol. 6]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1991, pp. 429–436.

6. Kuznecov A. [Writers – Critics]. In: *Voprosy literature* [Issues of Literature], 1970, no. 10, pp. 220–221.
7. Lihachyov D. S. [The Inner World of a Work of Art]. In: *Voprosy literature* [Voprosy Literature], 1968, no. 8, pp. 74–87.
8. P'ecuh V. A. [The Last Genius]. In: P'ecuh V. A. *Russkaya tema. O nashej zhizni i literature* [Russian Theme. About Our Life and Literature]. Moscow, Globulus ENAS Publ., 2005, pp. 205–216.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белукова Виктория Богдановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук АНОВО «Московский международный университет»;
e-mail: zaglobav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria B. Belukova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Humanities, Moscow International University;
e-mail: zaglobav@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Белукова В. Б. Писатель о писателе: к 95-летию со дня рождения Василия Шукшина // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 8–13.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-8-13

FOR CITATION

Belukova V. B. A Writer about a Writer: On the 95th Anniversary of Vasily Shukshin's Birth. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4. pp. 8–13.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-8-13

УДК 81'367.3

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-14-20

НЕЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА

Шаповалова Т. Е.*Государственный университет просвещения**105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование неэлементарного простого предложения с секундарной предикацией в тексте рассказов В. М. Шукшина.

Процедура и методы. Методом нацеленной выборки собран и всесторонне описан речевой материал из рассказов В. М. Шукшина. С применением структурно-семантического анализа выявлено взаимодействие грамматической – синтаксической – формы рассказов и их содержания. Использованы также общенаучные методы наблюдения, квалификации и систематизации, компонентного анализа.

Результаты. Установлено, что в предложениях с секундарной предикацией реализуется семантическая модель «предмет и его дополнительный признак». Употребление причастной или деепричастной конструкций, называющих второстепенное, зависимое действие субъекта-подлежащего, в семантико-синтаксической структуре предложения позволяет автору детализировать описание в аспекте относительной темпоральной, или таксисной, семантики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты дополняют теорию функционирования неэлементарных простых предложений в текстах писателя, сведения об идиостиле В. М. Шукшина.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, категория синтаксического времени, неэлементарное простое предложение, относительная темпоральная семантика, примарная предикация, секундарная предикация

NON-ELEMENTARY SIMPLE SENTENCES IN V. M. SHUKSHIN'S STORIES

T. Shapovalova*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study a non-elementary simple sentence with secondary predication in V. M. Shukshin's stories.

Methodology. The speech material from V. M. Shukshin's stories was collected by targeted sampling method and comprehensively described. The interaction of the grammatical – syntactic – form of stories and their content was revealed by structural-semantic analysis. General scientific methods of observation, qualification, systematization and component analysis were also used.

Result. It is established that the semantic model 'subject and its additional attribute' is used in sentences with secondary predication. The use of participial or verbal participle phrases naming the secondary dependent action of grammatical subject in the semantic-syntactic structure of the sentence allows the author to detail the description in terms of relative temporal or taxic semantics.

Research implications. The results obtained complement the theory of the functioning of non-elementary simple sentences in the texts of the writer, as well as the information about V. M. Shukshin's idiostyle.

Keywords: V. M. Shukshin, syntactic time category, non-elementary simple sentence, relative temporal semantics, primary predication, secondary predication

Введение

Интерес к писательскому творчеству В. М. Шукшина не ослабевает на протяжении многих лет. «Это связано с особым тёплым отношением автора к персонажам, с глубоким знанием деревенской жизни того времени и, конечно, с талантом писателя, сумевшего показать человека в разных его проявлениях» [2, с. 80]. В предъюбилейные годы представители грамматической школы, основанной профессором П. А. Лекантом, исследовали наиболее характерные для рассказов В. М. Шукшина языковые средства описания внешности персонажа и их роль в содержании произведения [2], рассмотрели особенности разговорного синтаксиса, идиостиля, языковой картины мира писателя в шукшинских рассказах [6], выявили функционально-экспрессивный потенциал эмоциональных междометий в текстовом диалоге [9]. Мы ставим такую задачу: с применением структурно-семантического метода исследования неэлементарного простого предложения с секундарной предикацией выявить взаимодействие грамматической – синтаксической – формы текстов рассказов В. М. Шукшина с их содержанием.

В современной синтаксической науке неэлементарное простое предложение связывают с информативным его осложнением. Представители разных направлений лингвистики [1; 4; 5; 7; 8; 10; 11; 12; 16] изучают способы и средства языковой презентации внеязыкового содержания и условия, при которых дополнительный смысл может быть реализован. По мысли А. А. Шахматова, «... коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведённых движением воли в предикативную (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь. К коммуникациям относятся не только пропозиции или суждения, но и всякие иные сочетания представлений умышленно, с тою или иною целью приведённых нами в связь ...» [16, с. 19].

Добавочное сообщение, которое соотносится с основным, оформленным пре-

дикативной основой предложения, содержится в неразвёрнутом виде во многих оборотах [см., напр.: 1]:

– причастном: ... иногда это были не-большие какие-нибудь деревянные штучки, ящички, **завёрнутые в бумагу...** (Микроскоп)¹;

– деепричастном: – В две не в две, а по полторы месячишко отломаю – ничего, – серьёзно сказал он, **потирая уши** **блещущее место** (Микроскоп);

– адъективным: Поп был крупный шестидесятилетний мужчина, **широкий в плечах**, с огромными руками (Верую!);

– субстантивным: Ольга Сергеевна рассердилась, заплакала и сказала, что **после своего орла-комиссара** она никогда в жизни никого к себе близко не подпустит (Бессовестные);

– инфинитивном: Это потом уж ему предстояла радость **открывать в ней всё новые и новые прелести** (Беспалый).

Покажем асимметричную связь формы и содержания в простом неэлементарном предложении с причастными и деепричастными конструкциями.

Предложения с секундарной предикацией

Предикация [10], как уже сложилось в синтаксическом аспекте исследования русского предложения, представляет собой соединение понятий о предмете и его признаке в синтагматическом сочетании определяемого слова с определяющим: «отношение признака к предмету устанавливается говорящим в речевом акте» [7, с. 148; 15, с. 100].

Нацеленная выборка речевого материала показала, что в идиостиле писателя уникально и обоснованно отражается концептуализация действительности комплексом формальных и содержательных средств. Категориальное грамматическое значение предложения (предикативность), осуществляющее актуализацию содержания высказывания в плане соот-

¹ Шукшин В. М. Рассказы // Lib.ru: [сайт]: URL: <http://www.lib.ru/SHUKSHIN> (дата обращения 29.05.2024).

несения его с действительностью, в неэлементарном простом предложении имеет свои особенности. Так, секундарная предикация представлена главным образом с помощью причастных и деепричастных оборотов (по выражению Д. Н. Овсянко-Куликовского, словами «неполной сказуемости» [11, с. 64]): *Что такое Христос? Это воплощённое добро, **призванное уничтожить зло на земле** (Верую!); Фёдор, **ни на кого не глядя**, прошёл в актёрскую комнату и стал переодеваться* (Артист Фёдор Грай). Выражаемые оборотами значения обогащаются разными коннотативными смыслами в структуре предложения.

Причастные конструкции

Важным вектором исследования причастного оборота стало его рассмотрение как знака свёрнутой пропозиции, в равной степени зависящего и от определяемого существительного, и от сказуемого: при этом реализуется семантическая модель «предмет и его дополнительный признак» и употребление причастной конструкции, называющей второстепенное, зависимое действие субъекта-подлежащего, в семантико-синтаксической структуре предложения позволяет автору детализировать описание в аспекте относительной темпоральной [4, с. 325], или таксисной [13; 17], семантики. Причастные обороты помещают зависимый признак в определённый временной отрезок, тем самым устанавливают хронологию происходящих событий.

Вот пример: *Руки его, **натруженные за много лет – большие, пропахшие смольём...** чуть дрожали на коленях* (Микроскоп). Примарная предикация содержится в предикативном центре предложения *руки дрожали*, а дополнительный, второстепенный процессуальный признак [3, с. 151] презентуется в секундарной предикации: *руки были натружены за много лет, пропахли смольём*. В этом ряду одиночное прилагательное, актуализированное постпозицией по отношению к определяемому слову, тоже выполняет функцию экспликатора секундарной пре-

дикации: *руки были большие*. Эти дополнительные предикативные признаки реализуются в том временном плане, который обусловлен доминирующим грамматическим значением примарной предикации. Добавочная информация, представленная в форме причастных оборотов, во-первых, соединена подчинительной связью согласования с определяемым – подлежащим *руки*, во-вторых, она по смыслу коррелирует с изосемическим средством выражения примарной предикации – основной специализированной формой простого глагольного сказуемого. Причастные конструкции, образованные страдательным причастием прошедшего времени с суффиксом *-нн-*, *-ш-*, с одной стороны, в соответствии с формой, указывают на временную семантику предшествования, осложнённую причинным оттенком, с другой стороны, подчёркивают разную, вовсе не равноценную для писателя значимость приписанных предмету предикативных признаков. Динамическая картина мира попадает в объектив внимания автора, и он вычленяет предикативные признаки предмета по их весомости, важности. Значение предшествования подтверждается темпоральной синтаксемой *за много лет*, локализирующей событие во времени. Границы временной локализации устанавливает автор с помощью этого маркёра. «Содержание информации есть результат процесса мышления, и поэтому передающий информацию субъект обязательно наделяет её субъективной “формой”, отражающей не предмет информации, а специфику восприятия им мира» [8, с. 142].

По нашим наблюдениям, значение предшествования получает дополнительную причинную сему, если конструкция, передающая секундарную предикацию, содержит страдательное причастие совершенного вида прошедшего времени, образованное с помощью суффикса *-нн-*: *Дай ребёнку посмотреть! – строго велела мать, **тоже явно заинтересованная*** (Микроскоп).

«Предикативно-атрибутивные отношения» (термин А. А. Шахматова) [16, с. 29],

свойственные причастиям, в текстах шукинских рассказов реализуются именно в семантике предшествования, а временные значения одновременности, как полной, так и частичной, где бы основное событие, эксплицированное примарной предикацией, совпадало бы во всех точках своей продолжительности или только на каком-то отрезке длительности, с второстепенным секундарной предикации, практически не представлены.

Объясняется этот феномен описательной функцией совершенного вида глаголов, от которых образованы причастные формы: *натруженные* от *натрудить* – ‘продолжительной работой ... довести до болезненного состояния’¹; *заинтересованная* от *заинтересовать* – ‘привлечь внимание’². Они фиксируют переход от действия к состоянию или изменение состояния.

Деепричастные конструкции

Субъектная валентность деепричастия [14, с. 41–56] предполагает его связь с подлежащим – личным существительным, носителем предикативного признака, – как в конструкциях с одиночным деепричастием, так и в предложениях с деепричастным оборотом: *А вокруг пона, подбоченься, мелко работал Максим Яриков ...* (Верую!); *– Ти-ха! – рывкнул Андрей, не отрываясь от микроскопа* (Микроскоп).

Д. Н. Овсянико-Куликовский отмечает большую «предиктирующую силу» у деепричастия, занимающего препозицию по отношению к подлежащему [11, с. 65]. Так второстепенный член попадает в «центр синтаксического сознания» [12, с. 421]. *Подбоченься* – ‘упереться руками в бока’³ – передаёт перфективную семантику секун-

дарной предикации: герой остаётся в этом положении, совершая действие примарной предикации. Наблюдается полная одновременность событий примарной и секундарной предикации в рамках прошедшего имперфективного синтаксического времени.

В предложении: *И трое во главе с яростным, раскалённым попом пошли, приплясывая, кругом, кругом* (Верую!) – одиночное деепричастие несовершенного вида «теряет значительную часть своей предиктирующей силы и сбивается на простое наречие-обстоятельство» [11, с. 79]. Основная специализированная форма простого глагольного сказуемого *пошли* – ‘начать идти’⁴ и деепричастная форма глагола *приплясывая* – ‘делать ногами движения, напоминающие пляску’⁵, имеют общую сему движения, поэтому временная соотносительность событий, представленных примарной и секундарной предикациями, затухивается, нейтрализуется. Способ совершения действия примарной предикации оказывается более значимым.

Деепричастные конструкции – обороты – могут занимать разное положение по отношению к членам примарной предикации:

– находиться в препозиции: *Всякий раз, выходя на сцену, Фёдор чувствовал себя очень плохо: как будто проваливался в большую гулкую яму* (Артист Фёдор Грай). Д. Н. Овсянико-Куликовский замечает: «Деепричастие ... относится к подлежащему. И поэтому, когда оно предшествует последнему, то у нас невольно возникает как бы ожидание этого подлежащего, и такое ожидание усиливает долю внимания, сосредоточенного на том, что говорит деепричастие, а это, в свою очередь, придаёт ему больший вес во фразе и заставляет яснее ощущать его предиктирующую силу» [11, с. 83]. Действие секундарной предикации:

¹ Натруженный // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 392.

² Заинтересованная // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 202.

³ Подбоченься // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 541.

⁴ Пошли // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 561.

⁵ Приплясывая // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 617.

кации совпадает во времени с действием примарной предикации в плане прошедшего имперфективного синтаксического времени. К тому же появляется узуально-характеризующий оттенок временной локализованности обоих событий благодаря важному маркёру – темпоральной синтаксеме с семантикой узуальной приуроченности *всякий раз*;

– находиться в интерпозиции: *Пьесу написал местный автор и, исполняя своё «знание жизни», сверх всякой меры напигиговал её «народной речью» ...* (Артист Фёдор Грай). Вот что пишет Д. Н. Овсянко-Куликовский: «В положении между подлежащим и сказуемым деепричастие обнаруживает большее тяготение к подлежащему...» [11, с. 83], называя его дополнительный признак секундарной предикацией. «А это опять-таки содействует усилению в нём его предикующего значения» [11, с. 83];

– находиться в постпозиции: *Хорошо, хорошо, – говорил Славка, улавливая ухом, что все его слушают* (Беспалый). – *Когда клуб будет, я спрашиваю? – повторил он свой вопрос, прямо глядя в глаза партнёру ...* (Артист Фёдор Грай). По словам Д. Н. Овсянко-Куликовского, «только наличие второстепенных частей при деепричастии ... в известной мере оживляет его предикативность» [11, с. 83].

Постпозиция деепричастного оборота облигаторна, если организующим элементом конструкции является деепричастие

совершенного вида: *Фёдор переоделся и вышел из клуба, крепко хлопнув на прощанье дверью* (Артист Фёдор Грай). Называя второстепенное действие секундарной предикации, деепричастие совершенного вида служит средством воплощения в тексте отношений разновременности в рамках аористивного значения прошедшего синтаксического времени.

Значение частичной одновременности реализуется в предложении: *И смотрит на всех снисходительно, чуть сощурив глаза* (Мой зять украл машину дров), где словесно не обозначенный субъект в контекстуальном неполном предложении наделён предикативными признаками примарной и секундарной предикации.

Заключение

Неэлементарное простое предложение создаётся в результате формально-грамматического и семантического осложнения элементарного простого предложения и проявляется в синтаксическом отношении секундарной предикации, которая существует на фоне примарной предикации. В синтаксическом аспекте наблюдается определённая временная соотносительность событий, эксплицированных сказуемым и причастными либо деепричастными оборотами: разновременность / одновременность.

Статья поступила в редакцию 16.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакулко Н. Г. Выражение дополнительной предикации посредством девербативных оборотов в структуре простого предложения: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 161 с.
2. Герасименко Н. А. Портрет персонажа в рассказах В. М. Шукшина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., проф. Войловой К. А., г. Москва, 27 февраля 2023 г. / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Постатор, 2023. С. 79–85.
3. Замятина И. В. Грамматика русского причастия. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, 2009. 264 с.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1998. 524 с.
5. Искренкова М. С. Грамматический подход к дополнительной предикации // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей LXV Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 июня 2023 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 242–244.

6. Коняшкин А. М., Коняшкин А. А. Разговорный синтаксис, идиостиль, языковая картина мира в рассказах В. М. Шукшина // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 322–325.
7. Лекант П. А. Виды предикации и структура простого предложения // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Московский государственный областной университет, 2002. С. 147–158.
8. Манаенко Г. Н. Предикация, предикативность и пропозиция: соотношение понятий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 138–143.
9. Нагорный И. А. Функционально-экспрессивный потенциал эмотивных междометий в текстовом диалоге (на материале рассказов В. М. Шукшина) // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 91–101.
10. Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Государственный университет просвещения, 2024. 204 с.
11. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М.: Типография господина И. Д. Сытина, 1907. 244 с.
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 510 с.
13. Семёнова Н. В. Категория таксиса в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2004. 394 с.
14. Чупашева О. М. Грамматика русского деепричастия. Мурманск: Мурманский государственный педагогический университет, 2008. 197 с.
15. Шаповалова Т. Е. Слитная предикация в художественном тексте // Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 21–31.
16. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
17. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

REFERENCES

1. Vakulko N. G. *Vyrazhenie dopolnitel'noj predikacii posredstvom deverbativnyh oborotov v strukture prostogo predlozheniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Expression of additional predication by means of deverbative phrases in the structure of a simple sentence: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1989. 161 p.
2. Gerasimenko N. A. [Portrait of a character in the stories of V. M. Shukshin]. In: *Russkij yazyk v slavyanskoj mezkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya d-ra filol. n., prof. Vojlovoj K. A., g. Moskva, 27 fevralya 2023 g.* [Russian language in Slavic intercultural communication: collection of scientific papers following the results of the International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Doctor of Philological Sciences, Professor K. A. Voylova, Moscow, February 27, 2023]. Moscow, Postator Publ., 2023. pp. 79–85.
3. Zamyatina I. V. *Grammatika russkogo prichastiya* [Grammar of the Russian participle]. Penza, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky Publ., 2009. 264 p.
4. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1998. 524 p.
5. Iskrenkova M. S. [Grammatical approach to additional predication]. In: *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej LXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Penza, 15 iyunya 2023 g.* [Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations: collection of articles from the LXV International scientific and practical conference, Penza, June 15, 2023]. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2023. pp. 242–244.
6. Konyashkin A. M., Konyashkin A. A. [Colloquial syntax, idiostyle, linguistic picture of the world in the stories of V. M. Shukshin]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2022, no. 1 (92), pp. 322–325.
7. Lekant P. A. [Types of predication and the structure of a simple sentence]. In: Lekant P. A. *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the grammar of the Russian language]. Moscow, Moscow Region State University, 2002. pp. 147–158.

8. Manaenko G. N. [Predication, predicativity and proposition: the relationship of concepts]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2011, no. 13, pp. 138–143.
9. Nagornyy I. A. [Functional and expressive potential of emotive interjections in a text dialogue (based on the stories of V. M. Shukshin's stories)]. In: *Otechestvennaya filologiya* [Russian Studies in Philology], 2023, no. 5, pp. 91–101.
10. Shapovalova T. E., ed. *Nominaciya i predikaciya v sovremennom russkom yazyke: kollektivnaya monografiya* [Nomination and predication in the modern Russian language: collective monograph]. Moscow, State University of Education Publ., 2024. 204 p.
11. Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. *Rukovodstvo k izucheniyu sintaksisa russkogo yazyka* [Guide to the study of the syntax of the Russian language]. Moscow, Tipografiya gospodina I. D. Sytina Publ., 1907. 244 p.
12. Peshkovskiy A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 510 p.
13. Semyonova N. V. *Kategoriya taksisa v russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Category of taxis in Russian: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Velikij Novgorod, 2004. 394 p.
14. Chupasheva O. M. *Grammatika russkogo deeprichastiya* [Grammar of Russian gerunds]. Murmansk, Murmansk State Pedagogical University Publ., 2008. 197 p.
15. Shapovalova T. E. [Integrated predication in a literary text]. In: Shapovalova T. E., ed. *Nominaciya i predikaciya v sovremennom russkom yazyke: kollektivnaya monografiya* [Nomination and predication in the modern Russian language: collective monograph]. Moscow, Federal State University of Education, 2024, pp. 21–31.
16. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [A. Syntax of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p.
17. Jakobson R. O. [Shifters, verb categories and the Russian verb]. In: *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different systems]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 95–113.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, академик МАНПО;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Shapovalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education, Academician of the IASPE;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалова Т. Е. Неэлементарные простые предложения в рассказах В. М. Шукшина // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 14–20.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-14-20

FOR CITATION

Shapovalova T. E. Non-Elementary Simple Sentences in V. M. Shukshin's Stories. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 14–20.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-14-20

УДК 81'373.45

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-21-29

ДЕРИВАТЫ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ВОСХОДЯЩИЕ К ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ КОРНЮ *GENE-, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Белякова А. А.¹, Григорьев А. В.²

¹Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1, Российская Федерация

²Российский государственный гуманитарный университет

125047, г. Москва, пл. Миусская, д.6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Установление дериватов индоевропейского корня *gene- со значением 'рождать, происходить, порождать, производить' в русском языке, их семантики, определение времени вхождения дериватов в русский язык.

Процедура и методы. Основными исследовательскими методами являются описательный, сравнительный, сравнительно-исторический, также использовалась методика этимологического анализа дериватов.

Результаты. Выявленные слова, имеющие отличные друг от друга фонетические и графические формы, восходят к единому индоевропейскому корню *gene-. Полученные данные позволяют проследить развитие семантического значения корня *gene- на различных этапах развития русского языка.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследования в области этимологического анализа позволяют проследить фонетические и семантические изменения слов, относящихся к одному этимологическому гнезду. Результаты исследования будут отражены в научном проекте кафедры общего языкознания имени И. Г. Добродомова Института филологии и Центра русского языка и культуры имени А. Ф. Лосева Московского педагогического государственного университета – «Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка».

Ключевые слова: дериваты, индоевропейский корень *gene-, заимствованные слова, словообразовательное гнездо, этимологический анализ

DERIVATIVES OF LATIN ORIGIN GOING BACK TO THE INDO-EUROPEAN ROOT *GENE- IN THE RUSSIAN LANGUAGE

A. Belyakova¹, A. Grigorev²

¹Moscow City University

pr. Vtoroy Selskhoziazjstvenny 4 bld. 1, Moscow 129226, Moscow Region, Russian Federation

²Russian State University for the Humanities

pl. Miusskaya 6, Moscow 125047, Russian Federation

Abstract

Aim. To establish derivatives of the Indo-European root *gene- with the meaning of 'to give birth, to occur, to generate, to produce' in the Russian language, their semantics, and the definition of the time of occurrence of derivatives in the Russian language.

© CC BY Белякова А. А., Григорьев А. В., 2024.

Methodology. The main research methods are descriptive, comparative, comparative-historical, and the technique of etymological analysis of derivatives was also used.

Results. The identified words, which have phonetic and graphic forms that differ from each other, go back to a single Indo-European root *gene-. The data obtained allow us to trace the development of the semantic meaning of the root *gene- at various stages of the development of the Russian language.

Research implications. Studies in the field of etymological analysis allow us to trace the phonetic and semantic changes of the words belonging to the same etymological nest. The results of the research will be reflected in the scientific project of the Department of General Linguistics named I. G. Dobrodomov and A. F. Losev Center for Russian Language and Culture (Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University) – Derivational Dictionary of the Russian Language.

Keywords: derivatives, Indo-European root *gene, loan words, word formation nest, etymological analysis

Введение

В последние десятилетия одним из перспективных направлений в отечественной лингвистике является изучение словообразовательных гнезд в диахронии¹ [3; 4; 5; 6; 7; 9 и др.]. Активно исследуются гнезда, в основе которых корни *bʀd-, *berg-, *bliz-, *vek-, *gen-, *ostr-, *rei- и др. [5, с. 299]. Изучение гнезд не представляется возможным без данных, полученных в результате этимологического анализа, поскольку «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полную информацию о значении слов как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» [8, с. 273].

Целью данного исследования является всестороннее описание дериватов латинского происхождения индоевропейского корня *gene-.

Методологическую основу исследования составили труды отечественных лингвистов: О. Н. Трубачёва, Ж. Ж. Варбот, В. В. Виноградова, И. С. Улуханова, А. М. Камчатнова.

Материалом исследования являются исторические и современные словари русского языка, база данных Национального корпуса русского языка.

Результаты авторского исследования

Как указывает Ж. Ж. Варбот, «этимологический анализ лексики должен предусматривать реконструкцию лексического фонда языка, выявление происхождения отдельных корней и прослеживания их последующей истории до фиксации в отдельных языках» [2, с. 5].

В данной статье будут описаны исторически родственные слова – дериваты латинского происхождения индоевропейского корня *gene-, который имел значение ‘рождать, происходить, порождать, производить’ (*наивный, нативный, натура, натуральный, натурализм, натуралист*), в русском языке. К данному индоевропейскому гнезду также относятся слово *нация* и его производные (*национальный, национальность*), которые отдельно изучались в статье [1].

Рассматриваемые в данной работе дериваты индоевропейского корня *gene- восходят к латинскому глаголу *nascor* (из *gnascor) в значении ‘рождаться, происходить’. Корень данного глагола представляет собой нулевую степень изучаемого корня *gene-, при этом в латыни происходит следующий процесс: *gn̥ > gnā, после чего возникает ассимиляция g. Данный глагол родственен латинскому *gigno* ‘рождать, порождать’, в котором представлена нулевая ступень с презентным удвоением. Исследуемые дериваты образуются от супинной основы *nat-* формы причастия

¹ Русский Древослов: историко-словообразовательный словарь русского языка. [сайт]. URL: <http://www.drevoslov.ru> (дата обращения: 01.12.2023).

прошедшего времени данного глагола *patus*, буквально ‘рождённый’¹.

Так, от данной основы в латинском языке образуется прилагательное *nātivus*, что означает ‘рождённый, родившийся’, в переносном смысле ‘природный, естественный’, ‘естественный, натуральный’, ‘первообразный’, ‘родной’², которое из латинского заимствуется французским языком в двух вариантах: *naïf* ‘наивный, естественный, искренний; только что родившийся; глупый, невинный; неспорченный, несломанный’, и *natif* ‘исконный, рождённый (в); сырой, неспорченный’.

В словаре Французской Академии 1694 г. слова *naïf* и *natif* описываются так:

«– *naïf* – 1. *натуральный, неукрашенный*, например: *наивная красавица* (обычно в поэтической речи).

2. *представляющий истину, подражающий природе, естественный*, например: *чья-то наивная речь, наивное выражение, во всём, что он делает, есть что-то наивное*.

3. *простодушный, простой, глупый*, например: *наивный ответ, наивный мальчик, наивная девушка*.

– *natif* – *родной*: слово указывает на провинцию, страну, город, где человек родился»³.

Прилагательное *наивный* входит в русский язык в конце XVIII в., хотя и первоначально не фиксируется лексикографическими источниками (Словарь Академии Российской 1789 г., Словарь церковнославянского и русского языка А. Х. Востокова 1847 г.).

Первое употребление, по данным Национального корпуса русского языка, найдено нами в письме Н. А. Львова Г. Р. Державину: «И простое, но сильное красноречие простым, наивным, ласкательным и необычайным образом пойдёт

по свету: оно стоит этого путешествия и за то уже за одно, что заставило уронить несколько тех драгоценных слёз, которые, по желанию всех верных сынов отечества, от одной только радости упадать должны»⁴. Сходное по значению употребление данного слова фиксируется Словарём XVIII в. в письмах Карамзина: «Наивного отвѣта его <А. А. Петрова>: я привык дома объѣдать, не должно принимать за грубость – он напоминает отвѣты Руссовы. Письма Карамзина, 26»⁵ (1792 г.). По всей вероятности, слово первоначально использовалось в живой речи представителями высшего света. Словарь XVIII в. в дефиниции указывает, что слово *наивный* употребляется у Карамзина в значении ‘непосредственный, простодушный’, однако данная дефиниция, на наш взгляд, нуждается в уточнении. В современном языке непосредственность и простодушные связываются с поступками, не требующими размышления и самоанализа, что нередко негативно оценивается окружающими. В данном случае, по всей вероятности, ссылка на Ж.-Ж. Руссо указывает, что и во втором, и в первом случаях слово *наивный* первоначально в русском языке заимствуется именно во втором значении французского *naïf*, когда непосредственность определяется *естественностью, подражанием природе*, что является истиной, образцом поведения культурного человека XVIII в. в духе философии Ж.-Ж. Руссо.

Этот смысл представлен у слова *наивный* и его производных в первой половине XIX в., когда подражание природе, вольное или невольное, оценивается как положительное качество человека:

«Хотя она воспитана и в большом свете, но патриархальная простота и совершенная непринуждённость, в которых она жила в продолжение четырёхлетнего её здесь пребывания, отучили её несколько от обычаев его и дали ей какую-то наив-

¹ Gn-eu-s // Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Francke Verlag Bern, 1959. P. 372.

² Наивный // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III / пер. О. Н. Трубачёва. М.: Астрель-Аст, 2004. С. 39.

³ Naïf, [na]ive // Dictionnaire de l'Académie française 1re édition [сайт]. URL: <https://dvlf.uchicago.edu/mot/naif> (дата обращения: 30.12.2022).

⁴ Львов Н. А. Письмо Г. Р. Державину. (1786–1799) // Национальный корпус русского языка. [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ Наивный // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13 / сост. Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 2003. С. 201.

ность; но сия наивность делает её ещё милее, ещё привлекательнее»¹.

Однако уже начиная с 30-х гг. XIX в. в связи с тем, что философия Руссо выходит из моды, наивность начинает вызывать улыбку, насмешку:

«После этого он почти не отставал от меня и при всей любезности своей чрезвычайно смешил меня своею наивностью»².

Как видно из данного примера, постепенно слово *наивный* начинает использоваться в значении 'простодушный, обнаруживающий неопытность, неосведомлённость'³ (это значение отсылает нас к третьему значению французскому слову *naïf*).

Словари XIX в., по сообщению П. Я. Черных, впервые фиксируют данное слово в 1859 г. (в словаре «Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке» издателя В. Н. Углова)⁴, затем слово *наивный* встречается в словаре В. И. Даля – и вполне закономерно – в значении 'прямой и невинный, простой, простодушный, простосердечный, милый за простоту, привлекательный простотою; ребячески прямой, детски откровенный; прямомилый, чистомилый'⁵. Идея неопытности, неискущённости определяет значение этого слова и в современном русском языке.

Прилагательное *нативный* в русском языке используется с XIX в., однако достаточно редко, в большинстве случаев

в составе различного рода терминах (в Национальном корпусе русского языка данное слово зафиксировано 127 раз), в отличие от английского языка, где слово *native* вошло в основной словарь языка (пример: *native speakers, native English*) и может выступать в качестве специализированной лексики (пример: *native proteins*).

В словарях русского языка слово *нативный* отмечено как биологический термин: 'находящийся в природном состоянии, не модифицированный, сохранивший структуру, присущую ему в живой клетке' (например, *нативный белок*) и как термин медицины: 'естественный, природный'⁶. Наиболее раннее употребление слова, согласно Национальному корпусу языка, встречается в трудах А. Я. Данилевского «Миозин, его получение, свойства, превращение в сантонин и обратное образование из последнего» 1881 г.: «...поскольку нам известен сам нативный миозин»⁷.

В том же терминологическом значении данное слово встречается и в современном русском языке: «В качестве желирующего и загущающего вещества применяют в основном картофельный и кукурузный крахмал, как нативный (необработанный), так и модифицированный»⁸.

К латинским дериватам индоевропейского корня *gene- также относятся слова *натура* и *натуральный*. Слово *натура* непосредственно происходит от латинского слова *natura*, образованного от причастия прошедшего времени *natus* глагола *nascor*, который в свою очередь восходит к индоевропейскому корню *gene-. Основные значения латинского слова *натура* – 'рождение, природные свойства, характер, образ, форма, мир, миропорядок'. В е-

¹ Литке Ф. П. Дневник, ведённый во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» (Кронштадт) (1817) // Национальный корпус русского языка. [сайт]. URL: <https://ruscorpора.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

² Булгарин Ф. В. Письма провинциалки из столицы (1830) // Национальный корпус русского языка. [сайт]. URL: <https://ruscorpора.ru/> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Наивный // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, М.: Азбуковник, 1999. С. 601.

⁴ Наивный // Черных П. Я. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1 / сост. П. Я. Черных, М.: Русский язык, 1999. С. 558.

⁵ Наивный // Даль В. И. Толковый словарь великорусского живого языка. / сост. В. И. Даль. СПб.: М.: Издание т-ва М. О. Вольф, 1914. Т. 2. С. 1091.

⁶ Нативный // Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. СПб.: Фонд «Ленингр. галерея», 2002. С. 1020.

⁷ Данилевский А. Я. Миозин, его получение, свойства, превращение в сантонин и обратное образование из последнего (1881 г.) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpора.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

⁸ Петрухина В. Йогурт: добавка добавке рознь («Наука и жизнь», 2009) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpора.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

ропейских языках слово *nature* преимущественно указывает либо на 'силы тела, телесные процессы, силы, дающие возможность человеку развиваться', либо на 'жизненные свойства; характер, сущность'. Прилагательное *натуральный* создано на основе латинского прилагательного *naturalis* 'естественный, созданный природой', образованного суффиксальным способом от латинского *natura*¹.

Как указывает М. Фасмер, слово *натура* впервые встречается в западнорусском (старобелорусском) тексте романа о Тристане в списке XVI в. (как считается, в основе лежал итальянский оригинал, куда могло быть заимствовано латинское *natura*) и в сочинении Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1667 г.)² [см. также: 10]. Закономерно, что в обоих примерах (*натура пана Трыщана; московских людей натура не богобоязливая*) слово *натура* встречается в значении 'характер, душевный склад'³, что вполне может быть объяснено влиянием западноевропейских языков. Впрочем, к этому времени относится употребление слова *натура* в значении 'основные природные свойства кого-, чего-л.; суть, сущность, естество' в сочинениях Андрея Курбского. Это можно объяснить и влиянием польского языка (о чём также пишет М. Фасмер⁴): «Херувимы и серафимы... хвалить и прославляют [Бога] безпрестанне, и то мѣрне, поколику их натура знесетъ (Курб. Пис., 434. XVII в. – по списку XVI в.). В других списках данного памятника слово *натура* заменяется словом *естество*.

Во второй половине XVII в. слово *натура* используется применительно к ха-

рактеру целого народа – его национальной особенности в «Описании Турецкой империи» (ок. 1675 г.): «А извычей тѣ людей арънаутских... ходятъ онѣ всѣ съ саблями... всѣ ходятъ въ приправѣ, по извычею своему арнаутскому, натура ихъ о томъ такъ есть»⁵.

С XVIII в. в связи с процессом секуляризации европейской, а затем и русской культуры слово *натура* под влиянием французского языка **начинает использоваться вместо слова бог**: «Натура – значит начало всѣх сущих вещей, котораго силою рождаются, сохраняются и производятся всѣ дѣйствования всякаго одушевленнаго и не одушевленнаго тѣла» (Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла ... С фр. перев. и потребными примеч. изъяснил кн. Антиох Кантемир в Москве 1730 г. СПб., 1740)⁶.

Развитие наук в России определило частотность использования слова *натура* в значении 'об окружающем мире как объекте научного изучения': «Еще не далеко от осмидесяти лѣтъ, что истинное и простое течение планет изобрѣлося ..., от чего еще в первые Астрономия с познанием натуры соединилась» (Кн. мир. 109)⁷.

В современном русском языке слово *натура* встречается во всех вышеперечисленных значениях. Рассмотрим значения, которые возникли в русском языке уже в XX в.⁸: 1. 'действительность, реальность': «И вновь Галич прибывает в Ростов для его доработки. На этот раз натура выбрана для военной драмы Станислава Ростockого "На семи ветрах"»⁹, 2. 'в изобразительном искусстве – реальные объекты действительности, которые художник, скульптор

¹ Native // Weekly E. An etymological dictionary of modern English. London J. Murray, 1921. P. 974.

² Натура // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер., доп. О. Н. Трубачёва. Т. III. М.: Астрель-Аст, 2004. С. 49.

³ Натура // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 / под. ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1983. С. 289.

⁴ Натура // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. М.: Астрель-Аст, 2004. Т. III. С. 49.

⁵ Натура // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 / под. ред. Ф. П. Филина. М.: Наука, 1983. С. 289.

⁶ Натура // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13 / сост. Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 2003. С. 83.

⁷ Там же.

⁸ Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачева. СПб.: Изд-во «Наука», 2004. Т. 11. С. 441.

⁹ Санкин Л. Александр Галич в Ростове-на-Дону («Ковчег», 2012) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2022).

и т. п. непосредственно наблюдает при их изображении: – Что ещё за «ню»? – Обнажённая натура¹; 3. ‘характер, темперамент’: «Ну надо же было идти куда-то, по характеру он не мог бесцельно топтаться на месте, натура требовала маршрута»²; 4. ‘товары, продукты и т. п. как платёжное средство взамен денег’. Слово *натура* в данном значении, согласно Национальному корпусу русского языка, входит в обиход с XIX в.: «Он почитал за грех продавать хлеб – божий дар, и в 40-м году, во время всеобщего голода и страшной дороговизны, раздал окрестным помещикам и мужикам весь свой запас; они ему на следующий год с благодарностью внесли свой долг натурой»³.

Прилагательное *натуральный* исторически не образовано в русском языке от слова *натура*, оно, как считает М. Фасмер, является переоформлением латинского *nātūrālis*⁴ (суффиксальное производное от *natūra*) как славянского прилагательного с помощью суффикса *-н-* сначала в польском языке (*naturalny*), а потом и в русском.

Согласно данным Словаря XI–XVII вв., слово *натуральный* впервые встречается в конце XVII в. в частной переписке князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников, датированной 1680 г.: «А все, государь, то затѣйка его или обыклась для его мамоны и лакомства натурального» в значении ‘природный, естественный’⁵.

П. Я. Черных указывает на активное употребление слова *натуральный* с начала XVIII в.: «сады хороши, да без фонтанов...

натуральных» в «Архиве» Куракина, I, 123, 1705 г.⁶ в значении ‘соответствующий природе вещей, настоящий, искусственный’.

Слово *натуральный* в XVIII в. использовалось достаточно широко, словари отмечают у данного слова следующие значения: 1. ‘связанный с изучением явлений и законов природы, основанный на законах природы’. В натуральном учении известно, что чѣм тверже тѣло, тѣм долѣе держит оно в себѣ и полученную теплоту («Ведомости», 1739, 121)⁷; 2. ‘закономерный, соответствующий природе вещей; обычный, нормальный’: «Из сего натуральное слѣдует заключение, что овладѣвший вещию по отчуждению хозяин имѣет такое же право употреблять оную по произволению» (Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества... говоренное... Семеном Десницким)⁸.

В современном русском языке слово *натуральный* сохраняет свои исторические значения. Данное слово в значениях ‘связанный с природой’ и ‘связанный с областью естественных наук’ в академических толковых словарях имеет помету *устаревшее*, а также грамматическое указание на употребление в полной форме.

В современном русском языке слово *натуральный* приобрело следующие дополнительные значения: 1. ‘искренний’: «Если и затем оставалось свободное время, то приглашался Митрофан Простаков, на котором Феденька изучал, каков должен быть натуральный, неиспорченный человек»⁹; 2. ‘получаемый, оплачиваемый натурой (натуральный обмен)’.

¹ Буйда Ю. Йолотистое мое йолото («Октябрь», 2013) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

² Салуцкий А. Немой набат («Москва», 2019) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Тургенев И. С. Одиногорец Овсяников (1847) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ Натуральный // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III / пер., доп. О. Н. Трубачёва. М.: Астрель-Аст, 2004. С. 49.

⁵ Натуральный // Словарь русского языка XI–XVII. Вып. 10 / под. ред. Ф. П. Филина, М.: Наука, 1983. С. 289.

⁶ Натуральный // Черных П. Я. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Русский язык, 1999. С. 561.

⁷ Натуральный // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13 / сост. Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 2003. С. 82.

⁸ Натуральный // Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13 / сост. Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 2003. С. 82.

⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Помпадур и помпадурши (1863–1874) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2022).

Родственные слова (*натурализм*, *натуралист*) в русский язык заимствуются позже, чем рассмотренные ранее слова. Их появление тесно связано с развитием науки в России. Оба слова заимствованы из французского языка *naturalisme* и *naturaliste*¹, которые были образованы суффиксальным способом от латинской основы прилагательного *naturalis*.

Слово *натурализм* в значении философского учения встречается в 1769 г. в ежемесячном издании «Адская почта, или Переписки хромононого беса с кривым»: «Многие ежели не могут соперника своего ничем уличить в разумѣ, укоряют его излишнею вольностию в писании, Натурализмом или чем нибудь сему подобным»².

Натурализм в значении 'направление в истории литературы' (<'естественность, натуральность') впервые встречается в статье Белинского «Взгляд на развитие русской литературы» (1847 г.): «остаётся упомянуть ещё о нападках ... на натурализм вообще»³.

Слово *натуралист* входит в употребление в XVIII в. в двух значениях. Первое значение 'специалист, занимающийся исследованием природы; естествоиспытатель' заимствовано из французского языка: «Бобр, о немже пишут натуралисты; яко не могли уйти ловящих и гонящих его охотников...» (Политиколепная апофеосис. М., 1709)⁴, ср. в Словаре Французской Академии *naturaliste* – 'тот, кто особенно стремится изучать

природу, кто занимается изучением природных явлений»⁵.

Второе значение 'приверженец натурализма' (в философии, науке, искусстве) также появляется в XVIII в., при этом в просторечии оно первоначально было синонимом слов *вероотступник*, *безбожник*: «натуралист до сих пор еще в просторѣчии больше знаменует отめущаго вѣру, нежели испытующаго природу» (Прокопович-Антонский А. А. Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории, говоренное... Антоном Антонским. М., 1791)⁶.

Заключение

В данной статье были проанализированы 6 дериватов латинского происхождения индоевропейского корня *gene-: *нативный*, *наивный*, *натура*, *натуральный*, *натуралист*, *натурализм*. Все данные слова исторически образованы от перфектного причастия *natus* латинского глагола *nascor* (*gnāscor), который в свою очередь восходит к индоевропейскому корню *gene-. Все слова являются заимствованиями, они приходят в русский язык с установлением политических, экономических и культурных связей с европейскими странами. Полученные данные позволяют проследить фонетические и семантические изменения слов, относящихся к одному этимологическому гнезду, и установить время их заимствования в русский язык.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова А. А. История слов с индоевропейским корнем *gen в русском языке (*нация*, *джентльмен*, *ген*) // XIX Пасхальные чтения: материалы XII Международной научно-методической конференции, Москва, 13–14 мая 2021 г. Ярославль: Литера, 2021. С. 85–90.
2. Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология / отв. ред. О. Н. Трубачёв. М.: Наука, 1984. 255 с.
3. Галочкина Т. А. История этимологического гнезда с праславянским корнем *leip- в русском языке XI–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 280 с.

¹ Натуральный // Черных П. Я. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. С. 561.

² Натурализм // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13 / сост. Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 2003. С. 80.

³ Натурализм // Черных П. Я. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. С. 561.

⁴ Натуралист // Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13 / сост. Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 2003. С. 83.

⁵ *Naturaliste* // Dictionnaire de L'Académie française 1re edition. [сайт]. URL: <https://dvlf.uchicago.edu> (дата обращения: 30.12.2022).

⁶ Натуралист // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13 / сост. Ю. С. Сорокина, СПб.: Наука, 2003. С. 80.

4. Григорьев А. В. История слов с формантом *-мейкер-* в русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 22–30.
5. Григорьев А. В. Заимствованные слова восходящие к и.-е. **leg-* в старославянских и древнерусских рукописях // Славянское и балканское языкознание. Вып. 22: Палеославистика-4. М.: Институт славяноведения, 2022. С. 299–310.
6. Григорьев А. В., Орлова А. В. Заимствованные слова, восходящие к индоевропейскому корню **mag-*, в русском языке // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии. Вып. XIII / гл. ред. С. А. Васильев. М.: Книгодел, 2019. С. 182–198.
7. Романова О. М. История лексических гнезд с общеславянскими корнями **ględ-, *mot-, *vid-, *zsr-* (на материале русского языка): автореф. ... дис. ... канд. фил. наук. Уфа, 2005. 22 с.
8. Трубачёв О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 147–179.
9. Юдина О. В. Семантическая эволюция слов с праславянским корнем **rud-* в русском языке: дис. ... канд. фил. наук. Калининград, 2000. 175 с.
10. Christiani W. A. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. Und 18. Jhdts: diss. Berlin, 1906. 67 p.

REFERENCES

1. Belyakova A. A. [The History of Words with the Indo-European root **gene* in the Russian Language (Nation, Gentleman, Gene)]. In: *XIX Paskhal'nye chteniya: materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Moskva, 13–14 maya 2021 g.* [XIX Easter Readings: Materials of the XII International Scientific and Methodological Conference, Moscow, May 13–14, 2021]. Yaroslavl: Litera Publ., 2021, pp. 85–90.
2. Varbot Zh. Zh. *Praslavyanskaya morfonologiya, slovoobrazovanie i etimologiya* [Proto-Slavic Morphology, Word Formation and Etymology]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 255 p.
3. Galochkina T. A. *Istoriya etimologicheskogo gnezda s praslavyanskim kornem *leip- v russkom yazyke XI–XVII vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [History of the Etymological Nest with the Proto-Slavic root **leip-* in the Russian Language of the 11th–17th centuries: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2022. 280 p.
4. Grigorev A. V. [History of the Russian Words with the Formant *-мейкер-*]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2018, no. 5, pp. 22–30.
5. Grigorev A. V. [Loanwords Derived from the Indo-European Root **leg-* in Old Slavic and Old Russian Manuscripts]. In: *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Vyp. 22: Paleoslavistika-4* [Slavic and Balkan Linguistics. Issue 22: Paleoslavistics-4]. Moscow, Institute of Slavic Studies Publ., 2022, pp. 299–310.
6. Grigorev A. V., Orlova A. V. [Borrowed Words, Going Back to the Indo-European root **mag-*, in the Russian Language]. In: *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnyh trudov po filologii. Vyp. XIII* [Russian Studies and Comparative Studies: A Collection of Scientific Papers on Philology. Iss. XIII]. Moscow, Knigodel Publ., 2019, pp. 182–198.
7. Romanova O. M. *Istoriya leksicheskikh gnyozd s obshcheslavyanskimi kornymi *ględ-, *mot-, *vid-, *zsr- (na materiale russkogo yazyka): avtoref. ... dis. ... kand. fil. nauk* [History of Lexical Nests with Common Slavic Roots **ględ-, *mot-, *vid-, *zsr-* (Based on the Russian Language): Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ufa, 2005. 22 p.
8. Trubachyov O. N. *Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika* [Etymological Studies and Lexical Semantics]. In: *Principy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and Methods of Semantic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 147–179.
9. Yudina O. V. *Semanticheskaya evolyuciya slov s praslavyanskim kornem *rud- v russkom yazyke: dis. ... kand. fil. nauk* [Semantic Evolution of Words with the Proto-Slavic root **rud-* in the Russian Language: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Kaliningrad, 2000. 175 p.
10. Christiani W. A. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. Und 18. Jhdts: diss. Berlin, 1906. 67 r.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белякова Александра Андреевна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (МГПУ);

e-mail: alexfruitmania@mail.ru

Григорьев Андрей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета;

e-mail: greg988@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandra A. Belyakova – Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines of the Institute of Humanities, Moscow City University (MCU);

e-mail: alexfruitmania@mail.ru

Andrei V. Grigorev – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Russian Language Department, Faculty of History and Philology, Russian State University for the Humanities;

e-mail: greg988@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Белякова А. А., Григорьев А. В. Дериваты латинского происхождения, восходящие к индоевропейскому корню *gene-, в русском языке // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 21–29.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-21-29

FOR CITATION

Belyakova A. A., Grigorev A. V. Derivatives of Latin Origin Going Back to the Indo-European Root *Gene- in the Russian Language. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 21–29.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-21-29

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-30-41

МЕТОД ТЕКСТУАЛЬНЫХ ГРУПП В АНАЛИЗЕ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ «СНИЗУ»

Глазков А. В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сформулировать понятие текстуальных групп и обосновать целесообразность применения метода текстуальных групп при анализе текстуальности «снизу».

Процедура и методы. Рассмотрены возможные подходы к анализу текстуальных отношений, выделены базовые категории текстуальности – порядок, когезия, когерентность. Предложено рассматривать в качестве инструмента анализа текстуальности произвольное множество предложений, названное текстуальной группой.

Результаты. Сформулировано определение текстуальной группы, разработана система типологии текстуальных групп.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в разработку теории текстуальности и даёт алгоритм для анализа текстуальных отношений.

Ключевые слова: анализ текста, когезия, когерентность, лингвистика текста, порядок, ситуационность, текст, текстуальность

TEXTUAL GROUP METHOD IN THE BOTTOM-UP ANALYSIS OF TEXTUALITY

A. Glazkov

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation*

Abstract

Aim. To formulate the concept of textual groups and justify the feasibility of applying the textual group bottom-up method in the analysis of textuality.

Methodology. The article considers possible approaches to analysis of textual relations, it highlights basic categories of textuality – order, cohesion, coherence. It is proposed to consider as a tool for textual analysis an arbitrary set of sentences called the textual group.

Results. The article has formulated the textual group definition and developed a system of typology of textual groups.

Research implications. The work contributes to the development of the theory of textual relations and provides an algorithm for analyzing textual relations.

Keywords: text analysis, cohesion, coherence, text linguistics, order, situationality, text, textuality

Введение

Естественным требованием к анализу текста оказывается приложение системы инструментов к готовому, завершённому тексту. Идея целостности, завершённости лежит и в основе большинства определений текста. Однако реальность такова, что изучение отдельных категорий (прежде всего когезии и когерентности) проводится учёными на изолированных примерах и часто искусственных. Таковы исследования Р. Хасан и М. Халлидея [21], Т. Гивона [20], Э. Келера [23], П. Пагина [25], список можно продол-

жать. Возникает вопрос, на каком основании получаемые результаты можно экстраполировать на реальные тексты? Почему система работает, игнорируя условия завершённости текста?

Разрешение поставленных вопросов требует противопоставления категорий текста и текстуальности, а точнее, предположения, что категории текстуальности приложимы к некоторым языковым выражениям, отличным от текста. В нашей статье мы покажем, что базовые категории текстуальности, к которым отнесём порядок (линейность), когезию и когерентность, приложимы уже к произвольному набору предложений и являются необходимым условием существования текста, а поэтому «существуют» до него. Тем самым такой подход является подходом «снизу», не требующим существования в качестве предварительного условия готового текста, что должно быть выполнено при анализе «сверху». Для проведения такого анализа мы введём понятие текстуальной группы – множества предложений, к которому приложимы категории текстуальности.

Текстуальность как инструмент текстуального анализа

Текстуальность следует рассматривать не как категорию, а как семейство специфических категорий, применимых к анализу текста, при этом анализом текстуальности изучение текста не исчерпывается. Выделение категорий текстуальности реализует идею эмерджентного описания текста – такого, инструментарий которого составляют специфические категории, не использующиеся в описании языковых единиц других уровней. В этом случае одной из задач становится определение инвентаря языковых единиц, к которым текстуальность приложима.

Текстуальный анализ не относится к доминирующим в последнее время и явно уступает когнитивному подходу, т. к. «наметилась общая тенденция к изучению проблемы языка и мышления в рамках

когнитивной лингвистики»¹. Ещё в 2005 г. В. Е. Чернявская указывала, что текстуальный подход в большей степени характерен для западноевропейской лингвистики, в то время как в отечественной науке учёные ориентировались «на описание текстовых категорий и сопоставление текста с единицами более низких уровней языковой иерархии» [13, с. 78]. Автор заявила о новой исследовательской перспективе, где «в фокусе внимания оказывается когнитивная текстовая компетенция» [13, с. 81]. Такой поворот был крайне необходим для развития лингвистики текста. Действительно, появилось много новых интересных исследований, совершенно по-другому изучающих текст. Однако нельзя сказать, что изучение текстуальности, связанное с формально-логическим подходом к языку, полностью себя исчерпало. В последнее время и в отечественной лингвистике появляются работы, где в качестве объекта появляются категории текстуальности. Например, А. Р. Сушкова ставит важный вопрос о соизмеримости категорий текстуальности и категорий дискурса [11], Т. О. Борисова рассматривает приложимость категорий текстуальности к дискурсу компьютерных игр [3]. Исследование медиатекста потребовало введения новых категорий текстуальности в дополнение к имеющимся, что мы видим в работах А. Г. Пастухова [9]. М. И. Тарасов в своём исследовании нарратива [12] также предлагает введение набора категорий текстуальности, актуальных для нарративных текстов. Словом, изучение текстуальности остаётся одним из разделов науки о тексте.

Текстуальный анализ требует решения вопроса о минимальной единице такого анализа, т. е. нижней границе применения метода, и максимальной единице, для которой метод может быть применён.

Нижняя граница была определена пионерами текстуального анализа М. Халлидеем и Р. Хасан [21], которые в поворотной для лингвистики текста мо-

¹ Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2022. С. 5.

нографии «Когезия в английском языке» противопоставили понятия структуры и текстуры, указав, что первое характеризует предложение, а второе текст. Благодаря структуре предложение представляет собой внутреннее единство (internal unit), предложение нельзя изменить, не сломав его структуры. Текст же, обладающий текстурой (текстуальностью), – более свободное образование. Он семантически по своей природе, а его смысловое наполнение и семантическую непротиворечивость обеспечивает когезия – центральная, если не единственная категория в текстуре [21, р. 6–7; 16].

Утверждение, что текстуальность применима к единицам от двух предложений и выше, оптимально, особенно если речь идёт о письменном тексте, а лингвистика текста тяготеет именно к изучению письменного текста. Другим вариантом могло бы быть соединение пропозиций или клауз. Представление текста как системы пропозиций весьма заманчиво, но крайне неудобно для изучения по ряду причин, среди которых основная – это полипропозиционность практически любого предложения, причём выделение пропозиций из предложения – сложный и, главное, неоднозначный процесс. В результате технически следовало бы представить текст как множество выделенных пропозиций, гораздо более объёмное, чем множество предложений. Насколько нам известно, такой метод никем не применялся, хотя было бы интересно оценить его возможности. Но его трудоёмкость не сделала бы его эффективным.

Выделение клауз технически гораздо проще, но исследование тут же потребует либо отделения отношений между клаузами внутри предложений и между ними (акцент тут же перенесётся на предложения), либо отказа от противопоставления структуры и текстуры, что явно нерационально.

Авторы Грамматики-80 фактически нашли текстуальность уже в бессоюзии, обнаружив сходство между частями бессоюзного предложения и предложениями

текста в том, что они характеризуются «единством текстообразующей функции, т. е. совместным участием в образовании некоторой относительно законченной части текста и одинаковым отношением к этому образуемому ими целому» [10, с. 634]. Аналогичным образом строили свои исследования когерентности и авторы ключевых работ по лингвистике текста Т. Гивон, Э. Келер, П. Пагин, рассматривая когерентность как между предложениями, так и между клаузами. Однако отметим, что все названные авторы ограничивались анализом небольшого количества предложений (обычно одного – двух), не распространяя выводы на больший объём.

Мы утверждаем, что оптимальной единицей, для которой целесообразно определять отношения в системе категорий текстуальности, оказывается предложение, а формальное отделение одного предложения от другого создаёт комфортные условия для исследования. В конце концов, это лишь некоторые аксиоматические условия.

Верхней границей текстуальности ожидаемо должен быть текст. И. Р. Гальперин в качестве одной из ключевых категорий выделил завершённость. Категория завершённости связана с идеей полного, окончательного воплощения авторского замысла в тексте. Исследователь особо подчёркивает два момента: во-первых, то, что завершённость приложима только к целому тексту, а не к его фрагменту; во-вторых, то, что она требует именно авторского ощущения завершённости, а не читательского [4, с. 131]. Значит, отличить текст от фрагмента можно только по авторскому чувству, что он завершён. Сама идея завершённости крайне существенна для любой языковой единицы, но она очень сложна для синтезируемых конструктов, таких, как предложение или текст. Почему текст имеет именно этот объём, а не больший и не меньший? Можно ли обойтись без авторского ощущения?

В.-Д. Краузе в своей системе категорий текстуальности тоже написал о завершённости, но определил её как «относительную завершённость» (*relative Abgeschlossenheit*)

[24, s. 53]. Относительность завершённости выражается в том, что любой текст можно продолжать бесконечно. Такая завершённость не касается авторского замысла, поскольку авторский замысел уже завершил текст. Продолжим некоторый текст до нового объёма, чтобы новый текст был завершённым. Можно вернуть всё к изначальному объёму, исключив часть текста. Значит, относительная завершённость позволяет как расширять, так и сокращать текст. И каждый вариант может быть относительно завершённым текстом. Тогда оказывается теоретически обоснованной возможность рассмотрения в качестве текста и таких конструктов, которые не дописаны, которые как полноценные тексты не сохранились и т. д. Понятно, что до этого момента никто не сомневался, что так исследовать можно, но речь идёт о теоретической базе, поэтому строгость определения тут играет существенную роль.

Р. де Богранд и В. Дресслер [15] в число стандартов (или критериев, как они названы в немецком варианте работы, часто их называют категориями, что тоже верно) текстуальности завершённости не включили. Видимо, указание на завершённость было избыточным, потому что она сама собой выводится из чёткой установки на то, что вся система текстуальности из семи стандартов составляет необходимость существования готового, завершённого текста.

Вообще, завершённость далеко не всеми лингвистами признавалась в качестве обязательного атрибута текста. Так, один из виднейших теоретиков текста Я. Петёфи, определяя текст, писал: «Я использую термин текст для обозначения такого сохранённого на письме, на аудио- или видеоплёнке семиотического объекта, для которого хотя бы два носителя языка были согласны, что это текст» [26, s. 74]. Ни о какой завершённости нет и речи. Главное, чтобы была фиксация и чтобы были признаки коммуникативной единицы (отсюда **двое** носителей).

В современных исследованиях текста завершённость тоже не принадлежит к однозначно принимаемой категории тек-

стуальности. Описывая текстовую коммуникацию и апеллируя прежде всего к современной медиасреде, Х. Хаузендорф и др. [22] не соглашались с выделением завершённости как самостоятельной категории и рассматривают вместо неё ограниченность (*Begrenzbarkeit*). Авторы рассматривают текст с позиций читателя, поэтому употребляют термин *читаемость* (*Lesbarkeit*) вместо термина *текстуальность*. Ограниченность возникает потому, что текст включается в те условия, в которых он существует как коммуникативная единица, и его трактовка происходит при учёте этих внешних условий в создающейся закрытой системе. Этот термин авторы соотносят с пониманием ситуационности в трактовке Р. де Богранда и В. Дресслера.

К. Адамчик указала на то, что завершённость представлялась одной из основных характеристик текста на заре лингвистики текста, однако переход в область изучения интертекстуальных связей и отношений пошатнул её значимость [14, s. 322].

Итак, завершённость едва ли следует рассматривать как универсальную характеристику текста. Но мы не стали бы предлагать полностью вычеркнуть её из параметров текста, потому что у автора и у читателя остаётся ощущение завершённости, о котором писал Гальперин. Просто существуют разные типы текстов. Для каких-то завершённость релевантна, а для каких-то – нет. И читатель в состоянии отличить один тип от другого, а поэтому сбрасывать со счетов этот параметр мы бы не стали. Дело в другом – лингвистика текста оказалась готова изучать как одни, так и другие тексты, и даже фрагменты текстов, и даже искусственные цепочки, которые и не задумываются как тексты вовсе.

Фрагмент текста – понятие, которое, насколько нам известно, не имеет определения. В общем можно сказать, что это любой участок текста, по той или иной причине изолированный от целого текста. Структурирование фрагментов текста нашло своё отражение в понятии сверхфрагзового единства, которое О. И. Москальская определила как «специальным образом

организованную, закрытую цепочку предложений, представляющую собой единое высказывание»¹. В известном смысле это понятие типологически схоже с понятием лексии в концепции Р. Барта [2]. Эта единица членения текста как объекта чтения (а текст Р. Барт связывал именно с процессом чтения [1]) представляет собой выделенный в тексте фрагмент, контактирующий с другими фрагментами и обеспечивающий множественность понимания текста. Лексия не существует вне текста, она не может быть рассмотрена как простое объединение предложений. Она единица анализа, а не единица синтеза.

К. Адамчик формулирует принцип рекурсии текста так: «Тексты могут вставляться в тексты» [14, s. 276]. Это позволяет ей говорить о части текста (или частичном тексте) – *Teiltext*.

Каждый из приведённых подходов к членимости текста обнаруживает нечто общее, а именно – холический характер. В каждом случае постулируется наличие текста как целого, которое допускает выделение некоторых фрагментов внутри себя. Эти фрагменты могут быть изоморфны тексту (как в концепции К. Адамчик) или представлять собой особые структуры внутри текста, однако в любом случае постулируется наличие некоторого целого.

Но остаётся нерешённым вопрос, является текст пределом в применении методов текстуального анализа или существует возможность их распространения на структуры, превосходящие текст. В современных условиях гипертекстовой реальности ответ напрашивается сам собой: межтекстовые отношения представляют собой объект изучения лингвистики текста, а поэтому текстуальный анализ вполне допустим для изучения отношений между фрагментами различных текстов, между отдельными текстами.

Какие принципы анализа имеет текстуальный анализ? Во-первых, выделение чётких категорий позволяет строго формализовать исследование текста. Особенно это

касается трудно формализуемых категорий, таких, например, как когерентность, которую часто вообще рассматривают как свойство текста или дискурса, оставляя без должного изучения (принцип формализации). Во-вторых, это позволит провести анализ с помощью специфических категорий текстуальности в системе терминов, характерных только для текста (принцип эмерджентности). В-третьих, это позволит выделить уровни анализа так, чтобы решение задач одного уровня не пересеклось с решением задач других (принцип дискретности). В-четвёртых, появляется возможность проведения анализа «снизу», не учитывая, что анализируемые предложения входят в состав какого-либо текста (принцип восхождения).

Обоснование метода исследования

Пусть имеется некий произвольный набор из n предложений. Поставим перед собой задачу установить, способны ли предложения, входящие в такой набор, приобрести все или некоторые свойства текста при определённых условиях. Эта задача и будет задачей текстуального анализа. Чтобы её решить, ограничим набор категорий текстуальности до категорий порядка, когезии, когерентности. Такое ограничение имеет смысл, т. к. иные категории потребуют либо наличия текста (в таком случае невозможен анализ «снизу»), либо наличия субъектов текста – автора или адресата (читателя).

Назовём множество из двух и более предложений, которое рассматривается в системе категорий порядка, когезии, когерентности, **текстуальной группой** (ТГ).

Из определения выведем некоторые существенные следствия.

1. Текстуальная группа произвольна.

Текстуальная группа – это не какой-то фрагмент текста. Она может состоять из нескольких предложений одного текста, причём несущественно, как относительно друг друга они расположены, она может представлять собой фрагмент контактно расположенных предложений, сам текст,

¹ Москальская О. И. Грамматика текста: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1981. С. 17.

отдельные предложения из разных текстов, разные тексты – что угодно, лишь бы она рассматривалась в системе выбранных категорий текстуальности.

2. Текстуальная группа – инструмент анализа. Её можно в таком случае сравнить с измерительным прибором, используемым для получения каких-либо значений.

3. Текстуальная группа недискурсивна. Отождествление понятий *текст* и *дискурс*, что имеет место в науке, не позволяет разделить исследование текста и дискурса, но рассмотрение текстуальной группы как множества предложений, обладающих некоторыми логическими связями, из которого выводятся лингвистические характеристики группы предложений, ставит её на позицию, позволяющую анализировать её отдельно от анализа дискурса.

Последнее следствие требует особого разъяснения. Пусть имеется текстуальная группа $\langle \Pi_1, \Pi_2, \dots, \Pi_n \rangle$, причём индексы не означают порядкового номера в текстуальной группе. В таком случае возможно $n!$ перестановок предложений в текстуальной группе. Для каждой такой перестановки можно установить наличие когезивных отношений между предложениями и наличие когерентных связей внутри текстуальной группы. Практически такая работа имеет смысл только при малых значениях n , т. к. уже ТГ из 5 предложений будет иметь $5! = 120$ перестановок. Однако сейчас мы хотим показать, что уже сама возможность проведения такого исследования полностью лишает каждую из $n!$ возможных групп интенциональности, а поэтому они оказываются исключительно в рамках лабораторного дискурса, не имеющего ничего общего с реальной коммуникацией. Суть анализа сводится к определению тех возможностей, которые предоставляет языковое выражение. Тем самым метод текстуальных групп следует отнести к группе методов логического анализа языка. Здесь может быть определено множество возможностей текстуальной группы до её погружения в дискурс, поэтому свойство «недискурсивности» можно назвать и «додискурсивностью».

Выделим три типа текстуальных групп, руководствуясь принципом дискретности.

1. Когерентные vs некогерентные ТГ.

Термин *когерентность*, пришедший в лингвистику текста из оптики, имеет не единственное понимание. С одной стороны, учёные говорят о когерентности дискурса как его свойстве, т. е. признаке, неотъемлемо принадлежащем дискурсу. При таком видении когерентность не нуждается в самостоятельном изучении, а дискурс изучается как изначально когерентный. С другой стороны, когерентность понимается как категория текстуальности, с помощью которой устанавливается наличие релевантности текста представляемой в нём реальности. Р. де Богранд и В. Дресслер в своём исследовании связывали это со «смысловой протяжённостью» (*Sinnkontinuität*) [15, s. 88] и формализовали когерентность на основании связи между собой понятий, выражаемых в предложении, и отношений между ними. М. Шароль, формулируя метаправила когерентности, высказал идею о логической непротиворечивости как её основе [17, s. 22] (см. также исследования Г. М. Костюшкиной [8], Н. Г. Елифанцевой, С. С. Еплова [7]).

Мы в настоящем исследовании придерживаемся логической точки зрения на когерентность и определяем её как категорию текстуальности, позволяющую рассматривать последовательность предложений с точки зрения её непротиворечивости. Основываясь на ситуационной семантике, мы утверждаем, что предложения когерентны, если существует основание для объединения их в одну ситуацию. Такое основание мы называем прагматическим дополнением – невыраженным содержательным компонентом, возникающим между предложениями (подробнее см. нашу статью [5]). Текстуальная группа когерентна, если между выражаемыми значениями не возникает противоречия. Покажем сказанное на примерах.

(1) /1/ *Дождь шёл всю неделю.* /2/ *В субботу на дачу не поехали.*

Поскольку «в основе формирования смысла сообщаемого, равно как и его понимания, находится вся совокупность знаний и представлений о мире, весь коллективный и индивидуальный опыт, накопленный человечеством»¹, реципиент обращается к этому опыту для установления связи между оказавшимися в одной группе предложениями. Предложения могут быть по смыслу связаны между собой прагматическим дополнением /а/ <В дождливую погоду на дачу ездят реже>, которое обеспечивает когерентность группы.

(2) *Дождь шёл всю неделю. Выходные прошли хорошо.*

Данная ТГ допускает несколько прагматических дополнений: /а/ к выходным дождь прекратился; /б/ дождь не помеха хорошо проведённым выходным; /в/ на самом деле выходные прошли плохо, потому что шёл дождь, а слово *хорошо* маркирует иронию. Какой бы вариант из трёх представленных (а возможно, существуют и другие) не был выбран, группа когерентна, т. к. не возникает логической несостыковки между выражаемыми в предложениях значениями. Значит, можно сказать, что ТГ когерентна, если существует хотя бы одно прагматическое дополнение, позволяющее выраженным ситуациям быть консистентным. Если такое прагматическое дополнение единственно, будем говорить, что имеет место сильная когерентность. В остальных случаях будем говорить, что имеет место слабая когерентность. Примером (2) была показана слабая когерентность. Очевидно стремление текста к сильной когерентности. Прагматическое дополнение – это своего рода додумывание, возможное выражение того, что не высказано буквально, но оно может быть высказано, если потребуется подтверждение того, что группа когерентна. Именно поэтому дополнение предложено называть прагматическим.

2. Связные vs несвязные ТГ.

Группа является связной, если в ней возникают стандартные когезивные отноше-

ния. Это относится ко всему инвентарю лексических и грамматических средств, которые могут быть использованы для выражения когезивных связей.

Идея отдельного рассмотрения когезии и когерентности в тексте не нова, она высказывалась Б. Зайдльхофер и Г. Уиддоусоном [27, s. 207], О. Дончевой-Навратиловой [18], другими исследователями. Однако формальные критерии этого разграничения требуют уточнения.

Суть когезии состоит в том, что происходит трансформация лексических и грамматических единиц в текстовые, за счёт чего текстуальная группа приобретает свойство связности. Покажем на тривиальном примере, что мы имеем в виду.

Пусть существует пара предложений.

(3) /1/ *Девочка позвала пса.* /2/ *Она дала животному корм.*

Основа когезии заключается не в том, что личное местоимение связывается со своим антецедентом, и не в том, что *пёс* и *животное* – это гипоним и гипероним. Каждый названный объект (*девочка*, *пёс*) может иметь множество номинаций, т. е. представляет собой парадигму возможностей, и какие-то члены этих парадигм выступают в разных предложениях и сочленяются синтагматически. Парадигма объекта *девочка* включает в себя местоимение *она*, а парадигма местоимения *она* (бесконечно большая) включает в себя существительное *девочка*. То же самое можно сказать и о существительных *пёс* и *животное*. Когезия возникает, когда подобные связи устанавливаются в условиях текстуальной группы.

Когда устанавливаются когезивные отношения, в расчёт берутся только возможности предложений быть признанными формально связными, как в следующем примере, который в этом пространстве нет смысла отличать от предыдущего.

(4) /1/ *Девочка позвала пса.* /2/ *Она росла на грядке рядом с морковкой.*

Единственным претендентом на роль антецедента местоимения *она* оказывается существительное *девочка*, как и в предыдущем примере. И это тот единствен-

¹ Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2022. С. 33.

ный ответ на когезивный вопрос, который можно дать в этой текстуальной группе. То, что девочка не может расти на грядке рядом с морковкой, в расчёт не берётся – это вопрос не когезивных, а когерентных отношений. Подобного рода ошибки допускают, например, дети в письменных работах, а учитель, разъясняя, что здесь не так, показывает противоречие между имеющейся связностью и отсутствием непротиворечивости (консистентности) в представленных ситуациях, что, как мы покажем далее, решается в пространстве когерентных отношений.

Таким образом, когерентность ТГ (3) поддержана тем, что в ней возникает прагматическое дополнение /а/ <Девочка зовёт пса, чтобы дать ему корм>. Это прагматическое дополнение поддержано когезивными отношениями, возникшими между предложениями. Но основанием когерентности не является то, что местоимение *она* имеет антецедентом слово женского рода.

Отсутствие когерентности в ТГ (4) обусловлено тем, что мы не находим прагматического дополнения, оптимального для этой пары предложений. Предположим, что прагматическим дополнением будет предложение /б/ <Пёс пробежал по свёкле>. Поскольку оно не очевидно, оно должно быть выражено. Раз оно не выражено, мы имеем дело с неправильно построенной цепочкой предложений, не хватает когезивных связей, которые требуют выраженного антецедента анафорического местоимения. Но мы можем, при отсутствии такого предложения, придумывать бесконечно много вариантов прагматических дополнений, что и приводит к выводу о некогерентности группы.

Соответственно, группы, где когезивные связи не выстраиваются, являются несвязными. Например, несвязными могут быть группы, составленные из заголовков статей в журнале или на сайте информационного агентства.

3. Упорядоченные vs неупорядоченные ТГ.

Упорядоченной следует считать группу, внутреннее строение которой устанавли-

вает строгий порядок, т. е. номер каждого предложения мотивирован когезивными и/или когерентными отношениями внутри группы. Соответственно, иные группы следует считать неупорядоченными или частично упорядоченными, если внутри группы можно выделить отдельную группу со строгим порядком.

Сравнение трёх оснований выделения указанных типов позволяет объединить эти типы по наличию разного характера отношений между предложениями. Очевидно, ни один другой вид текстуальных категорий не имеет возможности такого объединения. При условии, что категории дихотомичны, т. е. допускают решения «да» и «нет», они позволяют образовать 8 сочетаний. Введём обозначения «п» для упорядоченности группы, «с» для связности группы, «к» для когерентности группы. Строчной буквой обозначим вариант «да», прописной – вариант «нет».

1. **пск.** Это группа представляет существование предложений в дискурсе. Они не упорядочены, у них нет когезивных связей и не выстраивается когерентность, потому что в простом наборе отсутствуют механизмы снятия противоречия (например, расположение предложений, содержащих противоречия, на временной оси, что характерно для нарратива). Пример такой группы можно увидеть в выдаче поискового запроса, где предложения располагаются в случайном порядке, или в случайно оказавшихся рядом предложениях.

(5) /1/ Йеллоустоунский – один из самых потенциально опасных вулканов на Земле.
/2/ Ровно год назад запустили МЦД-3.

Предложения взяты из разных текстов, размещённых на одном сайте. Прочитав их, человек может предположить, что они не относятся к одному тексту. Такое решение возникает потому, что предложения не имеют когезивных и когерентных связей и не выстроены в определённом порядке.

2. **Пск.** Отличие этого типа группы от предыдущей состоит в том, что имеет место намеренное упорядочение предложений. Примером может служить набор предложений в учебнике русского языка

(равно как и набор уравнений в учебнике математики).

3. **ПСК.** Данный тип группы иллюстрирует так называемый квазитекст, у которого отмечается наличие когезивных отношений, но отсутствует когерентность. Примером может служить разобранный выше вариант (4). Подробно анализ такого текста был приведён Н. Э. Энkvистом [19, с. 107–108].

4. **пСК.** Данная группа представляет собой набор предложений, подобный предыдущему, но имеющий когезивные связи. Поскольку она не имеет определённого порядка, когезивные отношения должны позволять сформировать неограниченное количество порядков, что маловероятно, поэтому существование групп такого типа возможно, скорее, гипотетически. Приведём пример.

(6) /1/ *Женя и Валя работали в огороде.* /2/ *Мальчик копал грядку.* /3/ *Девочка поливала огурцы.*

Для того, чтобы группа была когерентной, необходимо знать имена соответственно мальчика и девочки, однако их установить невозможно, так как имена собственные общего рода. Неоднозначные, но имеющиеся когезивные связи создают, как минимум, два порядка. При этом нельзя сказать, что группа построена неверно, просто она требует расширения.

5. **пСК.** Когерентные, но несвязные и неупорядоченные группы можно представить себе при сопоставлении текстов, отражающих одну и ту же ситуацию, что характерно, например, для текстов СМИ, для текстов кулинарных рецептов и под.

(7) /1/ *В «Сбере» назвали пять стоп-слов и фраз, которые используют мошенники.* /2/ *Банки начнут возвращать украденные деньги по новой схеме.*

Предложения обнаруживают тематическую общность, что позволяет им быть когерентными. Однако когезивные связи, которые позволили бы выстроить отношения именно между этими предложениями и повлиять на порядок группы, отсутствуют.

6. **пСК.** Данная группа подобна предыдущей, её можно обнаружить при сопоставлении заголовков развивающейся ситуации (например, конфликта), когда порядок задаст когерентность.

(8) /1/ *У Трампа пострадало только ухо.* /2/ *Уволен начальник охраны.*

В данной группе когерентность создаётся за счёт знания, что первое событие было результатом покушения на политика. Если это знание существует, группа обретает единственный порядок. Если его нет, группа приобретает вид *пск*. Когезивных связей между предложениями нет.

7. **ПСК.** Очевидно, что такая группа представляет собой идеальный текст, где когерентные и когезивные отношения формируют порядок предложений.

8. **пСК.** Существование такой группы, скорее всего, невозможно. Когерентные и когезивные отношения – слишком сильный инструмент создания порядка следования предложений, поэтому даже предположить, как выглядела бы группа подобного типа, сложно.

Выделив группы, обнаружим некоторые их существенные свойства.

1. По объёму: одночленные и многочленные. Одночленом будем называть группу, состоящую из двух предложений. Её выделение существенно потому, что в целом ряде случаев задачи по строгости порядка, наличию когезивных или когерентных отношений решаются именно на паре предложений. Многочленом будем называть группу, состоящую из трёх и более предложений. Очевидно, что любой многочлен может быть разделён на определённое количество одночленов.

2. По направленности контекстных отношений: сомкнутые и разомкнутые. Под контекстными отношениями мы понимаем множество характеристик предложения, приводящих к его неоднозначности и требующих разрешения неоднозначности за пределами этого предложения. Предложение, содержащее неоднозначность такого рода, называем базой контекста. Предложение, разрешающее неоднозначность базы, называем контекстом

(подробнее см. нашу статью [6]). Исходя из данных понятий, будем называть группу сомкнутой, если все контексты находятся внутри группы. Если контексты находятся вне группы, она будет называться разомкнутой. В следующих примерах группа (9) сомкнутая, а (10) разомкнутая.

(9) /1/ Анна захотела есть. /2/ Она открыла холодильник.

(10) /1/ Анна захотела есть. /2/ Пришлось звать Ивана.

Базой контекста в группе (9) является предложение /2/, где есть требование создания когезивных отношений (анафорическое местоимение *она* нуждается в antecedенте) и когерентных отношений (местоимение *она* должно иметь antecedентом существительное, способное обозначать агенса).

Базой контекста в группе (10) тоже является предложение /2/, но для создания когерентности необходимо знание, как Иван способен помочь Анне утолить голод. Поскольку внутри группы эту информацию получить невозможно, требуются другие предложения. Группа является разомкнутой. Контекстом разомкнутой группы может быть как неизвестная ситуация, так и общее знание. При этом едва ли стоит говорить о разомкнутости группы, если когерентность создаётся за счёт отнесения к ситуационному типу (например, прагматическое дополнение <еду берут в холодильнике> нецелесообразно рассматривать как контекст, размыкающий группу).

3. Закрытая текстуальная группа – такая группа, для любого предложения которой, имеющего требование контекста, расстояние до контекста не больше расстояния до первого или последнего предложения группы. По определению, первое и последнее предложения не должны иметь, соответственно, правого и левого контекстов. Группы, не отвечающие этому условию, будем называть открытыми.

Закрытые группы могут быть как сомкнутыми, так и разомкнутыми. Приведём пример закрытой разомкнутой группы.

(11) *Влад Соколовский впервые после развода с Ритой Дакотой исповедался телезрителям. Певец откровенно рассказал о том периоде, когда начал изменять своей супруге, и том, какие отношения он ищет сейчас.*

Имя собственное, благодаря специфике своего значения, требует эксплицированной дескрипции, если она не составляет элемент общего знания. Если читателю неизвестно, кто такой Влад Соколовский, он нуждается в поиске такой информации. Если читателю это известно, такая информация становится основой когерентности группы. В любом случае предложение содержит некоторую семантическую неполноту, которая восполняется прагматическими средствами. Формально группа оказывается закрытой, но по содержанию является разомкнутой.

Заключение

1. Метод текстуальных групп полностью обеспечивает анализ текста «снизу», так как позволяет решать вопросы о способности предложений составлять часть текста или формировать целый текст, минуя категории автора, читателя, интенциональности и т. д.

2. Для анализа текстуальности достаточным оказывается набор из трёх категорий – порядка, когезии, когерентности. Достаточность набора следует из задач текстуального анализа.

3. Метод текстуальных групп позволяет анализировать как отдельные предложения, так и готовые тексты. При этом возможно выделение внутри текста любых наборов предложений для формирования текстуальных групп и их анализа.

Статья поступила в редакцию 26.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.
2. Барт Р. S/Z / пер. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
3. Борисова Т. О. Текстуальность компьютерной игры как поликодового текста // Культурология, искусствознание и филология: современные взгляды и научные исследования: сборник статей по материалам LVIII международной научно-практической конференции, Москва, 11 марта 2022 г. Т. 3. М.: Интернаука, 2022. С. 49–56.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
5. Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 13–24.
6. Глазков А. В. Когезия и когерентность в контекстных отношениях // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 3. С. 135–154.
7. Епифанцева Н. Г., Еплов С. С. Образовательный дискурс (французский и русский языки в сопоставлении) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 91–100.
8. Костюшкина Г. М. Теория дискурса во французской лингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 1. С. 101–107.
9. Пастухов А. Г. Категория текстуальности и её реализация в немецкоязычных медийных жанрах // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сборник материалов II Всероссийской научно-практической онлайн-конференции, Орёл, 31 марта 2022 г. Орёл: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2022. С. 219–227.
10. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 709 с.
11. Сушкова А. Р. К вопросу о рассмотрении дихотомической пары текст vs дискурс через их категории // Lingua-Universum. 2023. № 4. С. 50–52.
12. Тарасов М. И. Лингвистическая категория текстуальности в нарративе // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3(59). С. 67–79.
13. Чернявская В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 77–83.
14. Adamzik K. Textlinguistik: Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. 423 s.
15. Beaugrande R., Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. 290 s.
16. Brinker K., Cölfen H., Pappert S. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 s.
17. Charolles M. Introduction aux problèmes de la cohérence des textes // Langue française. 1978. № 38. P. 7–41.
18. Dontcheva-Navratilova O., Jančaržiková R., Miššiková G., Povolná R. Coherence and Cohesion in English Discourse. Brno: Masarykova Univerzita, 2017. 158 p.
19. Enkvist N. E. Coherence, Pseudo-coherence, and Non-coherence // Cohesion and Semantics. Reports on Text Linguistics. Eran Stiftelsens for Abo Akademi Forskningsinstitut. 1978. № 41. P. 106–125.
20. Givón T. Coherence. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2020. 293 p.
21. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. Longman, 1976. 375 p.
22. Hausendorf H., Kesselheim W., Kato H., Breitholz M. Textkommunikation: Ein textlinguistischer Neuansatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift (Reihe Germanistische Linguistik, 308, Band 308). De Gruyter, 2017. 428 s.
23. Kehler A. Coherence, reference, and the theory of grammar. Stanford University: CSLI, 2002. 226 p.
24. Krause W.-D. Textsorten – Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2000. 224 s.
25. Pagin P. Enrichment, coherence, and quantifier properties // Journal of Pragmatics. 2019. № 154. P. 92–102.
26. Petőfi J. S. Representation Languages and their Function in Text Interpretation. In: Some aspects of formal foundations in text semantics. Universität Bielefeld: 1980. P. 73–182.
27. Seidlhofer B., Widdowson H. Coherence in Summary: The Context of Appropriate Discourse // Coherence in Spoken and Written Discourse / eds. W. Bublitz, U. Lenk, E. Ventola. Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. P. 205–220.

REFERENCES

1. Bart R. From Work to Text (Rus. ed.: *Ot proizvedeniya k tekstu*. In: Kosikov G. K., compl. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika*. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 413–423).

2. Bart R. S/Z (Rus. ed.: Kosikov G. K., Murat V. P., transl. S/Z. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 232 p.).
3. Borisova T. O. [Textuality of the Computer Game as a Polycode Text]. In: *Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennye vzglyady i nauchnye issledovaniya: sbornik statej po materialam LVIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 11 marta 2022 g. T. 3* [Cultural Studies, Art Criticism and Philology: Modern Views and Scientific Research: Collection of Articles Based on the Materials of the LVIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 11, 2022. Vol. 3]. Moscow, Internauka Publ., 2022, pp. 49–56.
4. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
5. Glazkov A. V. [Situationality as a Basis of Text Coherence]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 1, pp. 13–24.
6. Glazkov A. V. [Cohesion and Coherence in the Context Relations]. In: *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2023, vol. 15, iss. 3, pp. 135–154.
7. Epifantseva N. G., Eplov S. S. [Educational Discourse (French and Russian in Comparison)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 6, pp. 91–100.
8. Kostyushkina G. M. [The Theory of Discourse in the French Linguistics]. In: *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy], 2012, no. 1, pp. 101–107.
9. Pastuhov A. G. [Category of Textuality and Its Realization in German Media Genres]. In: *Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik materialov II Vserossijskoy nauchno-prakticheskoy onlajn-konferencii, Oryol, 31 marta 2022 g.* [Current Issues in Linguistics and Lingvodidactics in the Context of Intercultural Communication: Collection of Materials from the II All-Russian Scientific and Practical Online Conference, Orel, March 31, 2022]. Oryol, Orel State University named after I. S. Turgenev Publ., 2022, pp. 219–227.
10. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.
11. Sushkova A. R. [On the Issue of Considering the Dichotomous Pair Text vs. Discourse Through Their Categories]. In: *Lingua-Universum*, 2023, no. 4, pp. 50–52.
12. Tarasov M. I. [Linguistic Category of Textuality in Narrative]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Smolensk State University], 2022, no. 3 (59), pp. 67–79.
13. Cherniavskaya V. E. [Cognitive Linguistics and Text: Do We Need a New Concept of Textuality]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2005, no. 2, pp. 77–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазков Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дискурсивных практик, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Glazkov – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Discursive Practices, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глазков А. В. Метод текстуальных групп в анализе текстуальности «снизу» // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 30–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-30-41

FOR CITATION

Glazkov A. V. Textual Group Method in the Bottom-Up Analysis of Textuality. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 30–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-30-41

УДК 81`373.421

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-42-50

О СИНОНИМИЧНЫХ ЕДИНИЦАХ И ОСНОВАНИЯХ ИХ РАЗЛИЧИЕНИЯ: *ЛЮБОПЫТНЫЙ И ИНТЕРЕСНЫЙ* И ХАРАКТЕР ПРОЯВЛЕНИЯ ИХ ОЦЕНКИ

Девятова Н. М.*Московский городской педагогический университет**119226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности лексического значения синонимичных прилагательных *любопытный* и *интересный* и их производных, показать специфику проявления их оценочного значения, объясняющую различия и особенности употребления.

Процедура и методы. Исследование осуществляется на основе компонентного анализа, призванного выявить сходства и различия прилагательных *любопытный* и *интересный*. Компонентный анализ дополняется анализом синтаксическим, отражающим особенности сочетаемости единиц, на основе которого выявляются прагматические смыслы – специфика оценки и характер её интерпретации. Материал исследования в основном сформирован на основании данных Национального корпуса русского языка

Результаты. Дан анализ словарных толкований разных значений прилагательного *любопытный*. Представлены особенности лексического значения прилагательного, объясняемые характером оценочной семантики и сферой её приложения. В ходе анализа описаны два типа интерпретации оценки – диктумная и модусная, имеющая разное место в структуре значения *любопытный* и *интересный*. Диктумная интерпретация касается употреблений прилагательного, относящегося к качествам человека – *любопытный мальчик*, *любопытный читатель*. Модусный характер оценки отличает употребления *любопытный фильм*, *факт* и т. п. и связан с такими свойствами характеризуемого объекта, как сущностные (значимые) или незначимые признаки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлены новые подходы к презентации значения единиц, содержащих имплицитную оценку, выявлены значимые факторы, определяющие характер оценки. Применительно к изучаемому материалу сформулировано представление о диктумной и модусной оценке. На основании модусной оценки, обращённой к признакам объекта, которые выделяет говорящий, представлены различия прилагательных *любопытный* и *интересный*. Полученные результаты могут найти применение в курсах «Лексикология», «Синтаксис русского языка».

Ключевые слова: интересный, личная сфера субъекта, любопытный, оценка, оценка диктумная, оценка модусная, сфера приложения оценки

ON THE SYNONYMS AND THE GROUNDS FOR THEIR DISTINCTION: *ЛЮБОПЫТНЫЙ (CURIOUS) AND ИНТЕРЕСНЫЙ (INTERESTING)* AND THE NATURE OF THE MANIFESTATION OF THEIR ASSESSMENT

N. Deviatova*Moscow City University**pr. Selskohozyaystvenny 4, Moscow 119226, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of the lexical meaning of synonymous adjectives *любопытный* (curious) и *интересный* (interesting) and their derivatives, to show the specifics of their evaluative meaning manifestation, which explains the differences and peculiarities of use.

Methodology. The research is carried out on the basis of the component analysis designed to identify similarities and differences between the adjectives *любопытный* (curious) и *интересный* (interesting). The component analysis is complemented by the syntactic analysis reflecting the peculiarities of the compatibility of units, on the basis of which the pragmatic meanings are revealed – the specifics of the assessment and the nature of its interpretation. The research material is mainly based on the data of the National Corpus of the Russian Language.

Results. The analysis of dictionary interpretations of different meanings of the adjective *curious* is given. The features of the lexical meaning of the adjective are presented, explained by the nature of evaluative semantics and the scope of its application. In the course of the analysis, two types of interpretation of the assessment are described – dictum and modus, which have a different place in the structure of the meaning of *любопытный* (curious) и *интересный* (interesting). The dictum interpretation concerns the use of an adjective referring to the qualities of a person – *a curious boy, a curious reader*. The modus character of the assessment distinguishes the use of *a curious film, fact*, etc. and is associated with such properties of the characterized object as essential (significant) or insignificant features.

Research implications. New approaches to the representation of the value of units containing an implicit assessment are presented, significant factors determining the nature of the assessment are identified. In relation to the studied material, the idea of dictum and modus assessment is formulated. Based on the modus assessment focused on the features of the object that the speaker identifies, the differences between the adjectives *curious* and *interesting* are presented. The results obtained can be used in the “Lexicology”, “Syntax of the Russian language” disciplines.

Keywords: любопытный (curious), интересный (interesting), assessment, personal sphere of the subject, dictum assessment, modus assessment, scope of assessment application

Введение

Процессы, влияющие на состояние современного русского языка, проявляются на разных уровнях языковой системы: лексическом, морфологическом, синтаксическом – и нередко вызывают впечатление их неконтролируемости. Это касается целого ряда языковых явлений. Отметим такое, как несклоняемость отдельных групп существительных в устной телевизионной речи. Так, перестали склонять названия лекарств (*пользоваться арбидол*), названия торговых точек, магазинов и т. п., достаточно освоенные русским языком (*работать в «Макдональдс», покупать в «Ашан», новогодние скидки в «Магнит»* и др.). На страницах интернета появились новые существительные женского рода *авторка, актёрка*.

На языковые процессы в области лексики мощное влияние оказывает реклама: *легендарная карта, хорошо известный кредит*. В подобных случаях можно наблюдать конфликт денотации и номинации: за картой Альфа-банка не стоит никакой легенды, как и известный всем кредит со-

всем не является таковым (и чем он может быть известен?). Н. А. Герасименко, характеризуя некоторые результаты демократизации языка, отмечает снижение культуры речи как обратной стороны процесса [3]. Общую тенденцию автор прослеживает на примере глагола *поменяться*, заменяющего глагол *измениться / изменяться*: «На наших глазах уходит из активного употребления нейтральный глагол *измениться // изменяться* (самому, т. е. стать другим). Он заменяется глаголом *поменяться*, первое значение которого (‘меняться кем / чем с кем-то’; второе – ‘замещать друг друга, сменяться’; и только третье, характерное для разговорной речи – ‘подвергаться перемене, изменяться’). Это третье значение под влиянием массмедиа проникло во все сферы языка и почти полностью заменило собой глагол *измениться*» [3, с. 10].

Изменения в языке, как отмечают многие исследователи, отражают изменения в восприятии действительности: «Гносеологический (познавательный) подход к восприятию действительности вы-

тесняется аксиологическим (оценочным)» [7, с. 64.].

Как проявление общей тенденции небрежного отношения к языку в устной публичной речи можно считать практически безграничную сочетаемость прилагательного *любопытный*: *любопытный взгляд, программа, фильм* и др. Обычно прилагательное употребляется без объясняющего контекста, и понять, что в каждом отдельном случае обозначает прилагательное, не всегда просто.

Характер оценки как значимый фактор значения и употребления прилагательного *любопытный*

Толковый словарь С. И. Ожегова выделяет два значения, где наряду с основным – «отличающийся любопытством, выражающий любопытство» с примерами *любопытный человек, любопытный взгляд* приводится и второе значение: «интересный, занятный» с примерами *любопытный случай, любопытная точка зрения*¹.

В значение прилагательного входит и имплицитная оценка, которая применительно к разным объектам может быть положительной или отрицательной. Без обращения к проблеме выявления оснований оценки смысл прилагательного оказывается непрояснённым.

Смыслы, в определённой мере объясняющие оценку, более заметны у производного существительного *любопытство*. Здесь оценочные смыслы эксплицируются: это ‘мелочный интерес ко всяким подробностям’². Прилагательное, включающее в своё значение оценку, оказывается близким по значению к прилагательному *интересный*, обороту с существительным *вызывающий интерес*. Словари отмечают близость значений слов *любопытный* и *интересный*. Так, в Словаре русского языка находим: «любопытный – 1. Проявляющий любопытство, отличающийся любо-

пытством. 2. Достойный внимания, интересный»³. *Любопытный* во втором значении может употребляться со всеми приведёнными выше существительными и может быть заменено прилагательным *интересный*. Однако замена в сочетании *любопытный мальчишка*, где прилагательное выступает в первом значении, оказывается неравноценной.

Оба прилагательных содержат оценку и практически не различаются в своей сочетаемости: *любопытный (интересный) факт, любопытный (интересный) доклад, любопытный (интересный) пример* и др. Говоря о частнооценочных значениях, Н. Д. Арутюнова относит значение слова *интересный* к психологическим оценкам [1, с. 75]. Ценностное отношение говорящего к действительности, как отмечает Е. М. Вольф, заключается в следующем: «Объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т. п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [2, с. 5].

Встаёт естественный вопрос о различиях прилагательных и о способах представления этих различий.

Первое значение прилагательного, проявляющееся в словосочетании *любопытный мальчишка*, допускает разную оценку, объясняемую сферой приложения действия ‘проявлять любопытство’. Положительную оценку прилагательное выражает в сочетаниях *любопытный ребёнок, любопытный читатель*. Оценка относится к стремлению много знать. В приведённых примерах прилагательное называет положительное качество человека. О. Ю. Казмирчук обращает внимание на частотность и роль прилагательного *любопытный* в детской речи [4, с. 51].

Новое знание обогащает человека, служит совершенствованию личности. Оценка в подобном случае, как можно заметить, связана с типом получаемой информации, сферой распространения

¹ Любопытный // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: А-Темп, 2006. С. 336.

² Там же.

³ Любопытный // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1986. С. 210.

любопытства. Однако у «хорошего» любопытства есть границы. Любопытство может рассматриваться как положительное качество, если оно замыкается в личных границах, когда оно работает на интересы самой личности и не наносит вреда другим. Например: *Отца мать прозвала из-за своего патологического для женщины нелюбопытства, ни разу не задержавшись после работы с бабами у подъезда*¹.

Любопытство распространяется на людей и события, имеющие непосредственное отношение к жизни говорящего: *Вылезать из-под одеяла страшно не хотелось, но любопытство взяло верх, и Ладька тихонько подкрался и осторожно приоткрыл скрипучую дверь*²; *И искоса бьющий, как свет из-за тучи, Который погаснет сейчас, Глядит на меня любопытный и жужжий Твой милый каштановый глаз*³; *И вот развешиваю уши, Глаза пошире раскрываю И, любопытный, словно в детстве, Спешу с горячей головою Наслушаться и наглядеться, Народоваться Москвою*⁴.

Если любопытство распространяется за личные границы, оценка трансформируется в отрицательную: *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали; любопытный сосед*. Отрицательная оценка лица появляется в сочетаниях *любопытный коллега, любопытная подруга, любопытный сосед* и др.

На портале «Русский язык и грамотность» читатель точно сформулировал различие прилагательных *любопытный* и *любознательный*. Различие касается правомерности использования информации для достижения результата. В случае с *любопытный* субъект «не имеет достаточных оснований для полезного исполь-

зования полученной информации»⁵. Соответствующий смысл отличает последние примеры (*Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*).

Любопытство как отношение к жизни по-разному характеризует разные типы субъектов. Любопытство отличает детское отношение к жизни, и такое отношение оценивается обычно положительно.

Любопытство с целью узнать о людях что-то, чем бы они не хотели делиться, – это отрицательное качество. Чрезмерный интерес – это нарушение принятой нормы человеческих отношений.

Прилагательное сохраняет положительную оценку, если употребляется в переносном значении – метафорическом или метонимическом: *любопытный месяц, любопытный взор, взгляд, ум, глаз, нос, шаг*. Например: *Когда вступила в спальню Дездемона, Там было тихо, тихо и темно, Лишь месяц любопытный у ней в окно Заглядывал с ночного небосклона*⁶; *Направил любопытный шаг И я туда ж, хоть в самом деле Я был непримиримый враг Забавам воинским доселе, И не умел понять никак, Как человек, в ком уцелели Две мысли здравых как-нибудь, На них мог с радостью взглянуть*⁷; *В последнем вкусе туалетом Заняв ваш любопытный взгляд, Я мог бы пред учёным светом Здесь описать его наряд*⁸.

С прилагательным в первом значении из приведённой словарной статьи соотносится и слово категории состояния *любопытно*. Здесь любопытство также затрагивает

¹ Метлицкая М. Лёгкая жизнь // Карта слов: [сайт]. URL: https://kartaslov.ru/книги/Мария_Метлицкая_Легкая_жизнь/1#p1 (дата обращения: 17.03.2024).

² Там же.

³ Искандер Ф. А. Ты помнишь? Мы в зарослях. Сбились с дороги... // Национальный корпус русского языка (поэтический корпус): [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

⁴ Слуцкий Б. А. Я не любил стола и лампы... // Национальный корпус русского языка (поэтический корпус): [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

⁵ Чем отличается любопытный человек от любозна-тельного? В чём различия между этими понятиями? // Яндекс Кью: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/q/gramota/9175549697> (дата обращения: 17.03.2024).

⁶ Гумилёв Н. С. Когда вступила в спальню Дездемона... // Национальный корпус русского языка (поэтический корпус): [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

⁷ Огарев Н. П. Юмор. Часть вторая: «Я начинаю к вам писать...» // Национальный корпус русского языка (поэтический корпус): [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

⁸ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Национальный корпус русского языка (поэтический корпус): [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

внутреннюю сферу говорящего и направлено на приобретение нового полезного знания. Этим и объясняется его положительная оценка. Например: *И ведь что любопытно и симптоматично: идеи доктора Чезаре Ломброзо, который впервые заговорил о биологических основах криминала, никуда не делись¹; Мне интересно наблюдать жизнь – любопытно, как она устроена²; Зато было любопытно, проиграет ли наша сборная хотя бы один матч, а также – кто займёт в Бледе второе и третье места³. Любопытно* легко может быть заменено на *интересно*. Различие, как и в случаях с *любопытный*, мы связываем с силой проявленного интереса. Употребляя *интересно*, мы отмечаем большую степень интереса говорящего, нежели если выбираем *любопытно*. *Любопытно* отражает случайный интерес, тогда как *интересно* обозначает более осознанное внимание.

Различия приведённых значений мы связываем с таким качеством оценки, как диктумная или модусная её интерпретация. Диктумная оценка отражает качества человека и характеризует приводимые выше примеры.

Если объект оценки оказывается за пределами личной сферы говорящего и относится к действиям, событиям, фактам и т. п., оценка приобретает модусную интерпретацию: *любопытный персонаж, любопытный знакомый* – вызывающий интерес у говорящего. Толкование подобных примеров через *интересный* не вскрывает всех тонких особенностей прилагательного в названных контекстах. Несмотря на значительную распространённость таких употреблений, ощущается их некая недоопределённость, связанная с некоторыми

асpekтами их оценки. Н. Д. Арутюнова отмечает принадлежность таких единиц (*хорошо / плохо*) к классам недискриптивных: их содержание в значительной степени зависит от контекста [1]. Есть и единицы, где наряду с дискриптивной составляющей присутствует и оценка. Например, *удивительный* – обладающий совокупностью качеств, которые оцениваются социумом как положительные. Т. Е. Шаповалова, исследуя особенности проявления оценочных значений во фразеологизированных структурах сложного предложения, говорит об «аксиологических знаках в грамматической форме художественного текста» [9, с. 35].

Наши примеры *любопытный факт, любопытное событие* и др., как мы отмечали, составляют вторую группу возможных контекстов.

Обратим внимание на особенности модусной интерпретации оценки. **Модусной** оценкой мы будем называть оценку, отражающую интерпретацию факта говорящим. Модусная оценка относится не к свойствам объекта, а лежит в сфере модуса – отражает интерпретацию факта говорящим. Именно в сфере интерпретации мы видим различия прилагательных *любопытный* и *интересный*. Оценке могут подвергаться разные факты, важно, как говорящий оценивает их – как важные, значимые или незначимые, несущественные.

Обратимся к примерам, в которых оценочное значение прилагательного интерпретируется контекстом. Речь пойдёт об основаниях оценки.

В программе «Жизнь замечательных» писатель Алексей Варламов, говоря о работе Василия Шукшина над фильмом о Разине, употребляет сочетание *любопытный поворот истории*. Против фильма на Горьковской киностудии выступили не чиновники от искусства, а режиссёры, потому что фильм получался очень дорогой и съедал почти весь бюджет, что лишало возможности других режиссёров работать над своими картинами. Отметим, что *любопытный поворот* был связан не с качеством фильма о Разине, а с фактами побоч-

¹ Лекарство от преступности // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

² Зубцова Я., Серебренников К. Ниспровергатель, наблюдатель и повелитель // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

³ Народицкий Л. Аромат успеха. Сборная России выиграла шахматную Олимпиаду // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

ными, не касающимися достоинств самого фильма. Приведённый пример позволяет заметить, что основанием оценки прилагательного *любопытный* являются незначимые, второстепенные признаки объекта. Или: *Недавно кто-то из коллег привёл любопытный пример: у нас в школьных учебниках задачи про всякие яблоки, а в других странах это центы, пенсы и тому подобное, причём с первого класса*¹. Предметное содержание задачи (о чём идёт речь) – это её вторичные признаки.

Более прозрачным для объяснения значения единицы является научный контекст. Например: *Методологической основой эти работы трудно назвать, но они любопытны в части привлечения материала исследования* (из автореферата кандидатской диссертации²). Материал исследования хотя и является необходимой его составляющей, в незначительной мере определяет его результат.

Прилагательное же *интересный* отмечает именно сущностные признаки объекта. Интерес представляют текстовые комментарии, в определённой степени объясняющие выбор оценочного прилагательного. Например: *В то время как ежегодные переводы мигрантов в Португалию составляли 3 млрд. долларов США, депозиты эмигрантов достигли 14 млрд. долларов США. Другой интересный пример – Марокко. По мнению некоторых аналитиков, около 60% всех переводов в страну проходит через *Groupe Banques Populaires (BP)* – основной, принадлежащий государству банк, который имеет отделения и агентов в нескольких европейских странах*³; *Это очень*

*интересный писательский опыт, потому что её автор – учёный, у которого много ссылок на новейшие исследования, и при этом она хорошо пишет и постоянно думает о том, как перформативно представить предмет своего исследования в самом типе «сказа» о нём*⁴.

В каждом из приведённых примеров называются именно сущностные признаки объекта, являющиеся основанием оценки. Основания оценки и здесь являются неэксплицированными. Как пишет И. М. Кобозева, «разные виды оценки в разной степени нуждаются в экспликации мотивов оценки» [6, с. 94]. Т. Б. Радбиль говорит «о контекстно-оценочном потенциале» нейтральной единицы, о «коннотативно-оценочном фоне» [7, с. 290] и механизмах выявления имплицитной позитивной и негативной оценочности [8].

Различия двух прилагательных мы связываем с признаком, обозначенным нами как характер интерпретации выбора оценки говорящим. Как представляется, *интересный* в отличие от *любопытный* непосредственно затрагивает субъекта основной модели: *Ему предлагают интересный проект* (событие отражается с внутренней точки зрения субъекта модели – интересный для него); *Современные люди, если они оба заняты на работе, если у них есть свой интересный круг общения, свои увлечения, довольно быстро становятся несчастны, когда пытаются организовать традиционную семью*⁵. Интересный круг общения – включающий интересных людей (не любопытный круг общения).

Любопытный и *интересный* соединяются с существительными, называющими факты, события (*любопытный случай, интересная встреча*) и не сочетаются с существительными предметного значения (*интересный, любопытный стол, портфель*). Такие сочетания допустимы с при-

¹ Ершова Т. В., Никифоров Н. А. Качество работы госслужащего измеряется не наградами, а полезными результатами для людей // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

² Загоруйкина Ю. В. Мифо-ритуальные основы сюжета и конфликта в драмах А. Н. Островского и Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. С. 10.

³ Денежные переводы мигрантов – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

⁴ Мартов И., Иванов А. Т. Гриб является в некотором роде биомессией // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

⁵ Холина А. Конец эпохи насильственного счастья // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.03.2024).

лагательным *интересный*, если речь идёт о свойствах таких предметов, например, *портфель необычной формы, стол необыкновенной красоты*). *Любопытный* в таких примерах недопустимо.

Обратим внимание на сочетаемость прилагательных с личными именами.

Сочетание *интересный мужчина* даёт характеристику внешнего облика мужчины. В других случаях речь идёт о значимых качествах личности: *интересный писатель, преподаватель. Любопытный человек* в значении 'вызывающий чье-либо любопытство' (*любопытный путешественник, переводчик, писатель*) называет незначимые признаки, не имеющие важного значения для характеристики его личности.

Различие, выявленное для *любопытный* и *интересный*, проявляется и у существительных *любопытство* и *интерес*.

В интернете читаем такое определение любопытства: 'стремление узнать, услышать что-л. во всех, даже несущественных подробностях'¹.

Основное различие интереса и любопытства мы видим прежде всего в наличии / отсутствии мотивации *интерес к нему, интерес к стихам*. Интерес всегда осознан *блюсти свой интерес*. Например: *Поужинав, начинались разговоры – Тася выпрашивала всё, до самой мельчайшей детали, и это было не любопытство, а интерес, горячий, искренний и неподдельный*².

Любопытство может не иметь причины и конкретной цели: *праздное любопытство*.

Любопытство не всегда управляемо: *вспыхнуло любопытство, гложет любо-*

пытство, жадное любопытство, жгло любопытство, разбирает любопытство, раздирает любопытство. В отличие от интереса, оно не телеологично: *пустое любопытство*. Оно обладает разрушительной силой. Его следует смирять.

Обратим внимание на схожие контексты: *посмотреть с любопытством / с интересом, слушали с любопытством / с интересом*. Любопытство замыкается в самом себе, тогда как интерес имеет «продолжение».

Заключение

Анализ прилагательных *любопытный / интересный* и существительных *любопытство / интерес* позволил выделить значимые признаки единиц, объясняемые особенностями включённой в значение единиц оценки. Различие разных значений прилагательного *любопытный* связано с характером оценки. Диктумное значение определяет значение таких единиц, как *любопытный мальчик, любопытный сосед*. Различие таких употреблений связано с характером распространения соответствующего качества. Любопытство может распространяться / не распространяться за пределы личной сферы.

Модусная оценка связана с характером интерпретации того или иного факта говорящим. Признак *интересный* относится к значимым, сущностным признакам объекта (*интересный фильм*), *любопытный* – к незначимым признакам.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2002. 278 с.
3. Герасименко Н. А. Русский язык в новейшее время // Язык и актуальные проблемы образования: материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 19 января 2023 г. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 10–13.
4. Казмирчук О. Ю. Знакомство с жанром романтической баллады на материале «Лесного царя»

¹ Любопытство // Большой толковый словарь русского языка. Грамота: [сайт]. URL: <https://gramota.ru/meta/lyubopytstvo> (дата обращения: 17.03.2024).

² Метлицкая М. Три женщины в городском пейзаже // RuLit: [сайт]. URL: <https://www.rulit.me/books/tri-zhenshchiny-v-gorodskom-pejzazhe-litres-read-647064-13.html> (дата обращения: 17.03.2024).

- И. Гёте // Проблемы современного филологического образования: сборник научных статей. Вып. 17. М.: Московский городской педагогический университет, 2019. С. 148–152.
5. Кобозева И. М. Наречия оценки: корреляция семантических различий с синтаксическими (на примере наречий общей и гедонистической оценки) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 90–109.
 6. Милованова М. С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке // Педагогическое образование и наука. 2019. № 1. С. 63–67.
 7. Радбиль Т. Б. «Прагматика имплицитной оценки» в медиадискурсе интернета (по данным корпусного анализа) // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: доклады Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук Ольги Павловны Ермаковой, Калуга, 12–14 октября 2023 г. Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2023. С. 287–297.
 8. Радбиль Т. Б. Дискурс-анализ «языка ценностей» в интернет-СМИ (по данным газетных корпусов) // Медиалингвистика: материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г. СПб.: Медиапир, 2023. С. 785–790.
 9. Шаповалова Т. Е. Аксиологические знаки в грамматической форме художественного текста // Русский язык за рубежом. 2023. № 2 (297). С. 34–38.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Assessments: Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.
2. Volf E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional Semantics of Assessment]. Moscow, URSS Publ., 2002. 278 s.
3. Gerasimenko N. A. [Russian Language in Modern Times]. In: *Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 19 yanvarya 2023 g.* [Language and Current Problems of Education: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 19, 2023]. Moscow, State University of Education Publ., 2023, pp. 10–13.
4. Kazmirchuk O. Yu. [Acquaintance with the Genre of Romantic ballad based on the Material of J. Goethe's "Forest King"]. In: *Problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya: sbornik nauchnykh statej. Vyp. 17* [Problems of Modern Philological Education: Collection of Scientific Articles. Iss. 17]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2019, pp. 148–152.
5. Kobozeva I. M. [Adverbs of Evaluation: Correlation of Semantic and Syntactic Properties (The Case of General and Hedonistic Evaluations)]. In: *Kritika i semiotika* [Critique & Semiotics], 2022, no. 1, pp. 90–109.
6. Milovanova M. S. [Modern Russian Axiological Consciousness and Actual Trends in Language]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2019, no. 1, pp. 63–67.
7. Radbil T. B. ["Pragmatics of Implicit Evaluation" in the Internet Media Discourse (Based on Corpus Analysis)]. In: *Problemy lingvisticheskoy semantiki i pragmatiki yazykovykh edinic raznykh urovnej: doklady Mezhdunarodnoj nauchnoy konferencii, posvyashchyonnoy pamyati doktora filologicheskikh nauk Ol'gi Pavlovny Ermakovoy, Kaluga, 12–14 oktyabrya 2023 g.* [Problems of linguistic semantics and pragmatics of language units of different levels: reports of the International scientific conference dedicated to the memory of Doctor of Philological Sciences Olga Pavlovna Ermakova, Kaluga, October 12–14, 2023]. Kaluga, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky Publ., 2023, pp. 287–297.
8. Radbil T. B. [Discourse analysis of the "language of value" in online media (based on newspaper corpora)]. In: *Medialingvistika: materialy dokladov uchastnikov VII Mezhdunarodnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 28 iyunya – 1 iyulya 2023 g.* [Medialinguistics: materials of reports of participants of the VII International Conference, St. Petersburg, June 28 – July 1, 2023.]. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2023, pp. 785–790.
9. Shapovalova T. E. [Axiological Marks in the Grammatical Form of a Literary Text]. In: *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2023, no. 2 (297), pp. 34–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Девятова Надежда Михайловна – доктор филологических наук, профессор департамента филологии Московского городского педагогического университета;
e-mail: deviatovan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda M. Devyatova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Philology, Moscow City University;
e-mail: deviatovan@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Девятова Н. М. О синонимичных единицах и основаниях их различения: *любопытный* и *интересный* и характер проявления их оценки // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 42–50.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-42-50

FOR CITATION

Devyatova N. M. On The Synonyms and the Grounds for Their Distinction: *Любопытный* (*Curious*) and *Интересный* (*Interesting*) and the Nature of the Manifestation of Their Assessment. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4. pp. 42–50.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-42-50

УДК: 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-51-60

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «БЛАГОДАРНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ

Колесникова С. М., Ма Тунтун*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определяется структурная организация (ядро и периферия) концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» в русском языке, уточняется объём толкований данного понятия и его статус.

Процедура и методы. В исследование включаются анализ словарных дефиниций, корпусный анализ, дистрибутивный анализ с выделением семы или семемы ключевого слова, концептуальный анализ с описанием структуры концепта; используется лингвокультурологический метод, позволяющий установить лингвистические, культурологические и социологические особенности рассматриваемых языковых единиц.

Результаты. Описание структуры концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» позволило выделить несколько активных смысловых зон, объединённых архисемой 'благодарения' / 'признательности': ядро – 'благодарение', 'признание'; *околоядерная зона* – 'уважение', 'обязанность' и 'любовь'; периферия: *ближняя периферия* – 'похвала / одобрение', 'мера оценки', 'поощрение', 'вознаграждение', 'плата'; *дальняя периферия* – 'намерение', 'комплимент', 'взаимность', 'любезность'. Ядро поля составляют основные слова и выражения, используемые для выражения сем 'признательности', 'благодарения', являющиеся базовыми этическими формулами выражения *межличностных отношений*, особым речевым жанром, категорией. Околоядерные и периферийные элементы расширяют семантическое пространство поля и позволяют выразить *благодарность* в различных контекстах и с дополнительными оттенками значения: периферийные градуальные семы вежливости и формальности; семы поддержки и помощи; семы выражения положительных эмоций и чувств; семы поощрения и похвалы; семы признания и уважения, указывающие на различные *невербальные* способы выражения *благодарности* («мимика», «жест», «подарок», «смайлики»). В концептуальном поле «БЛАГОДАРНОСТЬ» устанавливаются семантические ассоциативные ряды с понятиями «взаимность», «уважение», «милость» и «любовь».

Теоретическая и/или практическая значимость исследования концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» в русском языке неоспорима, так как в русском языке не только идентифицированы ключевые лексические единицы и фразеологические обороты, но и остаётся не вполне изученным множество лингвистических аспектов современных коммуникативных практик. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания курсов «Современный русский язык» (раздел «Лексикология»), «Стилистика», «Когнитивная лингвистика», «Лингвистический анализ текста», «Филологический анализ текста», «Лингвокультурология», «Культура речи», «Этика речевого поведения»; материалы полезны в лексикографической практике, а также при изучении русского языка как иностранного.

Ключевые слова: благодарность, концептуальное поле, периферия, семантическая структура, ядро, языковые единицы

STRUCTURAL ORGANISATION OF THE CONCEPTUAL FIELD "GRATITUDE" IN RUSSIAN: CORE AND PERIPHERY

S. Kolesnikova, Ma Tongtong*Moscow Pedagogical State University**ul. Malaya Pirogovskaya 1 bld. 1, Moscow 119991, Russian Federation*

© CC BY Колесникова С. М., Ма Тунтун, 2024.

Abstract

Aim. To determine the structural organization (core and periphery) of the conceptual field “GRATITUDE” in the Russian language, to clarify the scope of interpretation of this concept and its status.

Methodology. The study includes analysis of dictionary definitions, corpus analysis; distributional analysis highlighting the seme or sememe of the keyword; conceptual analysis, including a description of the structure of the concept; linguoculturological method to establish the linguistic, cultural and sociological features of the linguistic units under consideration.

Results. The description of the structure of the conceptual field “GRATITUDE” made it possible to identify several active semantic zones, united by the archeme of ‘gratitude’ / ‘appreciation’: core – ‘being thankful’, ‘recognition’; perinuclear zone – ‘respect’, ‘duty’ and ‘love’; periphery: near periphery – ‘praise/approval’, ‘evaluation measure’, ‘encouragement’, ‘reward’, ‘payment’; distant periphery – ‘intention’, ‘compliment’, ‘reciprocity’, ‘courtesy’. The core of the field consists of the basic words and expressions used to express these ‘gratitude’ and ‘being thankful’, which are the basic ethical formulas for expressing interpersonal relationships, which are a special speech genre, a category. Near-nuclear and peripheral elements expand the semantic space of the field and make it possible to express gratitude in various contexts and with additional shades of meaning: peripheral gradual semes of politeness and formality; semes of support and assistance; semes of expressing positive emotions and feelings; semes of encouragement and praise; semes of recognition and respect, indicating various non-verbal ways of expressing gratitude (“facial expressions”, “gesture”, “gift” “emoticons”). In the conceptual field “GRATITUDE” semantic associative series with the concepts of “reciprocity”, “respect”, “mercy” and “love” are established.

Research implications. The theoretical and/or practical significance of the study of the conceptual field “GRATITUDE” in the Russian language is undeniable, since in the Russian language not only key lexical units and phraseological units have been identified, but also many linguistic aspects of modern communicative practices remain not fully explored. The results of the study can be used in the practice of teaching courses “Modern Russian Language” (Lexicology), “Stylistics”, “Cognitive Linguistics”, “Linguistic Analysis of Text”, “Philological Analysis of Text”, “Linguoculturology”, “Culture of Speech”, “Ethics of Speech Behaviour”; the materials are useful in lexicographic practice, as well as in the study of Russian as a foreign language.

Keywords: gratitude, conceptual field, periphery, semantic structure, core, linguistic units

Введение

В современной социальной и культурной среде, где межличностное общение играет ключевую роль, понимание нюансов выражения *благодарности* становится особенно важным. Данная тема затрагивает как лингвистические, так и культурные аспекты межличностного общения и выражения *отношений* между коммуникантами.

В лингвистике термины «ядро» и «периферия» обычно используются для описания структурного слоя концептуального понятия или категории. Теория «поля» предполагает наличие *ядерного* (центрального) и *периферийного* (внешнего) слоя [1; 4]. С точки зрения структуры языка, *ядро* – это основные фонемы и наиболее активные в данный исторический

период развития языка модели словоизменения, словообразования и сочетаний слов (см., например, исследования по исторической грамматике русского языка В. В. Колесова (2010)¹). В психолингвистических исследованиях *периферия* понимается как «отклонение» от этих моделей [2]. В категориально-семантическом аспекте *ядро* (центр) – это типовые для данной категории формы и значения, в то время как *периферия* включает промежуточные формы и значения между данной категорией и другими [7]. Понятия «ядро» и «периферия» позволяют также выявить значительную специфику значений ряда семантических групп и разрядов лексики.

¹ Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебник. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.

Некоторые учёные отмечают, что имеющиеся в науке концепции применяются для анализа динамики и структуры лексической семантики в современном русском языке [5; 6].

Смыслообразующие начала концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ»

В структуре концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» выделяются ядро и периферия, помогающие выявить семантические и синтаксические особенности выражения *благодарности* в русском языке, а также понять, как эти выражения взаимодействуют с другими аспектами языка и культуры. См.: *Благодарность*, по данным «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова: 1. см., *благодарный*. 2. **‘Чувство признательности’** к кому-нибудь за оказанное добро, внимание, услугу. *Принять с благодарностью что-н. Принести благодарность кому-нибудь. Сделать что-нибудь в знак благодарности или в благодарность за что-нибудь.* 3. только мн. Слова, выражающие эти ‘чувства’ (разг.). *Рассыпаться в благодарностях.* 4. Официальное выражение ‘высокой оценки’ чьего-нибудь труда, действий. *Объявить благодарность в приказе. Получить благодарность от дирекции.* (см., БЛАГОДАРНЫЙ (-ая, -ое; -рен, -рна.): 1. Чувствующий или выражающий «благодарность». *Благодарный взгляд. Я вам очень благодарен.* 2. перен. Приносящий ‘хорошие результаты’, оправдывающий затрачиваемые силы, средства. *Благодарная тема для рассказа.* | им. сущ. *благодарность*, -и, жен.>¹ (выделения в значениях наши. – С. К., М. Т.).

Ядро семантического поля представлено родовой семой (гиперсемой), семантическим компонентом **высшего порядка**, организующим развёртывание поля. К ядерным семам относятся такие понятия, как «бла-

годарность», которая выражает основное эмоциональное состояние; «**признательность**», подчёркивающая ответное восприятие действий другого человека; «**вдохновение**», отражающее влияние *благодарности* на творческие и мотивационные процессы, и «**уважение**», указывающее на **глубокое признание личных качеств** или **достижений** индивида, и т. д. **Периферия** семантического поля формируется совокупностью единиц, наиболее «удалённых» в своём значении от ядра. К таким единицам можно отнести выражения и понятия, которые связаны с **благодарностью**, но используются в более специфических или редких контекстах. Примерами периферийных сем могут служить семы ‘восхищение’, ‘одобрение’, ‘обязанность’ и ‘признание’. Данные семы выделяются и в поле *благодарности*, т. к. отражают её более тонкие, а иногда персонализированные (личностные / индивидуальные) аспекты значения, которые варьируются в зависимости от лингвокультурных и контекстуальных особенностей (коммуникативной целеустановки, словесного окружения и под.). Периферийные единицы могут иметь контекстуальные значения. Обычно **периферия** вступает в контакты с другими семантическими зонами и полями, образуя непрерывность языковой системы и широту смыслового пространства концептуального поля. Например, в контексте *благодарности* периферийные элементы могут пересекаться с семантическими зонами «взаимности», «обязательства», «любви» (как ‘чувства’, основанного на *отношениях* двух лиц, «взаимно связанных этим **чувством**»² [см.: 3]) и «социальных норм», и проч. Это проявляется, например, в выражениях «Вечная благодарность» (ср. включаются элементы долгосрочного обязательства) или «Благодарю от всей души» (ср., подчёркиваются **глубокие личные ‘чувства’**, что позволяет выделить в семантическом пространстве аспекты эмоциональности и искренности *благодарности*). Языковые единицы поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» выражают

¹ Благодарность // Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/6/благодарность> (дата обращения: 03.06.2024).

² Любовь // Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. 100 000 слов и словосочетаний. М.: Аделант, 2012. С. 281.

значения, объединённые семей 'уважение' (см.: фраза «*Выражаю благодарность! С уважением ...*», где **благодарность** дополняется формальным '**признанием**' **социального статуса** адресата.

Структура концептуального поля

В структуре концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» ядро и периферия выделяются для определения глубинных и поверхностных уровней значений, которые связаны с выражением благодарности в русском языке. Ядро концептуального поля включает основные слова и фразы, такие как «Спасибо», «Благодарю», которые используются для прямого выражения **благодарности**. Данные выражения формируют базовую семантическую структуру поля и чаще всего употребляются в повседневной речи, например: благодарственные (восклицательные и повествовательные) этические фразы *Спасибо за помощь!*, *Благодарю Вас за внимание!* часто используются в формальной и неформальной обстановке для выражения признательности за конкретные действия или за общее внимание. Периферия поля включает более редкие и специфические формы, которые привлекаются для выражения **благодарности** в более конкретных или формализованных контекстах: например, в деловой переписке часто встречаются выражения «*Примите мою искреннюю благодарность за профессиональный подход*» или «*Выражаю глубокую признательность за Ваш вклад в развитие проекта*»; в официальных обращениях могут использоваться фразы типа «*Мы высоко ценим Ваше содействие и благодарим за поддержку*» и т. д. Эти выражения отражают не только **благодарность**, но и '**уважение**', подчёркивая **важность 'взаимодействия'** и '**сотрудничества**'. К ядерным элементам относятся такие фразы, как «*Выражаю глубокую признательность*», «*Сердечно благодарю*», которые используются во всех стилях речи; в официальной или письменной речи **благодарственные** выражения градуируются, т. к. они чаще всего употребляются для **подчёр-**

кивания силы 'чувств' («признания», «милости» и «любви») или '**уважения**'.

Семантическая структура поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» объединяется архисемами '**благодарения**' и '**признательности**', которые являются выражением эмоционального '**состояния / чувства**' '**Благодарения и Признательности**', содержат доминирующие сема-компоненты: **ядерные** – 'благодарение', 'признание' (например, «– *Примите, милостивый государь, благодарение и удостоите знакомства: я русский дворянин Георгий Градов*»¹; **около-ядерные** – 'уважение', 'обязанность' и 'любовь' (например, «*С уважением благодарю за вашу помощь*»; «*Я чувствую обязанность выразить свою благодарность; Благодарю тебя за всё, моя любовь*»²); **ближней периферии** – 'похвала / одобрение', 'мера оценки', 'поощрение', 'вознаграждение', 'плата', 'знак' (например, «*Ваша работа заслуживает особой похвалы, и я благодарен за ваше старание*»³; «*Я благодарю вас, отмечая, что ваш вклад был выше всех ожиданий*»⁴; «*За ваш неоценимый вклад я хочу выразить благодарность и предоставить вам бонус*»⁵; «*Примите этот подарок как знак моей благодарности за вашу помощь*»⁶; «*Благодарю вас и рад предложить соответствующую оплату за ваши услуги*»⁷; «*Как знак моей благодарности, позволю-*

¹ Бестужев-Марлинский А. А. Следствие вечера на кавказских водах (1830) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

² Уважение, обязанность, любовь // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

³ Похвала // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁴ Мера оценки // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁵ Поощрение // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁶ Вознаграждение // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁷ Плата // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

те вручить вам эту награду»¹); **дальней периферии** – ‘намерение’, ‘комплимент’², ‘взаимность’, ‘любезность’, ‘результат’ (например: «Моё намерение **благодарить** вас исходит из глубокого уважения к вашему профессионализму»³; «Позвольте выразить **благодарность** за ваш элегантный вкус и мастерство»⁴; «Благодарю за вашу поддержку, и я рад буду ответить тем же»⁵; «Ваши **любезности** не останутся без **благодарности**; я очень ценю ваш подход»⁶; «Результаты нашего сотрудничества превосходят все ожидания, за что я выражаю вам свою **благодарность**»⁷).

К ядру относятся такие слова и выражения, как «Спасибо», «Благодарю», «Спасибо огромное», «Очень признателен», «Выражаю (свою) **благодарность**»; в **периферию** (отклонение от данных моделей) входят менее частотные или архаичные слова и выражения (например, различные метафорические и фразеологические обороты, такие выражения, как «Век не забуду» (эмоционально-окрашенное выражение **благодарности**, подчёркивающее, что **оказанная помощь** или **услуга** имеет **чрезвычайно важное** значение и останется в памяти **на всю жизнь**), «От всей души **благодарю**» (искреннее и **глубокое** выражение **благодарности**, которое подчёркивает **душевное отношение** и **значимость помощи** или **доброе поступка**), «Выражаю призна-

тельность» (формальное и уважительное выражение **благодарности**, часто используемое в официальных или деловых контекстах для **подчёркивания значимости** и **ценности** оказанной **помощи**), «Рука **помощи**» (метафорическое выражение, обозначающее оказание **помощи**, **поддержки** или **содействия** в трудной ситуации; часто используется в контексте **взаимопомощи** и **солидарности**) и др. Например, «– **Я от всей души благодарю** Коммунистическую партию, наше Советское правительство, наш народ за то, что они воспитали Юрия достойным носить высокое звание советского гражданина»⁸; «Бенкендорф дал себе обет – принести и положить к стопам. Повелевало сердце, жаждавшее **выразить признательность**. Молчаливую и, быть может, не понятую государем, оттого **ещё более глубокую**»⁹; «Нарисуй мне эти шестнадцать тонн. **Век не забуду. Щедро отблагодарю тебя, джигит!**»¹⁰; «Потому, когда тяжело уже невыносимо, будем помнить, что близка **Рука помощи**»¹¹.

Установлено, что слова с абстрактным значением имеют ограниченную (минимальную) периферийную зону или не имеют её совсем. Однако они имеют большую ядерную зону, например, см.: местоимения, имена числительные, все дейктические и связочные слова. В словах конкретной семантики обычно выделяются ядро и периферия. Особенно ярко это проявляется в сфере имён существительных, образующих личностную ценностную парадигму¹², ср.: **признательность**, **долг**, **уважение**, **поддержка**, **доброта** и под. Признаковые слова, например, качествен-

¹ Знак // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

² Авторское выделение дополнительных сем – ‘мера оценки’, ‘знак’, ‘комплимент’, ‘любезность’, ‘результат’.

³ Намерение // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru/> (дата обращения: 07.06.2024).

⁴ Compliment // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru/> (дата обращения: 07.06.2024).

⁵ Взаимность // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru/> (дата обращения: 07.06.2024).

⁶ Любезность // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru/> (дата обращения: 07.06.2024).

⁷ Результат // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru/> (дата обращения: 07.06.2024).

⁸ Данилкин Л. А. Юрий Гагарин (2011) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁹ Давыдов Ю. Синие тюльпаны (1988-1989) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁰ Довлатов С. Виноград (1990) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹¹ Абрамов Б. Н. Грани Агни Йоги (1953) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹² См.: Колесникова С. М. Актуальные проблемы русистики: учебник и практикум / отв. ред. С. М. Колесникова. М.: Юрайт, 2024. 635 с.

но-оценочные имена прилагательные, содержащие градосему 'мера', 'степень' (ср.: *благодарный, признательный, великодушный, большой, внимательный, добрый* и под.), входят в ядерную зону, так как их семантический объём направлен на выражение **степени** положительной оценки (например, «*Всё, что вам скажу, мало: **я так благодарен вам, что не выразить словами...***»¹ – герой выражает **глубокую благодарность**, демонстрируя его **эмоциональное состояние** и **отношения** с другим персонажем; «*Она была ему **безмерно признательна за то, что он так тонко чувствует её положение***»² – выражается 'признательность' за понимание и сочувствие, что укрепляет межличностные отношения; «*Только великодушный и сильный человек может прощать и благодарить за истину...*»³ – великодушные связаны с готовностью прощать и выражением **благодарности** за **честность**, даже если она болезненна; «*Он был к ней необыкновенно внимателен, предупредителен...*»⁴ – внимание как 'способ' **выразить заботу** и **благодарность** за дружбу и близость / любовь; «*Ну, что ты, старик добрый!*»⁵ – проявление **благодарности** через **признание доброты** персонажа, что укрепляет и отношения между героями. Подобные слова имеют минимальную периферийную зону, например: «*Спасибо, мой дорогой, спасибо! ты так добр ко мне*», – воскликнула она, и слёзы блеснули в её глазах»⁶ – выражение **благодарности** прямо указывает на **признание доброты и заботы** персонажа; слово «Спасибо» исполь-

зуется для выражения **глубокой благодарности**, что подчёркивает **значимость** момента в отношениях между персонажами.

Имена собственные, напротив, можно рассматривать как разряд слов, чьё семантическое пространство имеет слабо выраженную ядерную зону, но с широкой ярко выраженной периферийной зоной, например: «*Пьер был благодарен за жизненные уроки и испытания, которые так изменили его*»⁷ – имя собственное Пьер в контексте романа «Война и мир» становится «**символом**» **преображения и благодарности за** внутреннее и духовное развитие; через образ Пьера Л. Н. Толстой исследует тему «**Благодарности**» **за смысл жизни и личностный рост**; «*Раскольников был благодарен Соне за её безмерную верность и поддержку в трудные времена*»⁸ – имя собственное Соня в конкретном художественном текстовом пространстве создаёт ассоциативный ряд, связанный с понятиями «**преданность**» и «**поддержка**»; именно за **преданность** и **поддержку** Раскольников испытывает **глубокую благодарность** к Соне, которая помогает ему **найти путь к искуплению и самопринятию**; «*Алёша выражал свою благодарность через действия, помогая и поддерживая тех, кто нуждается*»⁹ – имя собственное Алёша в данном художественном тексте связано с **духовной чистотой** и **благодарностью за** возможность **служить другим**; это имя символизирует альтруизм и **благодарность за дар служения и любви**.

Ядро поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» образуют слова *спасибо* и фраза *Благодарю тебя (Вас)*, см.: 1) *Благодарю (Вас (вас) / тебя!)* Например: «*Но тут произошло нечто неожиданное. – **Благодарю вас, мадам. У меня всего полтора часа времени сегодня, и***

¹ Чехов А. П. Дядя Ваня // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

² Толстой Л. Н. Анна Каренина // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

³ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.08.2024).

⁴ Тургенев И. С. Отцы и дети // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁵ Чехов А. П. Ванька // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁶ Иван Тургенев. Отцы и дети // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁷ Толстой Л. Н. Война и мир // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁸ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

я хочу провести его с детьми»¹; 2) **Спасибо** (Вам (вам) / тебе)! Например: «**Спасибо тебе... никогда не забуду... всего этого...**»²; 3) **Огромная благодарность! Большое спасибо!** Например: «– У него всё хорошо, – сказала я. – **Большое спасибо**. А когда она ушла, я заплакала»³; «Небольшое удивление, правда, есть, но оно не главное чувство, которое я испытала, прочитав заметку, а главное – **огромная радость и огромная благодарность** тебе за то, что ты вспомнил дорогое имя»⁴; 4) **Выражаю** (Вам / вам) свою признательность! / **Благодарность!** Например: «– Здесь приношу моё извинение и **выражаю свою признательность...**»⁵; «Пользуясь случаем, **выражаю свою благодарность и признательность**»⁶ и т. д.

Периферия поля в контексте **благодарности** может включать разнообразные языковые единицы и невербальные средства выражения: 1) градуальные **семьи вежливости и формальности** – «**Очень** признателен(а)»! / **С уважением и благодарностью**. / **Спасибо огромное!** / **Покорно благодарю**. Например: «Они нарушили свой педагогический долг и поставили мне по химии тройку, за что я им, естественно, очень и **очень признателен**»⁷; «Он из меня человека сделал», – говорил про него всегда **с уважением и благодарностью** сам Максимов»⁸;

«– **Спасибо**, Виталий Николаевич, – горячо заговорил Дзюба. – **Спасибоогромное!** Я завтра же встречу с женой Ламзина и скажу ей...; (сердито и насмешливо) **Виновата! Лопахин. Ничего-с. Покорно благодарю за приятное угощение. Варя. Не стоит благодарности.** (Отходит, потом оглядывается и спрашивает мягко) **Я вас не ушибла?**»⁹; 2) **семьи поддержки и помощи** – **Спасибо за помощь** / **Благодарю за поддержку** / **Ценю Вашу заботу**. Например: «Званых вечеров, скорее всего, уже не будет. **Спасибо за помощь**. Целую минуту я не знал, что ей сказать»¹⁰; «– **Благодарю за поддержку**, – произнёс Гречишников, почтительно кланяясь»¹¹; «У меня всё хорошо. **Я ценю вашу заботу**. Я тронут вашим участием»¹²; 3) **семьи выражения положительных эмоций и чувств**, в том числе любовных: «– С глубокой признательностью. / **От всего сердца (От души) благодарю!** / **Бесконечно признателен(а)**». Например: «Скажу кстати, что первые три (с В. мне пришлось быстро расстаться) оказались людьми высоко честными, и я с **глубокой признательностью** вспоминаю об их работе и возникших вскоре между нами дружественных отношениях, работе честной и подчас самоотверженной»¹³; «**От души благодарю** за отклик на приглашение к нашей свадьбе»¹⁴; «Если тебе удастся узнать, что именно выискивал Георгий Мартынович на полках монастырской библиотеки, я

¹ Улицкая Л. Пиковая дама // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

² Доценко В. Срок для Бешеного // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

³ Геласимов А. Жанна (2001) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁴ Трифонов Ю. В. Старик // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁵ Волконский С. М. Мои воспоминания. Том 1 (1923–1924) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁶ ЦСКВ ждёт сведений об участии местных СКВ в тесте QRP // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁷ Рязанов Э. Подведённые итоги // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁸ Толстой Л. Н. Рубка леса. Рассказ юнкера //

Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁹ Чехов А. П. Вишнёвый сад // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁰ Герасимов А. Год обмана // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹¹ Проханов А. Господин Гексоген // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹² Минаев Б. Детство Левы // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹³ Соломон Г. А. (Исецкий). Среди красных вождей // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁴ Колмогоров А. Г. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

буду бесконечно признателен»¹; 4) **семы поощрения и похвалы**: «– Ты просто спаситель! / Выражаю искреннюю благодарность за ваше усилие». Например: «– Но как я тебе благодарен, мой милый, ты просто спаситель мой!»²; «**Выражаю искреннюю благодарность** г. полицеймейстеру г. Риги за разрешение устроить названные благотворительные представления, равным образом владельцам кинематографов и посетителям за проявленный ими к лазарету интерес»³; 5) **семы признания и уважения**: «– Примите мою искреннюю благодарность / Благодарю за ваш привет / Ценю вашу помощь». Например: «Я написал ему примерно то, что я написал выше, и вот неожиданное письмо от дочери Михаила Ивановича Н. М. Пирумовой: «**Примите мою искреннюю благодарность** за те строки воспоминаний о моём отце – Михаиле Ивановиче Хачатурове, которые сохранила Ваша память»⁴; «Сердечно благодарю за Ваши братский привет, – за Вашу ласковую, – одаряющую меня так щедро, – статью в журн<але> «За рулём»⁵; «Поймите же, я ценю вашу помощь и хотел бы причинить вам минимум неудобств»⁶, ср.: в письмах, обращениях, диалоге, научной речи и т. д. текст завершается благодарственными словами – «С уважением,<подпись>», «С (искренней) признательностью, <подпись>», «С самыми добрыми пожеланиями, <подпись>», «С (искренней) любовью, <подпись>» и под. варианты»⁷; 6) **невер-**

бальные выражения, например: мимика и жесты (улыбка, кивок головы, объятие, рукопожатие, поклоны, смайлики 🙏👉👉👉👉👉👉 и под.); дарение подарков (цветы, сувениры, памятные вещи и под.); действия и поступки (оказание ответной помощи, выполнение каких-либо действий в благодарность) и мн. др.

«Благодарность» тесно связана с лингвокультурными особенностями русского общества. Выделенные репрезентативные элементы помогают выразить **благодарность** в разнообразных ситуациях и создают **положительную** обстановку в общении, **качественно-оценочный** (градуальный) **характер отношений** между людьми. Условия употребления зависят от **контекста** и **отношений** между адресантом и адресатом. Анализ рассматриваемых языковых единиц важен для глубокого понимания роли **благодарности** в русском языке и обществе в целом, развития эффективных коммуникативных стратегий в межличностном общении, а также для установления различных аспектов использования слов и выражений, связанных с **благодарностью**.

Заключение

Анализ семантической структуры слов и выражений приводит не только к выявлению ядерных, околоядерных и периферийных сем, но и установлению семантических связей понятия «Благодарность» с другими понятиями (см.: «Взаимность», «Признательность», «Любовь», «Долг», «Честь», «Вежливость» и др.), построению ассоциативных рядов, которые обнаруживаются в контексте (например, вокруг слова «Благодарность» могут формироваться такие ассоциативные ряды как **благодарность** – «признательность», «уважение», «вежливость», «долг», «любовь» и т. д. Подобные ассоциации позволяют установить разные смысловые и культурные взаимодействия и связи **благодарности** с другими концептуальными полями, отражая свою богатую эмоциональную и социокультурную окраску. Особенно это заметно в контекстах, где **благодарность**

¹ Парнов Е. Александрийская гемма // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

² Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

³ Рижская жизнь. Письмо в редакцию // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁴ Лихачёв Д. С. Воспоминания // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁵ Куприна К. А. Куприн – мой отец // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁶ Маринина А. Не мешайте палачу // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁷ Авторское выделение.

выражается не только словами, но и действиями, например, в церемониях или официальных мероприятиях, где **благодарность** может репрезентироваться посредством **дарения** материальных благ, форм поощрения ('меры оценки' – выражение *Благодарности*, представление к получению *Грамоты, звания, медали* и под.), **словесного признания** (бытовой или торжественной речи – *Благодарственное слово, молитвенное слово*). Такое комплексное когнитивное описание позволяет понять, как **благодарность** проявляется в различных ситуациях и какие при этом социальные роли реализуются.

Ядро поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» включает наиболее употребляемые и общепринятые выражения **благодарности** (вербальные средства – «Спасибо!» и «Благодарю!» и т. п.); периферия – это менее используемые или специфичные выражения **благодарности** и её значения, которые зависят от **контекста и речевой ситуации**; особое место занимают **невербальные** средства выражения **благодарности** (например, *жесты, мимика и телодвижения*). Выбор способов и средств выражения **благодарности** в русском языке, как и в других языках, во многом определяется лингвокультурными и социальными факторами.

Таким образом, исследование подтвердило сложность и многогранность концепта «БЛАГОДАРНОСТЬ» в современном русском языке. Основное внимание уделено ядру и периферии данного поля, что позволило выявить не только клю-

чевые лексические единицы («Спасибо» и «Благодарю»), но и менее частотные, но значимые выражения **благодарности**, обогащающие эмоциональный и лингвокультурный контекст общения. Важным аспектом стала категоризация выражений **благодарности**, которая разделяется на вербальные и невербальные формы, каждая из которых играет важную роль в *межличностных отношениях* и социокультурных взаимодействиях. Особое внимание в анализе уделяется именно тем формам **благодарности**, которые способствуют укреплению связей между людьми, **подчёркивая** тем самым их социальную значимость и влияние на культурные традиции.

Концептуальное поле «БЛАГОДАРНОСТЬ» отражает не только лингвистические, но и культурные аспекты русского общества, представляя собой зеркало *межличностных отношений* и этических норм и категорий. Настоящее исследование способствует дальнейшему пониманию того, как язык воздействует на формирование социальных связей и лингвокультурных практик через простое, но мощное выражение **благодарности** посредством имеющихся в той или иной картине мира разноуровневых средств её репрезентации. Перспективным представляется анализ социокультурных факторов, влияющих на восприятие и употребление разных **форм** выражения **благодарности** в различных областях жизни человека.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. А. Д. Шмелёва. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
3. Колесникова С. М. Концепт «Любовь» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 17–27.
4. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ текст»: семантика, синтаксис. М.: Языки русской культуры, 1999. 345 с.
5. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
6. Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с.

7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. 284 с.

REFERENCES

1. Wierzbicka A. Semantic Universals and Language Description (Rus. ed.: Shmelyov A. D., transl. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov*. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 776 p.).
2. Zalevskaya A. A. *Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: izbrannye trudy* [Psycholinguistic Studies. Word. Text: Selected Works]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 542 p.
3. Kolesnikova S. M. [The Concept of "Love"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2006, no. 1, pp. 17–27.
4. Melchuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej «Smysl ⇔ tekst»: semantika, sintaksis* [A. Experience of the Theory of Linguistic Models "Meaning ⇔ Text": Semantics, Syntax]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 345 p.
5. Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 607 p.
6. Sternin I. A. *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniya: izbrannye raboty* [Theoretical and Applied Problems of Linguistics: Selected Works]. Voronezh, Istoki Publ., 2008. 595 p.
7. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turnyj aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1996. 284 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: asya28@list.ru

Ма Тунтун – аспирант кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: caihongxianzi2008@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Kolesnikova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Russian Language Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; e-mail: asya28@list.ru

Ma Tongtong – Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; e-mail: caihongxianzi2008@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесникова С. М., Ма Тунтун. Структурная организация концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» в русском языке: ядро и периферия // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 51–60.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-51-60

FOR CITATION

Kolesnikova S. M., Ma Tongtong. Structural Organisation of the Conceptual Field "Gratitude" in Russian: Core and Periphery. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 51–60.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-51-60

УДК 81'367.7

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-61-71

КОННОТАЦИИ ОТРИЦАНИЯ В ПОЭЗИИ С. А. ЕСЕНИНА

Сергиевская Л. А., Мелехова Л. А.*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина**390006, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ семантики и функций отрицательного высказывания в поэзии С. А. Есенина и обоснование отрицания как одной из черт идиостиля творческого наследия поэта.

Процедура и методы. При проведении исследования применены следующие методы: компонентного анализа семантики отрицания, интерпретации языковых фактов в рамках структурно-семантического и логико-семантического направления, лингвостатистический метод. Обобщаются взгляды исследователей на категориальную сущность отрицания.

Результаты. По итогам исследования авторами конкретизированы коннотации высказываний с эксплицитным и имплицитным отрицанием в поэтическом творчестве С. А. Есенина. Отрицание как лингвоэстетическая категория раскрыта как особый художественный инструмент и черта идиостиля поэта С. А. Есенина. Обобщены теоретические подходы к пониманию категории отрицания и классификации отрицательных предложений в русском языке.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют расширить научные представления о семантике отрицания путём конкретизации системы коннотаций отрицательного высказывания на материале поэтических текстов. Исследование семантики отрицания в поэзии С. Есенина открывает новые перспективы в изучении поэтического языка и его особенностей. Полученные результаты и выводы могут быть использованы в практике преподавания русского языка в школе при изучении способов отрицания, в частности частиц «не» и «ни», их слитного и раздельного написания с различными частями речи.

Ключевые слова: деструктивный, коннотация, модальность, отрицание, предложение, экспрессия

CONNOTATIONS OF NEGATION IN S. A. YESENIN'S POETRY

L. Sergievskaya, L. Melekhova*Ryazan State University named for S. Yesenin**ul. Svobody 46, Ryazan 390006, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the semantics and functions of negative utterance in S. A. Yesenin's poetry and justify denial as one of the features of the idiosyncrasy of the poet's literary heritage.

Methodology. The following methods were used in the research: component analysis of the semantics of negation, interpretation of linguistic facts within the framework of the structural-semantic and logical-semantic directions, linguistic-statistical method. The views of researchers on the categorical essence of denial are summarized.

Results. According to the results of the study, the authors specified the connotations of statements with explicit and implicit negation in the poetic work of S. A. Yesenin. Negation as a linguistic-aesthetic category is revealed as a special artistic tool and feature of S. A. Yesenin's idiosyncrasy. The theoretical approaches to understanding the category of negation and classification of negative sentences in the Russian language are summarized.

Research implications. The results of the study make it possible to expand scientific ideas about the semantics of negation by specifying the system of connotations of a negative statement based on the

material of poetic texts. The study of the semantics of negation in S. Yesenin's poetry opens new perspectives in the study of poetic language and its features. The results and conclusions obtained can be used in the practice of teaching Russian at school when studying ways of negation, in particular, the particles "not" and "neither", their combined and separate spelling with different parts of speech.

Keywords: destructive, connotation, modality, negation, suggestion, expression

Введение

Отрицание относится к одной из основных категорий языка, наделённых широким полем семантических характеристик. Анализ коннотативного диапазона отрицания представляет собой актуальную проблему речевого поведения, которую надо решать с позиций лингвистики, психологии и педагогики. В плане прагматики современное речевое взаимодействие, часто построенное на деструктивных языковых формах и средствах, в том числе на отрицании, является одним из видов скрытого агрессивного коммуникативного манипулирования. Ни говорящий, ни адресат в момент речи не осознают наличие «второго», скрытого, коннотативного плана высказывания, в связи с этим конкретизация коннотаций отрицания позволяет расширить представления о способах речевой и психологической защиты адресата.

Объектом исследования избрано поэтическое творчество С. А. Есенина: своеобразие психотипа лирического героя его поэзии до конца не изучено, мистический психологизм жизни и творчества поэта до сих пор оставляет больше вопросов, чем ответов. Возникает вопрос: случайна или закономерна специфика семантических, эмоционально-экспрессивных и стилистических оттенков отрицания в стихотворениях С. А. Есенина и как она соотносима с мироощущением и комплексом аксиологических характеристик поэта? Отрицание в поэзии С. А. Есенина сопутствует выражению «чисто русской эмоции грусти» [5, с. 40]. «Отрицание отражает особенности индивидуального и национального сознания... являясь одним из важных средств познания мира самого человека» [15, с. 355], особенно при рассмотрении в контексте понятийной картины мира в личном и художественном дискурсах.

Лингвистический и литературоведческий анализ поэтических текстов позволяет изучить, каким образом отрицательные конструкции влияют на семантику и структуру текстов, как они взаимодействуют с другими лексическими и грамматическими элементами русского языка.

Русский язык располагает широкой системой способов выражения отрицания, а также отличается свободным расположением показателей отрицания в предложении. Большое количество языковых средств выражения отрицания в русском языке даёт возможность использовать различные комбинации этих единиц в рамках одного высказывания. Это способствует выражению множества добавочных экспрессивно-эмоциональных оттенков, сопровождающих общее значение отрицания. Таким образом, изучение средств выражения отрицания в языке, их функционирования, семантики и сочетаемости способствует более глубокому пониманию языка в целом. Всё это определяет актуальность настоящего исследования.

Цель статьи – рассмотреть семантику и функции отрицательного высказывания в поэзии С. А. Есенина и обосновать отрицание как одну из черт идиостиля творческого наследия поэта. Достижение поставленной цели связано с решением следующих задач: обратиться к теоретическим основам изучения категории отрицания в русском языке, рассмотреть коннотации отрицания как художественный инструмент в творчестве С. А. Есенина, выявить специфику коннотаций высказывания с отрицанием при глагольных формах и при других частях речи, дифференцировать эксплицитные и имплицитные средства выражения отрицания в поэзии С. А. Есенина.

Решение поставленных задач требует использования следующих методов: а) теоретического – анализа лингвистической литературы по проблеме исследования; б) практических – компонентного анализа семантики отрицания, интерпретации языковых фактов в рамках структурно-семантического и логико-семантического направления, лингвостатистический метод.

Материалом для исследования послужили предложения, содержащие средства отрицания, отобранные методом сплошной выборки из поэтических текстов С. А. Есенина.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые предпринята попытка описания семантического диапазона коннотаций отрицания на материале творчества С. А. Есенина.

Категория отрицания как лингвистическая, философская и психологическая категория

Исследование коннотативных свойств поэтического текста связано с особым пониманием категории отрицания как универсальной, интегративной, общенаучной. На сегодняшний день существует значительное количество работ, посвящённых категории отрицания. Данная тема широко представлена в исследованиях отечественных учёных-языковедов (В. В. Виноградов [4], В. Н. Бондаренко [2], А. М. Пешковский [11], Е. В. Падучева [10] и др.), в том числе современных (А. А. Калинина [7], Ф. Г. Фаткуллина [14], Е. С. Штернина [15]), но, несмотря на обилие материала, тема всё ещё остаётся недостаточно разработанной. Одна из основных задач, с которой сталкиваются исследователи, касается определения сущности категории отрицания.

Учёные по-разному подходят к решению этого вопроса. Некоторые авторы, осознавая двойственную природу отрицания, которая проявляется в тесной взаимосвязи между языком и мышлением, обращаются к логике и философии для интерпретации

языкового отрицания: Е. В. Падучева [10], В. Н. Бондаренко [2], И. Н. Бродский [3]. При рассмотрении категории отрицания с логической точки зрения основным является вопрос о правомерности отождествления языкового утверждения / отрицания и логического. Е. В. Падучева считает, что отождествление подобного рода неправомерно, а отрицание определяется как «специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места» [10, с. 12].

В монографии «Отрицание как логико-грамматическая категория» В. Н. Бондаренко, сопоставляя отрицание в формальной логике и в лингвистике, приходит к выводу, что логическое отрицание тесно связано с языковым, но не всегда тождественно ему. Автор считает, что «Логическая категория утверждения и отрицания составляет основное содержание языковой категории, но не заполняет её целиком. Языковая категория утверждения и отрицания выполняет ещё и другие функции ... Употребление отрицательных средств в предложении может преследовать совсем иные цели, чем выражение отрицательного суждения» [2, с. 78]. При данном подходе языковое отрицание рассматривается как самостоятельная категория, в данном случае грамматическая (синтаксическая), т. к. находит своё выражение непосредственно на уровне предложения. Суть же данной категории заключается в отсутствии объективных связей, несуществовании чего-либо в объективной действительности.

Подавляющее большинство советских и зарубежных лингвистов значения утверждения и отрицания включают в категорию модальности или определяют как особый вид модальности. Другие, например, В. В. Виноградов, связывают отрицание с субъективной модальностью [4, с. 550]. В круг модальных отношений данную категорию включает также А. М. Пешковский, относя отрицание к числу «субъективно-объективных» категорий [11, с. 386]. Обобщая множественность подходов к

изучению отрицания, приходим к выводу, что чаще всего отрицание рассматривается не как объективная, а как чисто субъективная, оценочная категория.

Категория отрицания обоснована как коммуникативная в трудах, например, М. С. Миловановой [9], Н. Н. Болдырева [1]: концепт «отрицание» пустой, он не содержит информации об окружающем мире, является лишь продуктом человеческого сознания, т. к. в реальном мире «отсутствия существования или наличия» как такового нет [1, с. 17]. Опираясь не на объективную действительность, а на субъективные факторы, под отрицанием понимают чисто субъективное проявление человеческой психики (различные чувственные реакции говорящего). Приходя к выводу о связи категории отрицания с категориями модальности и «коммуникативной *целеустановки*» [7, с. 36], исследователи подчёркивают общую семантику и эмоционально-экспрессивный акцент негативной направленности отрицательного предложения-высказывания.

Таким образом, мы видим, что вопрос о сущности категории отрицания до сих пор остаётся не решённым лингвистами. Имеющиеся научные труды по данной теме отличаются разносторонностью и охватывают различные аспекты этой категории. Одни авторы сосредоточиваются на формальных и синтаксических особенностях отрицания, другие обращают внимание на его семантику, а третьи изучают его как средство речевого общения. В связи с этим, необходимы дальнейшие исследования и углублённый анализ для полного понимания и объяснения природы категории отрицания.

Вопрос о классификации отрицательных предложений и средствах выражения семантики отрицания

Ещё одним важным теоретическим вопросом, касающимся категории отрицания, является вопрос о классификации отрицательных предложений. Можно

отметить, что среди учёных нет единого мнения относительно классификации отрицательных предложений. Однако наиболее распространённым подходом является деление их на общеотрицательные и частноотрицательные [11, с. 377–378].

Схожа с классификаций А. М. Пешковского точка зрения, выраженная авторами «Русской грамматики» под редакцией Н. Ю. Шведовой. В разделе «Отрицание в структуре простого предложения и при его распространении» автор делит отрицательные предложения на собственно отрицательные и предложения с факультативным содержанием, которые дробятся на общеотрицательные (с отрицанием при сказуемом или предикативе) и частноотрицательные (с отрицанием при любом другом члене предложения). Стоит отметить, что подход, при котором отрицательные предложения делятся на общеотрицательные (выражающие полное отрицание) и частноотрицательные (выражающие частичное отрицание), является наиболее распространённым. В. В. Бабайцева конкретизирует, что «структурными признаками общеотрицательных предложений является наличие частицы *не* в составе сказуемого, слова *нет* в роли сказуемого безличных предложений, частицы *ни* в предложениях типа “На небе ни облачка”, отрицательных местоимений и наречий в односоставных предложениях типа “Нечем молодость вспомнать”¹. Во всех остальных случаях отрицание частноотрицательно.

В русском языке имеется широкий выбор языковых средств для выражения отрицания. Использование различных комбинаций отрицательных элементов внутри одного высказывания открывает широкий спектр возможностей для выражения разнообразных коннотативных оттенков, которые дополняют общую семантику отрицания. Общепринятым является деление средств выражения отрицания на имплицитные и эксплицитные. К первой

¹ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 3: учебник для вузов. 2-е изд., пер. М.: Просвещение, 1987. С. 64.

группе средств относятся отрицательные аффиксы, отрицательные частицы, отрицательные местоимения и наречия, отрицательные союзы и предлоги. Ко второй – контекст, порядок слов, интонация, риторические вопросы, предикативы «нет» и «нельзя». Обе группы средств подробно рассмотрены в разделе «Отрицание в структуре простого предложения и при его распространении», представленном в «Русской грамматике» под редакцией Н. Ю. Шведовой [12, с. 402]. Явное и скрытое, эксплицитное и имплицитное отрицание также дифференцировано в исследованиях В. Н. Бондаренко [2], Е. Г. Казимьянец [6]. «Эксплицитный и имплицитный способы выражения отрицания представляют собой два равнозначных проявления сути одной языковой категории» [8, с. 35–36]. Таким образом, отрицательное значение может быть выражено как с использованием формальных показателей отрицания, так и скрыто.

На основании этого вывода отмечают, что отрицательные высказывания обладают модальной окраской оценочного характера (неодобрительности, нежелательности, усиления или ослабления качества и т. п.) [13, с. 105; 15, с. 48]. Представляется возможным конкретизировать субъективные значения отрицания, такие как нерешительность, колебание, неопределённость, эмоциональные оттенки типа восхищения, удивления и т. п. Все эти значения авторы связывают с дополнительной субъективной модальностью.

Спорным остаётся вопрос об отнесении предикативов *нет* и *нельзя* к той или иной группе средств выражения отрицания, однако очевидным является их предрасположенность к выражению не только разных вариантов отрицательного значения (отсутствие, несуществование, необладание, отказ, запрет и др.), но и особого поля гранд-коннотаций¹ высказывания.

Эксплицитные и имплицитные средства выражения семантики отрицания в поэзии С. А. Есенина

Для выявления средств выражения семантики отрицания в поэзии С. А. Есенина было проанализировано 338 стихотворений и 3 поэмы: «Чёрный человек», «Анна Снегина», «Пугачёв». С помощью метода сплошной выборки было обнаружено 798 отрицательных частиц *не*, 27 отрицательных частиц *ни* (не считая случаев, когда частица *ни* находится в составе соединительного союза *ни...ни*), 167 отрицательных приставок *не-*, 44 случая употребления приставок *без-/бес-*, 26 отрицательных наречий, 64 отрицательных местоимения, 31 конструкция с отрицательными союзами, 41 использование отрицательного предлога *без*, 76 употреблений отрицательного слова *нет* (имплицитное отрицание). Графически данную информацию можно представить следующим образом (рис. 1):

Как видно на графике, преобладающим средством выражения отрицания является частица *не*. Причём встречается как частное, так и общее отрицание, но в разном соотношении: наблюдается преобладание общеотрицательных предложений. Отметим, что частица *не* служит для выражения широкого спектра семантических оттенков отрицания, именно поэтому в данной статье мы ограничимся рассмотрением коннотаций отрицания в высказываниях с частицей *не*.

Анализ примеров с отрицательной частицей *не* и словом *нет* привёл нас к следующим результатам (рис. 2).

Коннотации поэтических строк с отрицанием при глагольных формах 1-го лица единственного числа складываются в единую картину общего значения деструктивной манипуляции, обращённой к себе, приближенной к самогипнозу: *Не жалею, не зову, не плачу...*²; *Но и познав, я не приемлю...*³; *Средь людей я дружбы не*

¹ Колесникова С. М. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 121.

² Есенин С. А. Я, Есенин Сергей: поэзия и проза. М.: Эксмо, 2004. С. 130.

³ Там же. С. 79.

Рис. 1 / Fig. 1. Средства выражения семантики отрицания в поэзии С. А. Есенина / Means of expressing the semantics of negation in S. A. Yesenin’s poetry

Источник: составлено авторами.

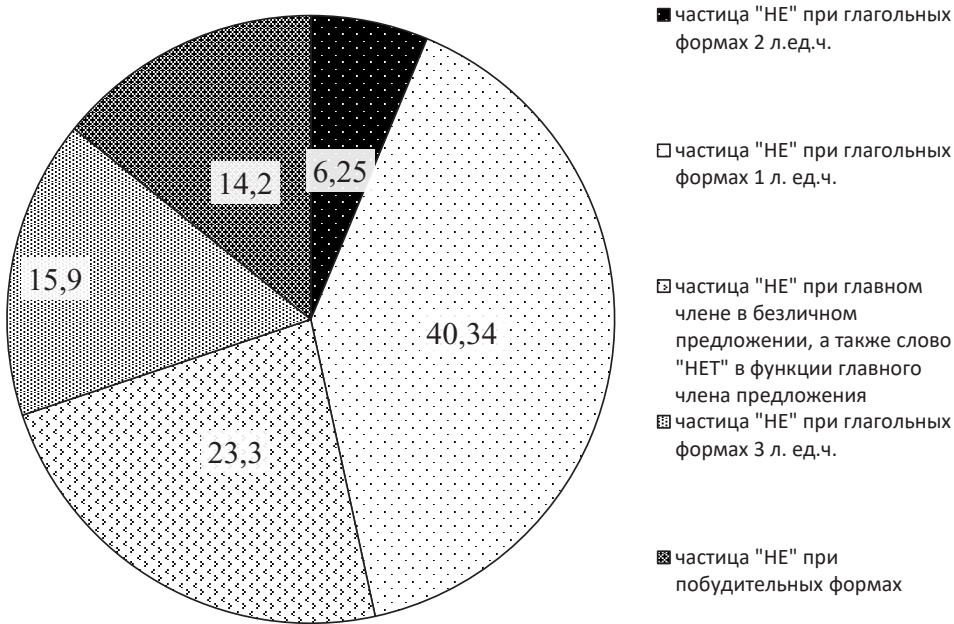

Рис. 2 / Fig. 2. Использование частицы не в поэзии С. А. Есенина / The use of the particle “not” in the poetry of S. A. Yesenin

Источник: составлено авторами.

имею...¹; А теперь я милой ничего не знаю...² Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть этих форм представлена модальными глаголом «могу» и «знаю»: *Я не знаю – то свет или мрак?*³; *Оттого, что без этих чудачеств Я прожить на земле не могу...*⁴; *Как бы я и хотел не любить, Всё равно не могу научиться...*⁵; *За тебя ответить не могу...*⁶; *Я не знаю, как мне жизнь прожить...*⁷; *Ничего не могу пожелать...*⁸; *Восхищаться уж я не умею, И пропасть не хотел бы в глуши...*⁹; *Не могу не думать, не робеть...*¹⁰ – такие высказывания имеют яркую референтную эмоционально-экспрессивную коннотацию признания в собственном бессилии и горького сожаления о непознании бытия, невозможности полного познания жизни, эмоционально-экспрессивный сигнал о несформированности единого представления о гармонии жизни. Другую часть составляют формы глаголов «хотеть», «желать» и семантической группы чувств: *Мне не жаль вас, прошедшие годы, Ничего не хочу вернуть...*¹¹; *Не хочу я лететь в зенит...*¹²; *Я не боюсь его...*¹³; *Я не хочу пока...*¹⁴

Особую экспрессивную надстройку со значением прогнозирования отсутствия будущего приобретают отрицания при формах будущего времени: *Уж я вас больше не увижу...*¹⁵; *Никого не впущу я в горницу, Никому не открою дверь...*¹⁶; *Я не буду больше молодым...*¹⁷; *И теперь уж я болеть*

*не стану...*¹⁸; *Больше искать не буду...*¹⁹; *Не вернусь я в отчий дом...*²⁰; *И не буду забывчиво хмур...*²¹ По коннотативной семантике близки к рассмотренным примерам безличные конструкции с частицей *не* при инфинитиве в функции главного члена предложения, однако здесь наблюдается градация отрицания по степени категоричности: это уже не горестное сожаление о том, чего не будет, а категоричное аффективное утверждение о предельности жизни, невозвратности молодости и об отсутствии будущего: *Не бродить, не мять в кустах багряных / Лебеды и не искать следа...*²²; *И не избежать бури, Не миновать утрат...*²³; *Уж кому-то не петь на холму...*²⁴; *Этим песням при вас не жить...*²⁵; *Мне теперь не уйти назад...*²⁶; *Этой грусти теперь не рассыпать...*²⁷; *Кому-то пятками уже не мять...*²⁸; *Под брюхом жеребёнка в глухую ночь не спать, И радостно звонкой лесов не оглашать...*²⁹ В двусоставных предложениях со сказуемым в форме будущего времени, синтаксически соотнесённым с 3-м лицом, отрицание привносит эмоциональную надстройку плача души: *Уж не будут листвою крылатой надо мною звенеть тополя...*³⁰; *Не обгорят рябиновые кисти, От желтизны не пропадёт трава...*³¹; *Не прозвякнет кольцо у калитки...*³²; *И ничто души не потревожит, И ничто её не бросит в дрожь...*³³

Коннотации отрицательного императивного высказывания в поэзии С. Есенина, где частица *не* находится при глагольных побудительных формах, про-

¹ Есенин С. А. Я, Есенин Сергей: поэзия и проза. М.: Эксмо, 2004. С. 134.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 194.

⁷ Там же. С. 206.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 220.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Там же. С. 146.

¹³ Там же. С. 151.

¹⁴ Там же. С. 210.

¹⁵ Там же. С. 75.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 130.

¹⁸ Там же. С. 134.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ Там же. С. 215.

²¹ Там же. С. 231.

²² Там же. С. 78.

²³ Там же. С. 83.

²⁴ Там же. С. 89.

²⁵ Там же. С. 119.

²⁶ Там же. С. 155.

²⁷ Там же. С. 161.

²⁸ Там же. С. 80.

²⁹ Там же. С. 83.

³⁰ Там же. С. 135.

³¹ Там же. С. 191.

³² Там же. С. 214.

³³ Там же. С. 256.

являют парадоксальные семантические и экспрессивные особенности. Во-первых, здесь имеет место явление риторически отрицательного побуждения: значение собственно отрицания ослаблено, такие высказывания представляют собой некое псевдоотрицание со значением констатации, утверждения некоего факта бытия: *Не тоскуй, моя белая хата...*¹ = *Моя белая хата тоскует...*; *Не храни, запоздалая тройка...*² = *Запоздалая тройка храпит...*; *Не грусти так широко обо мне...*³ = *Ты грустишь так широко обо мне ...*; *Не шуми, осина, Не пыли, дорога...*⁴ = *Осина шумит, дорога пылит...*; *Не гляди на меня с упрёком...*⁵ = *Ты глядишь на меня с упрёком...*; *Не грусти и не печаль бровей...*⁶ = *Ты грустишь и печалишь брови...* Отрицательная императивная конструкция в сравнении с утвердительной обладает большим экспрессивно-эмоциональным потенциалом именно в силу приращения деструктивной коннотации, которая осложняется лексемами с отрицательной окраской *тосковать, храпеть, шуметь, глядеть с упрёком, грустить, печалить*. В этом кроется ответ на вопрос, зачем поэту С. Есенину нужны были именно отрицательные предложения. Обращает на себя внимание, что не стоит при побудительных формах 2 лица ед. ч. и сопровождается далее местоимениями «мне», меня» или подразумевает их подстановку, как бы акцентируя противопоставление «ты – я», а значит, коннотативная надстройка экспрессивного деструктива нацелена на образ лирического героя: *Ты прохладой меня не мучай И не спрашивай, сколько мне лет...*⁷; *Не буди, как восемь лет назад...*⁸; *И молиться не учи меня...*⁹; *И не мучь меня заветом...*¹⁰;

*Ты меня не спрашивай о нём...*¹¹; *Не суди молитвой строгой...*¹²

Особенности семантики и функции отрицания в поэзии С. Есенина являются одним из ключевых факторов афористичности конструкций с частицей *не* в его творчестве: *О любви в словах не говорят ... От любви не требуют поруки...*¹³; *Кто любил, уж тот любить не может, Кто сгорел, того не подожжешь...*¹⁴; *В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей...*¹⁵; *Не буди того, что отмечталось, Не волнуй, того, что не сбылось...*¹⁶; *Этот пыл не называй любовью...*¹⁷ – здесь проявляет себя синтаксически обобщённое лицо, независимо от того, какая именно грамматическая форма глагола использована.

Частица *не* при неглагольных частях речи: имени существительном, местоимении, наречии, имени прилагательном – в поэзии С. Есенина передаёт экспрессивную коннотацию с общим драматическим оттенком душевной тоски, плача, причиной которого является ощущение нарушения миропорядка: *Не ветры осыпают пуши, Не листопад златит холмы...*¹⁸; *То не зори в струях озера...*¹⁹; *Весна на радость не похожа, И не от солнца жёлт песок...*²⁰; *И уже говорю я не маме...*²¹; *То не тучи бродят над овином...*²²; *На этих липах не цветы...*²³ и т. п. Отрицание помогает поэту акцентировать противопоставление «ты» и «я» в контексте любовной лирики: *Не тобой я поцелован, Не с тобой мой связан рок...*²⁴; *Не больна мне ничья измена...*²⁵; *Не тебя я*

¹ Есенин С. А. Я, Есенин Сергей: поэзия и проза. М.: Эксмо, 2004. С. С. 66.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Там же. С. 258.

⁷ Там же. С. 152.

⁸ Там же. С. 184.

⁹ Там же. С. 184.

¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹ Там же. С. 198.

¹² Там же. С. 57.

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 256.

¹⁵ Там же. С. 258.

¹⁶ Там же. С. 183.

¹⁷ Там же. С. 255.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ Там же. С. 31.

²⁰ Там же. С. 82.

²¹ Там же. С. 131.

²² Там же. С. 88.

²³ Там же. С. 253.

²⁴ Там же. С. 85.

²⁵ Там же. С. 143.

вижу, не к тебе пришёл...¹; Что отлюбили мы давно, ты – не меня, а я – другую...²; Не тебя я люблю, дорогая...³; Я ведь сам люблю тебя не очень...⁴ В ряде поэтических строк с частицей *не* можно квалифицировать коннотацию самооправдания: *Не злодей я и не грабил лесом...*⁵; *Я хожу в цилиндре не для женщин...*⁶; *Не от этого ль тёмная сила ... Не с того ли глаза мне точит...*⁷; *Не такой уж горький я пропойца...*⁸ – однако в том или ином случае отрицание присутствует в высказываниях одновременно с местоимением 1 лица, отражая общую семантику непринятия себя.

В предложениях с отрицанием при глаголах прошедшего времени, соотнесённых с синтаксическим 1 лицом единственного числа, проявляется коннотация признания фатальной неизменности прошлого, укладывающаяся в формулу «я не сделал, и уже не сделаю в будущем»: *Я не знал, что любовь – зараза, Я не знал, что любовь – чума...*⁹; *Стыдно мне, что я в Бога не верил...*¹⁰; *Потому и себя не сберёг...*¹¹ Отрицание равномерно распределено по всем этапам творческого наследия поэта: оно характерно и для ранней лирики, и для стихотворений 1925 г., результат количественного анализа подтверждает мысль о том, что отрицание представляет собой

стилеобразующий художественный инструмент в творчестве С. А. Есенина.

Заключение

Таким образом, отрицание как особая лингвоэстетическая категория является квалификативной чертой идиостиля С. А. Есенина. Отрицание в творчестве поэта проявляется чаще всего при глагольных формах, особенно 1 лица единственного числа, а также в инфинитивных конструкциях, реализуя различные деструктивные коннотации высказывания: самооправдание, непринятие себя, сожаление о непознаваемости и предельности бытия, прогнозирование отсутствия будущего, признание дисгармонии жизни, полинегативный самогипноз. Коннотации отрицания в поэзии С. А. Есенина характеризуются градуальностью по степени категоричности и экспрессивности. На основе проведённого исследования перспективным представляется поиск функциональных эквивалентов отрицания и постановка вопроса о целесообразности и эффективности отрицательных конструкций в речевой практике.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (008). С. 5–22.
2. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.
3. Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л.: Ленинградский университет, 1973. 104 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
5. Воронова О. Е. С. Есенин как символ единства русского мира // Современное есениноведение. 2022. № 1 (60). С. 38–42.
6. Казимянец Е. Г. *Нет и нельзя* в современном русском языке (билингвальный анализ) // Русистика

¹ Есенин С. А. Я, Есенин Сергей: поэзия и проза. М.: Эксмо, 2004. С. 246.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 254.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Там же. С. 183.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 142.

¹¹ Там же. С. 146.

- и компаративистика: сборник научных статей. Вып. 5 / отв. ред. Е. Ф. Киров. М.: Московский городской педагогический университет, 2010. С. 57–66.
7. Калинина А. А. Утверждение / отрицание как многоаспектная категория языка и речи. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2010. 272 с.
 8. Лоова А. Д., Мироненко С. А. Основные способы выражения категории отрицания в разносистемных языках (на материале немецкого и адыгейского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2021. Вып. 4 (287). С. 33–41.
 9. Милованова М. С. Экспрессия русского отрицания (Русское коммуникативное поведение: взгляд со стороны). 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 160 с.
 10. Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 304 с.
 11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
 12. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
 13. Стетюха Н. В. Модальная сущность отрицания в форматах функционально-семантического и функционально-прагматического полей // Филология и лингвистика в современном обществе: сборник материалов III Международной научной конференции, Москва, ноябрь 2014 г. М.: Буки-Веди, 2014. С. 103–107.
 14. Фаткуллина Ф. Г., Сафига Р. И. Категория отрицания как общенаучный феномен // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 354–356.
 15. Штернина Е. С. Сакальчикова Н. Н. Обучение выражению отрицания в иноязычной аудитории // STEPHANOS. 2023. № 3. С. 47–55.

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. [Linguistic categories as a format of knowledge]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2006, no. 2 (008), pp. 5–22.
2. Bondarenko V. N. *Otricanie kak logiko-grammaticheskaya kategoriya* [Negation as a logical-grammatical category]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 212 p.
3. Brodsky I. N. *Otricateľnye vyskazyvaniya* [Negative statements]. Leningrad, Leningrad University, 1973. 104 p.
4. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (grammatical teaching about the word)]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 2001. 720 p.
5. Voronova O. E. [Yesenin as a symbol of the unity of the Russian world]. In: *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Esenin Study], 2022, no. 1 (60), pp. 38–42.
6. Kazimianetz E. G. [Het and нельзя in modern Russian (bilingual analysis)]. In: *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnyh statej. Vyp. 5* [Russian studies and comparative studies: collection of scientific articles]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2010, pp. 57–66.
7. Kalinina A. A. *Utverzhdenie / otricanie kak mnogoaspektnaya kategoriya yazyka i rechi* [Affirmation/denial as a multi-aspect category of language and speech]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2010. 272 p.
8. Loova A. D., Mironenko S. A. [Basic ways to express the denial category in heterogeneous system languages (based on the German and Adyghe languages)]. In: *Vestnik Adyghejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and the Arts], 2021, iss. 4 (287), pp. 33–41.
9. Milovanova M. S. *Ekspressiya russkogo otricaniya (Russkoe kommunikativnoe povedenie: vzglyad so storony)* [Expression of Russian denial (Russian communicative behavior: a view from the outside)]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 160 p.
10. Paducheva E. V. *Russkoe otricateľnoe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2013. 304 p.
11. Peshkovsky A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001. 510 p.
12. Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika. T. 2* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.
13. Stetyuha N. V. [Modal essence of negation in the formats of functional-semantic and functional-pragmatic fields]. In: *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, noyabr' 2014 g.* [Philology and linguistics in modern society: collection of materials of the III International scientific conference, Moscow, November 2014]. Moscow, Buki-Vedi

Publ., 2014, pp. 103–107.

14. Fatkullina F. G., Safina R. I. [Category of negation as general scientific phenomenon]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2022, no. 2 (93), pp. 354–356.
15. Shternina E. S. Sakalchikova N. N. [Negation expression teaching in foreign language audience]. In: *STEPHANOS*, 2023, no. 3, pp. 47–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергиевская Любовь Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина;

e-mail: l.sergievszkaya@365.rsu.edu.ru

Мелехова Любовь Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина;

e-mail: l.melehova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lubov A. Sergievskaya – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of the Russian language and methods of its teaching, Ryazan State University named for S. Yesenin;

e-mail: l.sergievszkaya@365.rsu.edu.ru

Liubov A. Melekhova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of the Russian language and methods of its teaching at Ryazan State University named for S. Yesenin;

e-mail: l.melehova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сергиевская Л. А., Мелехова Л. А. Коннотации отрицания в поэзии С. А. Есенина // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 61–71.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-61-71

FOR CITATION

Sergievskaya L. A., Melekhova L. A. Connotations of Negation in S. A. Yesenin's Poetry. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4. pp. 61–71.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-61-71

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-72-78

ОСОБЕННОСТИ ГРАДУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ МЕСТОИМЕНИЯ-ЧАСТИЦЫ *МНЕ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Смирнов О. Н.*Московский педагогический государственный университет**119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья призвана предложить комплексный анализ употреблений местоимения-частицы *мне* на основе структурно-семантического и функционального подходов. Русисты прошлых лет и нового времени (ср., А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, В. В. Бабайцева, Е. Н. Сидоренко, С. М. Колесникова и др.) признают существование *слов-гибридов* – единиц с наборами дифференциальных признаков различных структурно-семантических классов. Гибриды часто обнаруживаются в живой разговорной речи и нередко являются экспликаторами разных типов отношений.

Процедура и методы. Для анализа были выбраны следующие методы: *метод субституции* (подстановки) для прояснения семантических свойств слова и *метод дистрибутивного анализа* (анализа словесного окружения исследуемой языковой единицы), *метод тождества и аналогии* (подбора и анализа синонимичных и аналогичных конструкций).

Результаты. Исследование показало, что слова-гибриды местоимённого происхождения могут проявлять градуальную семантику в различных конструкциях, чаще всего восклицательных, поскольку партикульно-прономинальные образования могут содержать дополнительные эмоциональные оттенки знаний.

Теоретическая и/или практическая значимость. Актуальность данной работы заключается в том, что в ней предпринята попытка описать функционирование частицеподобного элемента речи – слова *мне*. Уникальность данной языковой единицы определяется на основе незавершённых процессов десемантизации и партикуляции (перехода языковых единиц в разряд частиц). На наш взгляд, некоторые частицы (партикульные элементы) местоимённого происхождения (*всё, это, оно* и под.) могут проявлять гибридные свойства – свойства промежуточного положения между двумя (тремя) лексико-грамматическими классами и совмещающие признаки слов разных лексико-грамматических групп.

Ключевые слова: градуальная семантика, градуатор, десемантизация, местоимение-частица, партикуляция, слово-гибрид

FEATURES OF THE GRADED SEMANTICS OF THE PARTICLE PRONOUN *ME* IN MODERN RUSSIAN

O. Smirnov*Moscow Pedagogical State University**ul. Malaya Pirogovskaya 1 bld 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article aims to offer a comprehensive analysis of the uses of the pronoun-particle *me* based on structural, semantic and functional approaches. Russian scholars of the past and modern times (cf., A. M. Peshkovsky, V. V. Vinogradov, V. V. Babaytseva, E. N. Sidorenko, S. M. Kolesnikova, etc.) recognize the existence of hybrid words – units with sets of differential features of various structural and semantic classes. Hybrids are often found in live colloquial speech and are often explicators of different types of relationships.

Methodology. The following methods were chosen for the analysis: the method of substitution to clarify the semantic properties of a word and the method of distributive analysis (analysis of the verbal environment of the studied language unit), the method of identity and analogy (selection and analysis of synonymous and similar constructions).

Results. The study showed that hybrid words of pronominal origin can exhibit graduated semantics in various constructions, most often exclamation points, since particular-pronominal formations may contain additional emotional shades of knowledge.

Research implications. The relevance of this work lies in the fact that it attempts to describe the functioning of a particle-like element of speech – the word *me*. The uniqueness of this linguistic unit is determined based on incomplete processes of desemantization and particularization (the transition of linguistic units into the category of particles). In our opinion, some particles (particulars) of pronominal origin (all, this, it, etc.) may exhibit hybrid properties – properties of an intermediate position between two (three) lexical-grammatical classes and combining features of words of different lexical-grammatical groups.

Keywords: hybrid word, particle-pronoun, graded semantics, gradator, desemantization, particularization

Введение

В современном русском языке местоимённые слова занимают особое положение в системе частей речи. На это неоднократно указывают русисты (А. М. Пешковский, П. А. Лекант, Е. В. Клобуков, С. М. Колесникова). Действительно, местоимения отличаются от остальных слов, которые признаются частями речи: местоимения не обладают *общим категориальным значением*, не имеют *формального единства*, *ведущей синтаксической функции* и не проявляют ярких *словообразовательных отношений* с другими классами слов. В связи с этим используется характеристика «смешанной части речи», поскольку основные признаки, определяющие часть речи, заимствованы у других слов.

Тем не менее, местоимения вызывают интерес современных исследователей (И. Ю. Гранева, С. М. Колесникова и др.). Особого внимания заслуживает взаимодействие местоимений с другими классами слов. Местоимённые слова подвергаются семантизации и проявляют признаки имён прилагательных (*Он не такой*; *Человек не самый-самый*; *День никакой сегодня*; *А он того* (= ‘не совсем здоровый’)); имён существительных (*И эту* (= ‘девушку’) *с собой захвати*); *Тот совсем плох*). Местоимённые слова взаимодействуют с системой неизменяемых слов и, в частности, с частицами.

Специфика перехода местоимений в частицы

В современном русском языке личные местоимения переходят в частицы, несмотря на их способность заменять слова с предметным значением, в то время как значение, вносимое частицами, далеко от предметного, может быть максимально размыто, неконкретно и служить для «придания различных дополнительных смысловых значений ... в тексте» [5, с. 9]: *человек – он*, *студентка – она*, *профессоров – их* (*он не захотел прийти*, *он бежит себе в волнах*). Известно, что личные местоимения представляют собой закрытую группу слов с яркой особенностью формоизменения, что отличает их от других разрядов местоимённых слов. Эта особенность называется супплетивизмом (супплетивностью) – объединением в пределах одной лексемы разнокорневых слов: *я*Ø (*j(a)*) – *мен'*(*a*), *мн*(*ою*); *он*Ø – *j(эго)* и т. д. (за исключением местоимения *в(ы)* (*B(ы)*)).

Слова местоимённого происхождения часто являются строевым элементом составных частиц. Используя данные Толкового словаря служебных слов русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой¹, нам удалось найти небольшое количество частиц (12), в составе которых есть слова

¹ Толковый словарь служебных слов русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2004. 814 с.

местоимённого происхождения (из разряда личных местоимений): *вот тебе и, вот те и, да что вы, да что ты, ишь ты, поди ж ты, поди ты, те, тебе, тоже мне, что вы, что ты*. Всего в этом словаре зафиксировано 516 частиц, указанные частицы составляют чуть более 2%. Большая часть этих частиц включает определённые слова местоименного происхождения, их формы и фонетические варианты – *ты* и *вы*. Учитывая контекст и речевую ситуацию, эти частицы могут служить для установления и поддержания контакта, для выражения субъективно-модальных значений в диалогах (например, *Тожe мне* (= ‘плохой’) *врач!*). Слово *мне* в составе частиц встречается один раз – в составной частице *тоже мне*. Слово *мне* встречается в таких предложениях, где оно проявляет свойства частицы. Часть этих употреблений нами рассмотрено в настоящем исследовании.

Переход самостоятельных частей речи в частицы связан с процессом десемантизации – ослаблением или утратой номинативного значения. В отношении местоимений говорить о номинативном значении трудно, поскольку местоимения не выражают номинативного значения вне контекста.

Сегодня с учётом имеющихся сведений о грамматике местоимений вопрос об определении частеречной принадлежности слов местоимённого происхождения в конкретном употреблении не всегда может быть решён однозначно. В исследовании, посвящённом интегральному описанию русских личных местоимений, И. Ю. Гранева различает референтное и нереферентное употребления местоимений: референтное, которое связано с «возможностью их употребления или по отношению к лицам, которые являются непосредственными участниками коммуникации» [2, с. 13], и нереферентное, при котором местоимения употребляются «по отношению к неопределённому множеству лиц, не участвующих в акте коммуникации непосредственно» [2, с. 13–14]. Учёный исследует «номинативизацию дейксиса» и выделяет стадию «фразеологизации лич-

ных местоимений», при которой личные местоимения «приобретают возможность выражать номинативную или – чаще всего – экспрессивную семантику в составе целого, как правило, устойчивого выражения, участвуя в выражении особого типа значения – фразеологического, которое по природе своей отличается экспрессивно-оценочным потенциалом и повышенной способностью выражать культурно значимые смыслы» [2, с. 16]. На наш взгляд, нередко слово местоимённого происхождения, которое подвергается фразеологизации, можно определить как *местоимение-частицу* и иногда *частицу*.

Местоимения-частицы обладают свойствами сразу двух классов слов – местоимений и частиц: одновременно в одном употреблении сохраняют способность указывать на что-то и выражать субъективно-модальные и смысловые оттенки значений: *Почему это он не пришёл? Вот как оно бывает!*

Гибриды – особые единицы в грамматической системе русского языка

Слова, которые совмещают свойства местоимений и семантику частиц и которые невозможно причислить к одному из этих классов, изучаются давно. Эти слова называются *гибридами*, или *синкретичными словами*: «Понятия *гибридные слова* и *синкретичные слова* считаются тождественными, хотя в работах В. В. Бабайцевой последний термин представляется предпочтительным, так как синкретизм характерен не только для единиц морфологического уровня»¹. Эти исследования нашли отражение, например, в работах Е. А. Стародумовой [13], Е. Н. Сидоренко [12], В. В. Бабайцевой [1], Ю. И. Леденева [8], П. А. Леканта [7], С. М. Колесниковой [4; 5; 6], А. Б. Ильиной [3], О. Е. Пекелис [10]. В академической грамматике 2005 г. (трудах Института русского языка) раздел,

¹ Колесникова С. М. Актуальные проблемы современной русистики: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 213.

посвящённый частицам, содержит существенное суждение: «Иногда в одном и том же слове близость и переплетение значений частицы и союза, частицы и наречия, частицы и глагола, частицы и местоимения, частицы и междометия настолько тесны, что противопоставление друг другу таких значений как принадлежащим словам разных классов оказывается неправомерным, и слово должно квалифицироваться как “частица-союз”, “частица-наречие”, “частица-местоимение” и т. д.» [11, с. 724]. Г. И. Панова говорит, что «Более или менее периферийную сферу частиц представляют синкретичные языковые единицы, совмещающие и одновременно проявляющие свойства частицы и слова другого семантико-функционального класса слов»¹.

Разграничение местоимений, частиц и местоимений-частиц происходит по синтаксическому и семантическому критериям: местоимения выполняют синтаксическую функцию, играют роль дейктического, анафорического или кванторного элементов, способны синонимизироваться с другими местоимениями. Местоимения-частицы либо выполняют синтаксическую функцию (при этом модальный компонент, вносимый данным элементом, в структуре высказывания ослабевает), либо не выполняют синтаксическую функцию и сохраняют функции дейксиса, анафоры или квантора (при этом модальный компонент, вносимый данным элементом, усиливает своё значение); такие единицы можно изъять из предложения; прономинально-партикульные элементы часто употребляются в определённой форме и поэтому способны воспроизводиться в конкретном виде, что способствует фразеологизации высказываний. Частицы не выполняют синтаксических функций, служат для передачи смысловых и модальных значений (оттенков значений).

Анализ языкового материала

Сравним употребление местоимения *мне* в разных словесных окружениях. В предложении *Ух уж мне эти звонкие девяностые!*² слово *мне* является детерминантом с субъектным значением. Как известно, детерминирующий член предложения находится в слабой синтаксической позиции и имеет менее прочную связь с предикативным центром предложения, чем остальные присловные распространители. В данном случае анализируемое слово находится в начале предложения и употреблено с сочетанием слов *ух ... уж* (с большой долей уверенности можно квалифицировать эти слова как междометие и частицу, соответственно): междометие *ух* придаёт предложению-высказыванию явный и яркий эмоциональный фон (ироническое пренебрежение), а частица *уж* подчёркивает состав предложения. В данном случае *мне* – это личное местоимение, употреблённое в форме дательного падежа. Обратим внимание, что данное местоимение невозможно заменить другими личными местоимениями в той же форме (по крайней мере, сочетания *ух уж тебе*, *ух уж вам*, *ух уж нам* в Национальном корпусе русского языка не встречаются) и это местоимение легко изъять из предложения, налицо стремление к воспроизводимости конструкции, несмотря на то, что данные междометие и частица могут употребляться вне зависимости друг от друга (*Ух (мне) эти звонкие девяностые! Уж (мне) эти звонкие девяностые*).

Стоит рассмотреть другой тип употребления слова *мне*: *Я вам серьёзно говорю, а вы мне тут шуточки шутите*³ в составе предикативной части сложносочинённого предложения с противительно-сопоставительными отношениями. С одной стороны, слово *мне* сохраняет дейктическую функцию (функцию указания на участника ком-

¹ Панова Г. И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: Ленанд, 2014. С. 404.

² Форум: Горный двухподвесочный // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

³ Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

муникации), в другой части есть личное местоимение *я*. С другой стороны, слово *мне* в данном употреблении имеет явно ослабленный дейктический характер, параллельно с указательной функцией в слове проявляется усиление предиката *шутите*, рядом с которым есть однокоренное слово *шуточки*, являющееся градуатором – средством усиления значения предиката. Слово *мне* является безударным. На наш взгляд, слово *мне* здесь совмещает значения местоимения и частицы и является словом-гибридом. Стоит отметить, что и слово *тут* в данном употреблении ослабляет своё указательное значение. Будет вернее сказать, что семантика усиления «утоплена» в указательном значении и «растворяется» в содержании всего предложения-высказывания. В анализируемом примере исследуемое слово явно выполняет подчёркивающую, акцентирующую функцию. С. М. Колесникова так представляет природу акцентирующей функции: «В основе акцентирующей функции частиц лежит словарное значение “указательности”, “усилительности”, “ограничительности” и т. д. Значение соотносится с контекстом и используется говорящим для усиления той или иной степени признака»¹.

Гибрид местоимение-частица *мне* функционирует и в предложениях с императивными глагольными формами. Например, в реплике – *Что ты сказал, мерзавец? Померзавь мне ещё, – пригрозил генерал*² слово *мне* употреблено в сочетании с наречием-частицей *ещё*. Постараемся определить семантику местоимённого слова: на наш взгляд, это слово обладает ослабленным значением указания и обнаруживается значение подчёркивания и усиления семантики императива (в данном контексте *померзавь* употреблено рядом с однокоренным словом *мерзавец*, что придаёт высказыванию дополнительную градуальную

семантику). Слово более или менее синонимизируется с акцентирующей частицей *же*, что позволяет сказать о неоднозначной семантике данного слова. В данном примере местоимение-частица *мне* усиливает предикат *померзавь*, образуя градуальный предикат: «Предикатный тип градуального значения является системообразующим компонентом ... поля градуальности ..., отражая взаимодействие семантического, прагматического и грамматического аспектов в гранд-функциях, гранд-коннотациях и прагмемах...» [4, с. 53].

Местоимение-частица *мне* может иметь фиксированную позицию в предложении – постпозицию по отношению к предикату – и употребляться в сочетании с другим словом местоимённого происхождения в воспроизводимом сочетании: *Попритворяйся мне тут!*³ Слово *мне* имеет фиксированную постпозицию и ослабленную указательную семантику наряду с семантикой усиления (подчёркивания) и выражает смысл, противоположный семантическому содержанию предиката = *не притворяйся*. Предложение будет лишено возможности проявить отрицательную семантику, если изъять из него слово *мне*: *Попритворяйся тут!* Об участии некоторых частиц в утвердительно-отрицательной характеристике сообщаемого пишет И. А. Нагорный: «...Собственно логическая оппозиция “утверждение / отрицание” существенно расширяется на предложенческом уровне. Игнорировать данный факт не представляется возможным. В ... многоуровневой иерархии предложения с частицами занимают отведённое им место на модально-кваликативной шкале кваликативной утвердительно-отрицательной характеристики сообщаемого» [9, с. 165]. Без специальной, иронической интонации эта семантика будет не ясна. Слово *мне* подчёркивает предикат. Местоимение-частица в данном употреблении каким-то образом связана с местоимением-частицей *тут*. Это воспроизводимость, близкая к фразео-

¹ Колесникова С. М. Актуальные проблемы современной русистики: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 417.

² Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

³ Валентин Никитин. Время сладкого янтаса (главы из романа) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

логизации. Стоит сказать, что, по нашему мнению, нерасчленённость, гибридность значения может быть определена как с большим уклоном в сторону семантики частицы, так и с большим уклоном в сторону семантики местоимения. Для нашего примера, как думается, большей семантикой частицы обладает слово *мне*, а большей семантикой местоимения (местоимённого наречия) обладает слово *тут*.

Заключение

Таким образом, анализ употреблений слова местоимённого происхождения *мне* показал, что, во-первых, данное слово может употребляться в восклицательных конструкциях; функция подчёркивания,

усиления может проявляться в определённых моделях: восклицательный императив + *мне* + *тут* (*ещё*) (иногда проявляется отрицательное значение всей конструкции); во-вторых, градуальный компонент (усилитель значения) проявляется ярче, если в предложении есть другие *градуаторы* (показатели градуальности – термин С. М. Колесниковой); в-третьих, слово *мне*, обладая свойствами частицы, часто сохраняет функцию указания на действующее лицо, эта особенность может быть соединена с градуальной семантикой этого слова или может содержаться во всём предложении-высказывании, что затрудняет её обнаружение и анализ.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // Русский язык в школе. 1971. № 3. С. 81–84.
2. Гранева И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2022. 44 с.
3. Ильина А. Б. «Гибридные» слова с градуальной семантикой в современном русском языке: наречия-частицы: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. 216 с.
4. Колесникова С. М. Градуальный предикат – основной компонент градуальности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. С. 53–59.
5. Колесникова С. М. Семантика градуальности и способы её выражения в современном русском языке. М.: Московский политехнический университет, 1998. 180 с.
6. Колесникова С. М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 112 с.
7. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. 213 с.
8. Леденев Ю. И. Состав и функциональные особенности класса неполнозначных слов в современном русском литературном языке: дис. ... д-ра филол. наук. Севастополь, 1972. 556 с.
9. Нагорный И. А. Функционирование русских частиц как утвердительно-отрицательных экспрессивизаторов сообщаемого в модально-кваликативном предложении // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста: коллективная монография. М.: Протагор, 2022. С. 159–166.
10. Пекелис О. Е. «Дискурсивные слова» в русском синтаксисе (местоимения, частицы, союзы): синхрония и диахрония: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 242 с.
11. Русская грамматика: научные труды / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2005. 784 с.
12. Сидоренко Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев: Лыбидь, 1990. 146 с.
13. Стародумова Е. А. Русские частицы: письменная монологическая речь: дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 1996. 446 с.

REFERENCES

1. Babaitseva V. V. [Hybrid words in the system of parts of speech of the modern Russian language]. In: *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School], 1971, no. 3, pp. 81–84.
2. Graneva I. Yu. *Russkie lichnye mestoimeniya v svete integral'nogo opisaniya yazyka: kommunikativno-pragmaticheskie, lingvokul'turologicheskie i kognitivno-diskursivnye aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*

- [Russian personal pronouns in light of the integral description of language: communicative-pragmatic, linguistic and cognitive-discursive aspects: author's abstract. diss. ... doctor of philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2022. 44 p.
3. Ilina A. B. "Gibridnye" slova s gradual'noj semantikoj v sovremennom russkom yazyke: narechiya-chasticy: dis. ... kand. filol. nauk ["Hybrid" words with gradual semantics in the modern Russian language: adverbs-particles: diss. ... candidate of philological sciences]. Saransk, 2005. 216 p.
 4. Kolesnikova S. M. [Gradual predicate – the main component of graduality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2007, no. 1, pp. 53–59.
 5. Kolesnikova S. M. *Semantika gradual'nosti i sposoby eyo vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [Semantics of Graduality and Ways of Expressing It in Modern Russian]. Moscow, Moscow Polytechnic University Publ., 1998. 180 p.
 6. Kolesnikova S. M. *Russkie chasticy: semantika, grammatika, funkcii* [Russian Particles: Semantics, Grammar, Functions]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2015. 112 p.
 7. Lekant P. A. *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [Grammatical Categories of Words and Sentences]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2007. 213 p.
 8. Ledenev Yu. I. *Sostav i funktsional'nye osobennosti klassa nepolnoznachnykh slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Composition and Functional Features of the Class of Incomplete Words in the Modern Russian Literary Language: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Sevastopol, 1972. 556 p.
 9. Nagorny I. A. [Functioning of Russian particles as affirmative-negative expressivizers of the reported in a modal-qualifying sentence]. In: *Sintaksicheskie sredstva kak ekspressivnyj resurs teksta: kollektivnaya monografiya* [Syntactic means as an expressive resource of the text: a collective monograph]. Moscow, Protagor Publ., 2022, pp. 159–166.
 10. Pekelis O. E. «Diskursivnye slova» v russkom sintaksise (mestoimeniya, chasticy, soyuzy): sinhroniya i diahroniya: dis. ... d-ra filol. nauk ["Discursive words" in Russian syntax (pronouns, particles, conjunctions): synchrony and diachrony. Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2021. 242 p.
 11. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika: nauchnye trudy* [Russian grammar: scientific works]. Moscow, Vinogradov Institute of the Russian Language Publ., 2005. 784 p.
 12. Sidorenko E. N. *Ocherki po teorii mestoimenij sovremennogo russkogo yazyka* [Essays on the theory of pronouns of the modern Russian language]. Kiev, Lybid Publ., 1990. 146 p.
 13. Starodumova E. A. *Russkie chasticy: pis'mennaya monologicheskaya rech': dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian particles: written monologue speech: diss. ... Doctor of Philological Sciences]. Vladivostok, 1996. 446 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Олег Николаевич – аспирант кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: olezhek400@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg N. Smirnov – Postgraduate Student, Russian Language Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: olezhek400@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смирнов О. Н. Особенности градуальной семантики местоимения-частицы *мне* в современном русском языке // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 72–78.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-72-78

FOR CITATION

Smirnov O. N. Features of the Graded Semantics of the Particle Pronoun *Me* in Modern Russian. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 72–78.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-72-78

УДК 81'1(075)

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-79-88

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНОСОЧЕТАНИЙ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЕХАНИКЕ

Червоненко С. М.*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана,**Мытищинский филиал**141005, Московская обл., г. Мытищи, 1-я Институтская ул., д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать терминологические словосочетания одной из технических областей научной сферы – теоретической механики. Рассмотреть основные термины и те синтаксические модели, которые они образуют. Исследовать особенности типов словосочетаний и внутренних связей между их компонентами.

Процедура и методы. Для раскрытия темы автором проведён синтаксический анализ широкого ряда используемых и часто встречаемых терминов теоретической механики. Подробно изучены отношения между членами внутри терминологических единиц. Исследование проводилось на основе выборки материала из методических пособий по данной дисциплине, изучаемой студентами первого курса. Основными методами для проведения работы стали отбор и обобщение материала, структурный, грамматический и синтаксический анализ, описательный и сравнительный методы.

Результаты. Выявлены наиболее продуктивные модели при образовании составных терминов в общей терминосистеме теоретической механики. Даются объяснения о преобладании или отсутствии того или иного вида синтаксической связи, особенностей внутренних структур терминосо-четаний, способов их образования в языке научного стиля.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют дополнить и расширить представления о структурных, грамматических и синтаксических особенностях терминологической системы в теоретической механике.

Ключевые слова: модель, синтаксическая связь, словосочетание, структура, теоретическая механика, термин, тип

FEATURES OF SYNTACTIC STRUCTURE OF TERM COMBINATIONS IN THEORETICAL MECHANICS

S. Chervonenko*Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Mytishchi branch**ul. 1-ya Institutskaya, Mytishchi 141005, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze terminological word-combinations of one of the technical areas of scientific sphere – theoretical mechanics. To consider the main terms and syntactic models formed by them. To study the peculiarities of types of word combinations and internal relations between their members.

Methodology. To disclose the topic, the authors carried out syntactic analysis of a wide range of used and frequently occurring terms of theoretical mechanics. The relations between members within terminological units were studied in detail. The study was carried out on the basis of a selection of material from methodological manuals on this discipline studied by first-year students. The main methods of work were: selection and generalisation of material, structural, grammatical and syntactic analysis, descriptive and comparative methods.

Results. The most productive models in the formation of compound terms in the general terminosystem of theoretical mechanics have been revealed. The explanations of the prevalence or absence of this or that type of syntactic connection, peculiarities of the internal structure of term-combinations, ways of their formation in the language of scientific style are given.

Research implications. The results of the study allow to supplement and expand the ideas about structural, grammatical and syntactic features of the terminological system in theoretical mechanics.

Keywords: model, syntactic connection, phrase, structure, theoretical mechanics, term, type

Введение

Теоретическая механика является одной из фундаментальных наук. Она плавно соприкасается с такими науками, как физика, математика (алгебра и геометрия), инженерная графика, сопротивление материалов и др. Этим объясняется переключки терминологии, которую мы можем наблюдать. Терминосистемы этих наук тесно связаны между собой. Используемые в теоретической механике термины *скорость*, *вектор*, *сила*, *инерция*, *радиус*, *сумма* и многие другие широко используются и другими науками. Поэтому, как «в любой предметной области, любой профессиональной сфере присутствует проблема языка как средства познания». Язык в данном случае адаптируется «для адекватного отражения и передачи логически систематизированного представления о специальных знаниях» [9, с. 5]. Такая направленность будет характерна для отраслевых терминологий, т. к. здесь термины объединяются «не по языковому, а по внешнему для языка при знаку» [11, с. 116].

Вопрос дефиниции термина остаётся открытым. Данной проблемой занимались и занимаются многие учёные: А. А. Реформатский, Д. С. Лотте, Г. С. Винокур, В. М. Лейчик, С. В. Гринев-Гриневич и др. Основная мысль всех многочисленных определений заключается в том, что это «слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции» [2, с. 15]. На данном положении мы и будем основываться.

Проблема любой науки, как пишет о ней С. В. Гринев-Гриневич, – это «определение

языковых единиц, призванных обозначить явления, изучаемые в конкретной науке» [3, с. 711]. Целью нашей работы являются исследование, сбор и описание терминов теоретической механики, выявление синтаксических и структурных особенностей терминосоответствий трёх основных разделов (статики, кинематики и динамики), а также выявление особенностей внутренних отношений между компонентами словосочетаний, типологических особенностей связи слов с рассматриваемыми терминоединицами. Не исключается и семиотический подход в изучении терминов, т. к. он позволяет «понять механизм взаимодействия означающего и означаемого в структуре этого лингвистического знака» [6, с. 266], что даёт возможность понять процессы, «имеющие место в семантике термина в ходе его функционирования в определённом терминологическом языке» [6, с. 266; 10].

Синтаксические особенности образования терминосоответствий

Исследуя терминосостав теоретической механики, можно выделить ряд специфических особенностей. В любой научной области существуют отдельные термины; на их основе формируются лексико-терминологические гнезда, которые группируются около определённого единичного термина и поэтому могут быть представлены не только отдельными словами, но словосочетаниями как простыми, так и сложными, включающими более двух компонентов. Это происходит в результате распространения простого словосочетания одним или несколькими словами. Например, *сила*, *собственная сила*, *сила сопротивления движению*; *колебание*, *сво-*

бодные колебания, график колебательного процесса.

Одной из особенностей терминологии теоретической механики следует отметить её строгую иерархичность. Группы терминов, их совокупность обладают лексическими, синтаксическими и грамматическими связями. Так, одно языковое средство, обозначающее то или иное понятие, в определённых условиях может вступать в родовидовые отношения. В результате этого образуются составные термины – словосочетания, характеризующиеся различными типами связей, самостоятельными внутренними синтаксическими отношениями между их компонентами. Этот процесс можно проследить на многих примерах, когда от одночленного термина, являющегося родовой номинацией, образуются составные термины, их соотносительные видовые понятия: *сила* → *сила тяжести, упругая сила, периодически изменяемая сила*; *вектор* → *вектор скорости, модуль вектора*.

Родовой термин может образовать сложные синтаксические связи с несколькими зависимыми словами в многокомпонентных номинативных единицах: *система сил* → *система сил плоская, система сил уравновешенная, сила трения скольжения, общий признак эквивалентности двух систем сил*; *ось инерции* → *главная центральная ось инерции, центральная ось системы сил*; *кинетическая энергия* → *кинетическая энергия точки, кинетическая энергия системы*.

Как отмечают многие учёные-лингвисты, на образование новых терминологических словосочетаний в современном русском языке оказывают влияние синтаксические, морфологические, лексико-семантические процессы. Самым продуктивным способом образования терминосочетаний является синтаксический способ как особый процесс именно в сфере терминообразования. Он является наиболее продуктивным не только в области теоретической механики, но в других научных сферах, например, математическом анализе.

Проблема образования новых терминов интересует многих исследователей. Существует несколько наименований этого процесса: *терминопроизводство, терминообразование, терминоподдержание, терминотворчество*. По утверждению В. П. Даниленко, значительная часть терминов образуется на основе уже существующих в языке слов, при этом учёный выделяет в научных терминах два плана: «план выражения и план содержания» [4, с. 82].

Для терминообразования продуктивными будут всё те же способы, благодаря которым пополняется лексический запас языка: семантический, синтаксический и морфологический. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева рассматривают иные способы терминообразования. Они относят сюда терминологическую деривацию, заимствование терминов из других языков, калькирование, аббревиацию, семантическую конверсию (терминологизация). При этом многочисленные терминологические наименования могут характеризоваться «формальной разложимостью компонентов» [4, с. 105]. И внутри такого типа Даниленко выделяет два подтипа, которые присутствуют и в терминотворчестве теоретической механики: а) «в первый подтип входят словосочетания, состоящие целиком из элементов терминологического характера и сохраняющие самостоятельность понятийного содержания каждого из входящих в словосочетание слов-терминов» [4, с. 105] (*частота вращения, сила сопротивлений* и т. д.); б) во второй подтип будут входить «несвободные сочетания слов, в составе которых может один из компонентов не являться термином» [4, с. 105] (*скорость угловая средняя, скорость всех тел* и т. д.).

Для полного понимания сущности терминологической единицы необходимо «проанализировать семантическую структуру термина, установить существенные признаки термина и сопоставить значение термина и общепотребляемого слова» [5, с. 218], рассмотреть способы, которыми образован тот или иной термин.

Рассмотрим наиболее продуктивные двукомпонентные модели при образовании составных терминов в общей терминосистеме теоретической механики:

– главный компонент – имя существительное в форме именительного падежа, зависимый компонент – имя прилагательное в форме именительного падежа: *механические колебания, нормальное ускорение, касательное ускорение, угловая скорость, статическое удлинение, упругая сила, механические системы, мгновенный радиус, кинетическая энергия* и т. д.

– главный компонент – имя существительное в форме именительного падежа, зависимый компонент – имя существительное в форме родительного падежа: *положение равновесия, сила сопротивления, частота вращения, сила тяжести, модуль ускорения, вектор скорости, модуль вектора, ускорения Кориолиса* и т. д.;

– главный компонент – имя существительное в форме именительного падежа, зависимый компонент – имя существительное в форме винительного падежа с предлогом: *проекция на ось* и т. д.

Необходимо отметить возможность формирования трёхкомпонентных наименований по следующим схемам:

1) при одном главном компоненте – имени существительном в форме именительного падежа – зависимыми являются два компонента, представленные согласуемыми именами прилагательными; препозиция главного компонента: *скорость угловая средняя* и т. д.;

2) сцепление двух словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, а в роли зависимого компонента используется простое словосочетание, построенное по семантической модели «предмет и его признак», образованное существительным в родительном падеже и согласуемым с ним прилагательным; препозиция главного компонента: *изменение кинетической энергии, график колебательного процесса, система параллельных сил, качение твёрдого тела* и т. д.;

3) сцепление двух словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, а в роли зависимого компонента используется простое словосочетание, построенное по семантической модели «предмет и его признак», образованное существительным в родительном падеже и согласуемым с ним прилагательным; постпозиция главного компонента: *предельного поглощения принцип, предельной амплитуды принцип* и т. д.;

4) главный компонент словосочетания представлен существительным в форме именительного падежа, первый зависимый компонент выражен согласуемым адъективным компонентом (прилагательным или причастием), второй зависимый компонент – именем существительным в форме родительного падежа: *сходящаяся система сил, известные величины сил, мгновенный центр скоростей, эквивалентные преобразования сил, равномерное движение точки, радианная мера угла, кинетическая энергия системы, свободные колебания точки, положительный отсчёт расстояния* и т. д.;

5) сцепление двух словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, а в роли зависимого компонента используется простое словосочетание, построенное по семантической модели «признак и его объект», образованное существительным в родительном падеже и управляемым им родительным падежом имени существительного: *количество движения системы, количество движения точки, закон движения точки, работа силы тяжести, движение центра масс, число степеней свободы, радиус кривизны траектории, траектория движения точки, вектор ускорения точки, момент трения качения* и т. д.;

6) сцепление двух словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, а в роли зависимого компонента используется простое словосочетание, построенное по семантической модели «предмет и его признак», образованное существительным

в родительном падеже и согласуемым с ним определительным местоимением; препозиция главного компонента: *скорость всех тел* и т. д.;

7) сцепление двух словосочетаний: главный компонент представляет собой простое словосочетание, построенное по семантической модели «признак и его объект», а зависимый компонент выражен согласуемым именем прилагательным: *система сил плоская, система сил эквивалентная, центр скоростей мгновенный, скорость точки линейная, скорость точки средняя, ускорение точки касательное (нормальное), ускорение точки среднее* и т. д.;

8) сцепление двух словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, а в роли зависимого компонента используется простое словосочетание, построенное по семантической модели «признак и его количественная характеристика», образованное словом адъективного характера и примыкающим к нему наречием; препозиция главного компонента: *тело абсолютно твёрдое* и т. д.;

9) сцепление двух словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, а в роли зависимого компонента используется простое словосочетание, построенное по семантической модели «признак и его количественная характеристика», образованное словом адъективного характера и примыкающим к нему наречием; постпозиция главного компонента: *периодически изменяемые силы* и т. д.;

10) при одном главном компоненте – имени существительном в форме именительного падежа – зависимыми являются два компонента, представленные согласуемыми именами прилагательными; постпозиция главного компонента: *потенциальное силовое поле* и т. д.

Как мы можем видеть из приведённых схем, наиболее продуктивными и часто встречающимися при образовании трёхкомпонентных терминосочетаний являются четвёртая, пятая и седьмая. Необходимо

отметить появление в словосочетаниях наречий и местоимений, что является одной из особенностей терминосистемы данной научной сферы. В других, смежных науках, например математическом анализе, словосочетания со словами данных частей речи (наречие и местоимения), как правило, отсутствуют.

Другой особенностью теоретической механики является большое количество наименований, включающих четыре и более компонентов. При увеличении количества компонентов в терминологическом словосочетании выделить чёткую структуру схем их образования уже сложнее. Вот наиболее часто встречающиеся:

1) сцепление нескольких словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, в роли первого зависимого компонента выступает согласуемое имя прилагательное (или два), в роли других зависимых компонентов выступают имена существительные / количественно-именные сочетания в форме родительного падежа: *аналитические условия равновесия системы сил, общий признак эквивалентности двух систем сил, положительное направление отсчёта угла, аналитические условия равновесия системы сил, главный момент системы сил, общие условия равновесия системы сил, основные способы определения центра тяжести, полная механическая энергия системы, полная механическая энергия точки* и т. д.;

2) сцепление нескольких словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, в роли первого зависимого компонента выступает существительное в форме родительного падежа, которое в свою очередь является определяемым для других зависимых компонентов, выраженных существительными в косвенных падежах, (возможно с предлогами): *реакции опор в балках с шарнирами, положение центра масс сечения, радиус кривизны траектории в момент времени, ускорение точки на оси координат, направление вектора ускорения точки, ускорение точки в мо-*

мент времени, положение точки в момент колебаний, сила сопротивления работы силы тяжести, момент силы относительно оси, момент силы относительно полюса (точки) и т. д.;

3) сцепление нескольких словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, в роли первого зависимого компонента выступает существительное в форме родительного падежа, которое является определяемым для адъективного или субстантивного оборота: *сумма жёсткости параллельно установленных пружин, сумма работ всех внешних сил, реакция опор в сходящейся системе сил;*

4) сцепление нескольких словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, в роли первого зависимого компонента выступает существительное в форме родительного падежа, которое определяется адъективным и субстантивным компонентами для выражения атрибутивных и объектных отношений: *число неизвестных реакций опор, модуль переносного нормального ускорения, изменение кинетической энергии системы, момент относительно любой точки, плоская произвольная система сил, лемма о параллельном переносе силы, движение равнонаправленное твёрдого тела, координата дуговая точки линии, кинетический момент вращающегося тела и т. д.;*

5) сцепление нескольких словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, в роли зависимых компонентов выступают формы родительных падежей имён существительных, снабжённых атрибутивным элементом: *координаты центра масс плоской фигуры, колебания работающего электродвигателя, сумма работ внешних сил, момент инерции механической системы и т. д.;*

6) сцепление нескольких словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, в роли первого зависимого компонента может выступать атрибутивный

компонент, выраженный прилагательным, а второй зависимый компонент представляет собой простое словосочетание, построенное по семантической модели «предмет и его признак», образованное существительным в родительном падеже и согласуемым с ним прилагательным: *колебательное движение материальной точки, дифференциальное уравнение внутренних колебаний, физическое свойство элементарных операций и т. д.;*

7) сцепление нескольких словосочетаний: главным компонентом является имя существительное в форме именительного падежа, в роли первого зависимого компонента может выступать атрибутивный компонент, выраженный прилагательным, а другие зависимые компоненты представлены существительными / количественно-именными сочетаниями в форме родительного падежа: *общий признак эквивалентности двух систем сил, признак эквивалентности двух пар сил и т. д.*

Мы рассмотрели только основные схемы образования терминосочетаний. Особо выделяются своей продуктивностью первая, вторая и четвёртая, т. к. в них задействованы части речи, наиболее часто встречающиеся при формировании терминологических структур.

Особое внимание обращает на себя наличие сильно распространённых словосочетаний, например, *дифференциальное уравнение вынужденных колебаний с учётом сил сопротивления, общий признак приведения системы сил к динаме, теорема о связи между моментами сил относительно полюса и т. д.*

Модели связей терминологических словосочетаний

Терминологическая структура теоретической механики представлена, как показано, в виде отдельных понятий и многокомпонентных словосочетаний. При этом формируются разнообразные сложные синтаксические единицы. Например, термин *сила* – «векторная величина, являющаяся мерой механического взаимодей-

ствия материальных сил»¹ – присутствует во всех трёх разделах теоретической механики и может выступать в роли главного компонента словосочетания (*собственные силы, периодически изменяемые силы, сила сопротивления движения, сила сопротивления демпфера*) либо выполнять функцию зависимого (*система сил, величина силы, работа силы тяжести, плоская произвольная система сил* и т. д.). Из трёх классических структурных моделей в терминосистеме теоретической механики присутствуют примерно в равных пропорциях подчинительные связи: согласование и управление.

При согласовании, когда «зависимое слово уподобляется по форме господствующему»², последнее будет выражено существительным, а зависимое, как правило, прилагательным. Например: *кинетическая энергия, статическое удлинение, упругая сила, колебательный процесс, вертикальные колебания, материальная точка* и т. д.

При управлении «зависимое слово употребляется в падежной форме, требуемой грамматическими и семантическими особенностями господствующего слова»³, представлена двумя типами: сильным и слабым управлением. В исследуемом материале будут встречаться обе разновидности, но преобладает именно сильное, т. к. при данном типе связи главным компонентом выступают существительные с отвлечённым значением, что довольно часто встречается в терминологических словосочетаниях теоретической механики: *скорость точки, энергия точки, система сил, сила тяжести, скорость тела, центр скоростей, амплитуда колебаний, момент силы* и т. д. При сильном управлении глав-

ный компонент выражен в основном отглагольным существительным, а зависимый – существительным в родительном падеже без предлога: *частота вращения, определение скорости, ускорение точки, направление вектора, перемещение скорости* и т. д. Следует отметить наличие особого типа управления, так называемого соединения. При данном типе связи, как отмечают многие учёные-лингвисты, главный компонент, как правило, «выражен конкретным существительным, никак не влияющим на форму подчинённого слова»⁴: *ускорение Кориолиса, правило Жуковского, формула Эйлера, теорема Гюйгенса, теорема Кёнига, теорема Вариньона* и т. д. Данный тип связи в научном стиле представлен в основном терминосочетаниями, в которых зависимый член выражен именем собственным. Таким образом, подчинение здесь носит некоторый условный характер.

Преобладание атрибутивных синтаксических отношений внутри исследуемой терминосистемы вполне обусловленное явление, т. к. в рассматриваемых словосочетаниях главный компонент обозначает предмет, а зависимые компоненты выражают признак предмета.

Как мы отметили, данная наука обладает терминологической базой, представленной многокомпонентными словосочетаниями, поэтому внутри них нельзя строго выделить какой-то один вид связи. Здесь можно выделить следующие схемы.

1. Согласование + управление

1) *колебательное движение материальной точки, дифференциальное уравнение внутренних колебаний, физическое свойство элементарных операций* – главный компонент (имя существительное) + зависимый компонент (имя прилагательное) – подчинительная связь – согласование; вторым зависимым компонентом выступает простое словосочетание, построенное по семантической модели «предмет и его признак», образованное существительным в родительном падеже и согласуемым с ним

¹ Сила // Толковый словарь по теоретической механике / Д. Д. Лещенко, П. Г. Балдук, С. Я. Бекшаев, Т. А. Козаченко. Одесса: Инженерно-строительный институт, 2011. С. 5.

² Сила // Толковый словарь по теоретической механике / Д. Д. Лещенко, П. Г. Балдук, С. Я. Бекшаев, Т. А. Козаченко. Одесса: Инженерно-строительный институт, 2011. С. 5.

³ Лекант П. А. Современный русский язык: учебник. М.: Дрофа, 2002. С. 366.

⁴ Там же. С. 366

прилагательным. Между главным компонентом и вторым зависимым устанавливается подчинительная связь управления.

2) *аналитические условия равновесия системы сил, общий признак эквивалентности двух систем сил, положительное направление отсчёта угла, аналитические условия равновесия системы сил, главный момент системы сил, общие условия равновесия системы сил* – при сцеплении нескольких словосочетаний реализуются подчинительные связи согласования и управления.

3) *координаты центра масс плоской фигуры, сумма работ внешних сил, момент инерции механической системы* и т. д. Принцип цепочечного наизывания терминологических единиц будет характерен для данного вида связи.

2. *Управление беспредложное + управление беспредложное или предложное*

При такой схеме словосочетания наизываются по цепочечному принципу. Зависимое слово, выраженное существительным и являющиеся зависимым в первом словосочетании, становится главным для второго словосочетания и т. д.: *реакции опор в балках с шарнирами, положение центра масс сечения, радиус кривизны траектории в момент времени, ускорение точки на оси координат, направление вектора ускорения точки* и т. д. Как видно из примеров, сюда будут входить терминосочетания, образованные по второй схеме.

Особое внимание следует обратить на словосочетание *сумма жёсткости параллельно установленных пружин*. В нём наблюдается сочетание всех трёх типов связи: согласование, управление и примыкание. Первое словосочетание – *сумма жёсткости* – управление. Второе – *жёсткости пружин* – управление. Третье – *пружин установленных* – согласование. Четвёртое – *параллельно установленных* – примыкание.

Возможен и эллипсис одного из членов в терминологических словосочетаниях, т. е. «сжатие» многокомпонентного термина. Как правило, им является прилагательное. При этом сохраняется лишь базовая номи-

нация того или иного специального понятия: *механические колебания* → (*краткий вариант колебания*) *свободные колебания, гармонические колебания, затухающие колебания, вынужденные колебания* и т. д.

Или, например, *сила* (общепринятое слово как «способность живых существ производить физические действия...»¹) → *механическая сила* – «как векторная величина в теоретической механике»² → *сила* (в значении '*механическая сила*'), т. е. при эллипсисе одного терминологического элемента в составе словосочетания целостность понятия всего термина сохраняется. Или значение слова *масса* («множество, большое количество»³) → *масса тела* («один из основных физических характеристик материи»)⁴ Использования слова *масса* уже в значении '*масса тела*' в теоретической механике. Этот процесс идёт по пути метонимизации.

Заключение

Таким образом, проанализированный материал даёт возможность сделать вывод о разнообразии способов образования синтаксических терминоструктур в теоретической механике. Это приводит к формированию производных терминов, в структуре которых наблюдается наличие трёх и более терминологических элементов – «основной термин, состоящий из двух терминологических элементов, и терминологический элемент, обозначающий признак видового понятия» [8, с. 51]

В данных ситуациях терминологические единицы уже представляют обобщённое представление о том или ином научном по-

¹ Сила // Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альфа-Принт, 2007. С. 954.

² Механическая сила // Политехнический: Большой энциклопедический словарь. Серия: Большие энциклопедические словари / гл. ред. А. Ю. Ишлинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 456.

³ Масса // Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альфа-Принт, 2007. С. 382.

⁴ Масса тела // Политехнический: Большой энциклопедический словарь. Серия: Большие энциклопедические словари / гл. ред. А. Ю. Ишлинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 456.

нятии, его дефиниции, т. е. существует некая совокупность профессиональных знаний о конкретном объекте денотации. Расширение терминосостава любой научной области, и теоретическая механика не является исключением, не нарушает понятийных особенностей и специфики научной сферы деятельности. Этот процесс оказывает влияние на терминологическую компетенцию, которая определяется «как способность выражать, понимать и создавать специальные знания с помощью терминов» [1, с. 383].

Изменения в лексическом составе языка связаны в первую очередь с трансформа-

цией, которая отмечается «как в общепотребительной сфере языка, так и в различных языковых подсистемах, в частности терминосистемах, а также в подъязыках профессионального общения» [7, с. 155]. Сам процесс расширения терминологической системы связан с непрерывными внутренними языковыми процессами и внешними условиями, которые откладывают отпечаток на все сферы деятельности, в том числе и научную.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Когнитивно-дискурсивные аспекты терминологической компетенции // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике / отв. ред. Т. В. Романова. Нижний Новгород: Деком, 2019. С. 383–387.
2. Володина М. Н. Национальное и интеграционное в процессе терминологической номинации. М.: Московский университет, 1993. 112 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Ещё раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского Университета Дружбы народов. Серия: Теория Языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729.
4. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 124 с.
5. Ермакова А. В. Природа термина // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 218–223.
6. Ефремова Е. С. О семиотическом характере термина. К проблеме полисемии и омонимии (на материале словарей английской IT-терминологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология, Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 262–267.
7. Ефремова Е. С. Проявление амбисемии и эврисемии в семантической структуре термина (на материале английской IT-терминологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология, Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 155–160.
8. Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
9. Суперская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
10. Федорченко Е. А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 570 с.
11. Филлин Ф. П. О названиях обуви в русском языке // Лексикографический сборник. Вып. 6. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. С. 166–172.

REFERENCES

1. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. [Cognitive-Discursive Aspects of Terminological Competence]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVII: Integrativnye processy v kognitivnoj lingvistike: materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike* [Cognitive Studies of Language. Vol. XXXVII: Integrative Processes in Cognitive Linguistics: Materials of the International Congress on Cognitive Linguistics]. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 2019, pp. 383–387.
2. Volodina M. N. *Nacional'noe i integracionnoe v processe terminologicheskoy nominacii* [National and Integration in the Process of Terminological Nomination]. Moscow, Moscow University Publ., 1993. 112 p.
3. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Molchanova M. A. [Once Again on the Question of the Definition of the Term]. In: *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhyby narodov. Seriya: Teoriya Yazyka*.

- Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2022, vol. 13, no. 3, pp. 710–729.
4. Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian Terminology. Experience of Linguistic Description]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 124 p.
 5. Ermakova A. V. [The Nature of the Term]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2018, no. 2, pp. 218–223.
 6. Efremova E. S. [On the Semiotic Nature of the Term. On the Problem of Polysemy and Homonymy (Based on Dictionaries of English IT Terminology)]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya, Zhurnalistika* [News of Saratov University. New episode. Series: Philology, Journalism], 2020, vol. 20, vyp. 3, pp. 262–267.
 7. Efremova E. S. [Manifestation of Ambisemia and Eurysemia in the Semantic Structure of the Term (Based on the Material of English IT terminology)]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya, Zhurnalistika* [News of Saratov University. New episode. Series: Philology, Journalism], 2021, vol. 21, no. 2, pp. 155–160.
 8. Leichik V. M. *Terminovedenie. Predmet, metody, struktura* [Terminology. Subject, Methods, Structure]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 256 p.
 9. Superskaya A. V., Podolskaya N. V., Vasil'eva N. V. *Obshchaya terminologiya: Terminologicheskaya deyatel'nost'* [General Terminology: Terminological Activity]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 288 p.
 10. Fedorchenko E. A. *Stanovlenie i razvitie terminologicheskoy leksiki tamozhennogo dela v russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Formation and Development of Terminological Vocabulary of Customs Affairs in the Russian Language: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2004. 570 p.
 11. Filin F. P. [On the Names of Shoes in Russian]. In: *Leksikograficheskij sbornik. Vyp. 6* [Lexicographic Collection. Vol. 6]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1963, pp. 166–172.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Червоненко София Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана Мытищинского филиала;
e-mail: sm1705@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia M. Chervonenko – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Linguistics, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Mytishchi branch;
e-mail :sm1705@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Червоненко С. М. Особенности синтаксической структуры терминосочетаний в теоретической механике // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 79–88.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-79-88

FOR CITATION

Chervonenko S. M. Features of Syntactic Structure of Term Combinations in Theoretical Mechanics. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 79–88.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-79-88

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-89-98

КУЛЬТУРНЫЙ МИКРОКОНЦЕПТ ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА КАК КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ПРАЗДНИК В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Чжан Юфань*Московский педагогический государственный университет**119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ микроконцепта *ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА* как структурного компонента концептуального поля *ПРАЗДНИК* в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах.

Процедура и методы. При проведении настоящего исследования использовались методы когнитивного, компонентного, описательного и семного анализов языковых единиц. Посредством когнитивного анализа проводится исследование концепта – составляющих праздничной еды – и взаимосвязь между связанными с ними языковыми структурами и когнитивными процессами. С помощью семного анализа языковых единиц анализируются дефиниции лексем, относящихся к праздничной еде, и фразеологические единицы, репрезентирующие микроконцепт *ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА*. Основываясь на методе компонентного анализа, микрополе *ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА* определяется как набор групп продуктов питания, основанных на общем семантическом признаке – *ПРАЗДНИК*, а блюда, представленные на разных праздниках, имеют разные дифференциальные признаки. Используя вышеуказанные методы анализа, языковое сознание устанавливает влияние культурных традиций русской картины мира и определяет место микроконцепта *ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА* в концептуальном поле *ПРАЗДНИК*: разные виды праздничных блюд и еды стали элементами лингвокультурного кодирования, ср.: *белый хлеб, калач, баранок, пряник, кулич, сочиво, вареники* и др. На основе исследовательских материалов, данных этимологических, толковых словарей, паремиологического и фразеологического фонда со значением ‘праздничная еда’ определяется специфика лексического корпуса, её разнообразие и место в структуре концептуального поля *ПРАЗДНИК*, а также выявляются основные культурные установки и стереотипы русской языковой картины мира. Микроконцепт *ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА* понимается как единица коллективного знания, которая обладает особенностями языкового выражения и национальной культуры и отражает основные взаимосвязанные единицы.

Результаты. Лексико-семантическая группа слов *ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА* является важной культурной частью русской национальной кухни, образует микрополе как структурный компонент концептуального поля *ПРАЗДНИК*. Номинации пищевой семантики являются одновременно и вербальными элементами словарного фонда, и лингвокультурными реалиями, отражающими особенности национально-языковой картины мира.

Теоретическая и/или практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они помогают выявить смысловые и лингвокультурологические особенности *праздничной еды*, которые проявляются в семантической структуре слов со значением ‘еда’, ‘продукт’, определить место языковых единиц данного пищевого блока в концептуальном поле *ПРАЗДНИК*, а также описать их сложную парадигматику. Кроме того, понимание значений слов, относящихся к *праздничной еде*, помогает установить характерные особенности *праздничного стола* и *праздничных традиций* русского народа. Практическая значимость статьи заключается в том, что её результаты могут быть использованы для обучения русскому языку учащихся-инофонов.

Ключевые слова: концепт, культурный концепт, поговорки, пословицы, праздник, праздничная еда, русская языковая картина мира

CULTURAL MICROCONCEPT “FESTIVE FOOD” AS A COMPONENT OF THE CONCEPTUAL FIELD OF THE HOLIDAY IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Zhang Yufan

Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya 1 bld. 1, Moscow 119435, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyse the microconcept *FESTIVE FOOD* as a structural component of the conceptual field *HOLIDAY* in cognitive and linguistic and culturological aspects.

Methodology. Methods of cognitive, component, descriptive and seminal analyses of language units were used in this study. Cognitive analysis is used to investigate the concept – the components of festive food – and the relationship between the language structures and cognitive processes associated with them. With the help of seminal analysis of linguistic units, definitions of lexemes related to festive food and phraseological units representing the microconcept *FESTIVE FOOD* are analyzed. Based on the method of component analysis, the microfield *FESTIVE FOOD* is defined as a set of food groups based on a common semantic feature – a *HOLIDAY*, and dishes presented on different holidays have different differential features. Using the above methods of analysis, linguistic consciousness establishes the influence of cultural traditions of the Russian picture of the world and determines the place of the microconcept *FESTIVE FOOD* in the conceptual field *HOLIDAY*: different types of festive dishes and food have become elements of linguistic and cultural coding, cf.: white bread, roll, baranok, gingerbread, kulich, sochivo, dumplings, etc. Based on research materials, data from etymological, explanatory dictionaries, paremiological and phraseological fund with the meaning of “festive food”, the specificity of the lexical corpus, its diversity and place in the structure of the conceptual field *HOLIDAY* are determined, and the main cultural attitudes and stereotypes of the Russian language picture of the world are revealed. The microconcept *FESTIVE FOOD* is understood as a unit of collective knowledge, which has the peculiarities of linguistic expression and national culture and reflects the main interrelated units.

Results. The lexical and semantic group of words *FESTIVE FOOD* is an important cultural part of the Russian national cuisine, forms a microfield as a structural component of the conceptual field *HOLIDAY*. Food semantics nominations are both verbal elements of the vocabulary fund and linguistic and cultural realities reflecting the peculiarities of the national-linguistic picture of the world.

Research implications. Of the *research results* lies in the fact that they help to identify semantic and linguistic and culturological features of festive food, which are manifested in the semantic structure of words with the meaning of ‘food’, ‘product’, to determine the place of linguistic units of this food block in the conceptual field of *HOLIDAY*, as well as to describe their complex paradigmatics. In addition, understanding the meanings of words related to festive food helps to establish the characteristic features of the festive table and the festive traditions of the Russian people. The practical significance of this article lies in the fact that its results can be used to teach the Russian language to foreign-speaking students.

Keywords: concept, cultural concept, sayings, proverbs, holiday, holiday food, Russian language picture of the world

Введение

В данной статье представлены результаты когнитивного, лингвокультурологического, этимологического, семного и дискурсивного анализа пищевых номинаций, образующих лексико-семантическую группу слов

ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА. Данная группа слов входит в культурное микрополе макроконцепта *ПРАЗДНИК*, являющегося фрагментом русской языковой картины мира, одним из значимых структурных элементов концептуального поля *ПРАЗДНИК*.

Микроконцепт *ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА* определяется как «культурный концепт», отражающий лингвокультурные реалии и репрезентирующий «гастрономическую» картину мира русского народа, связанную с *праздничными обрядами, традициями и ритуальными действиями*, поэтому особое внимание нами обращается на этимологию номинаций праздничных продуктов питания русского народа в аспекте лингвокультурологической парадигмы и на отражение этих реалий в текстах «малого» фольклора. Проведённый анализ вносит определённый вклад в реконструкцию общей языковой картины русского национального мира.

Мысль о том, что язык отражает определённое видение мира, восходит к работам В. фон Гумбольдта. Немецкий учёный-лингвист одним из первых доказал, что «каждый конкретный язык, порожаемый энергией человеческого духа, создает особую – целостную и индивидуальную – модель действительности» [3, с. 11]. Впоследствии данная модель действительности, описанная в работах Л. Вайсгербера (1930), Б. Уорфа (1960), Ю. С. Степанова (1968), А. А. Потемби (1999), О. А. Корнилова (2002), А. Д. Шмелёва (2005), В. А. Масловой (2007), С. М. Колесниковой (2023) и других российских и зарубежных исследователей, получила название языковой картины мира.

В современной лингвистике языковая картина мира считается «фактом национально-культурного наследия, формируемого языком»¹, т. к. язык является системой передачи культурно-семантической информации, утверждает, что с момента своего возникновения первой функцией языка была культурная дифференцированность общества. Именно культурная функция языка «обеспечила победу *Homo sapiens* над неандертальцем» [12, с. 57], а «языковая картина мира отражает символы языка, сумму смыслов, которые транслируют

символы языка» [8, с. 11]. Описывая фрагмент русской языковой картины мира, связанный с культурой *праздничного питания*, мы используем языковые средства, содержащие культурно-значимые смыслы, которые и по сей день являются одним из приоритетных направлений современной лингвистики.

Термин «культурный» понимается нами в широком смысле слова: во-первых, как «характеристика культурной реалии», получающей «специфическую репрезентацию в конкретном языке»²; во-вторых, как «совокупность концептов и отношений»³; «повседневный опыт взаимодействия людей друг с другом и различными объектами реальной действительности»⁴.

Одной из важнейших единиц лингвокультурологии является *концепт*, который определяется как «квант переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы и включающий понятийное, образное и ценностное измерения» [6, с. 4]. Для изучения концепта необходимо рассмотреть, «как то или иное понятие представлено в ментальном мире, в языковом сознании человека» [11, с. 7]. В коллективном и индивидуальном сознании языковая картина мира, представляющая собой серию национально маркированной культурной памяти, познаётся благодаря концептам – «определённым ориентирам, которые обусловлены личной и совокупной деятельностью, направленной на освоение внешнего и внутреннего мира»⁵. Например, в языковой картине русского языка, *религиозные праздники* являются одним из культурных кодов для классифи-

² Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Державинский, 2021. С. 75.

³ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 13–40; Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Державинский, 2021. С. 77.

⁴ Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Державинский, 2021. С. 78.

⁵ Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. С. 4.

¹ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 587.

кации праздника, *Пасха* – один из главных религиозных праздников, а *кулич* – одно из основных кулинарных блюд Пасхи. Это блюдо является ‘символом’ воскресения и новой жизни Христовой’. *Кулич*, являясь культурным кодом религиозного праздника, сочетает в себе как исторические, так и современные факторы, и эта традиция сохраняется по сей день.

В современной лингвистике содержание концептов как единицы языковой картины мира уникально для каждой национальности и отражает особенности конкретного языка, культуры и мировоззрения. Анализ национально-культурной специфики невозможен без освоения концептов, которые как принадлежность сознания человека представляют глобальную единицу мыслительной деятельности [11]. **Культурные концепты** – «это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [4, с. 29], «основная ячейка культуры, отображение культуры в сознании человека, а также то, посредством чего человек, не творец культурных ценностей – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё»¹.

Структура концепта более сложная, чем структура языковых единиц. Соответственно образуется концептуальное поле, которое сочетает в себе фактическое языковое выражение («форма мысли») и среду вне языка (контекст, реальность). Слово – это **языковой сигнал** человека: любой, «кто знаком с языком и владеет им в совершенстве, определённо почувствует и воспримет «культурное значение» этого слова. Без этого значения невозможно проникнуть в смысл текста как выражения культурных явлений»². Включение языковых единиц в культуру, уникальную для конкретной страны, является важным методом понимания концепта. Понимание русской культуры с помощью русских ключевых слов – чрез-

вычайно важное направление. Носители русского языка имеют некоторые взгляды о мире, которые являются уникальными и отражаются в семантике языковой единицы: «овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [4, с. 18].

Микроконцепт ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА

Одним из важных признаков категоризации мира в русской национальной культуре является классификация объектов в соответствии с антонимической парадигмой «праздники» – «будни». Именно первая часть этой бинарной оппозиции имеет огромное значение для русского народа, который всегда, на протяжении всего своего исторического развития, очень трепетно относился к праздникам. На протяжении долгого исторического пути русского народа от поколения к поколению передавались культурные установки, стереотипы, эталоны пищевого национально-культурного кода, закрепляя в фольклорном фонде систему образов, свидетельствующую о национальном самосознании русской лингвокультурной общности. Многие *русские праздники* (как современные, так и светские) имеют давние пищевые традиции. Знание традиций разных народов способствует национальной идентичности и культурной толерантности [9, с. 76].

ЕДА – многослойный концепт, который включает в себя как названия отдельных блюд и продуктов, так и «символические архетипичные образы с сакральным смыслом» [10, с. 73]. Исследованный материал позволил нам выявить тематические группы микрополя ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА: *хлебобулочные изделия* (белый хлеб, калач, баранок, пряник, кулич, сочиво, вареники), *каши*. На периферии микрополя располагаются наименования региональных праздничных блюд.

¹ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 14.

² Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2008. С. 109.

Хлебобулочные изделия

В тематическую группу «Хлебобулочные изделия» входят наименования различных праздничных блюд из теста: *каравай, пряник, блины, кулич, вареники, калач*. Следует отметить, что «хлеб, соль, вода, зерно относились к сакральным продуктам, наделённым особым смыслом и силой»¹. Для христиан *хлеб* является обязательным атрибутом *религиозных праздников*, так как хлеб символизирует тело *Христово*, поэтому в молитве Господней прописано: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» [8, с. 109]. Хлеб имеет огромное значение в жизни русских людей. В паремиях зафиксировано отношение русского человека к данному изделию: он приносит настоящее насыщение, поэтому без него не обходится ни один обед: *Хлебушко – батюшка, картошка – матушка; Хлеб – всему голова; Ешь пироги, а хлеб вперёд береги; Горек обед без хлеба; Плох обед, коли хлеба нет; Без хлеба и воды худо жить; Без соли не вкусно, без хлеба не сытно; Без хлеба куска везде тоска*². Хлеб также является «символом благополучной жизни»: *Хлеб – всему голова; Хлеб – миллионов работников труд; Хлеб берегите, как жизнь берегут; Будет хлеб – будет жизнь*. Но ежедневно крестьянская семья могла себе позволить лишь ржаной хлеб, т. к. ржаная мука была дешевле пшеничной. Однако в праздники, связанные с религиозными и обрядовыми традициями, на Руси пекли изделия из пшеничной, более дорогой, муки. Так, ни один из праздников, отмечаемых русским народом, не обходился без *ритуальных праздничных хлебных блюд: каравая*, который является частью свадебных торжеств; *пряника* («сладкое мягкое печенье в виде лепёшки»), который пекли обычно к религиозному празднику (например, *Рождество*

Христово, Пасха и поминальные дни) и семейным праздникам (например, *свадьба, именины и новоселье*); *кулича* («сладкий, высокий белый хлеб с изюмом» в форме небольшой четырёхугольной пирамиды) – для *Пасхи*; *вареники* («отварные треугольные пирожки из пресного теста, начинённые сыром, творогом»³) – для религиозного праздника *Святки* (двенадцать дней после Рождества Христова).

Каравай как лингвокультурная реалья, являющаяся частью микрополя ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА, этимологически восходит к слову *korva* – «корова», поскольку изначально *караваем* именовался «свадебный пшеничный хлеб на коровьем молоке, в состав которого также входили куриные яйца и сливочное масло». *Большой*, чаще всего *круглый, каравай* вначале являлся частью *свадебных торжеств*. Его, в первую очередь, преподносили жениху и невесте, потом – родителям и, наконец, гостям, которые, отламывая по кусочку, желали молодожёнам «многая лета». *Свадебные традиции*, связанные с *караваем*, отразились в паремиологическом фонде русского языка: «Его каравай ещё не упёлся» («кого-то рано женить»); «Мой каравай в печь перепёлкой, из печи коростёлкой!» (так приговаривают на свадебном пиру, когда вынимают *каравай*); «На чужой каравай рта не разевай, а пораньше вставай, да свой затирай» [4, с. 216]. Позже *караваем* стали встречать дорогих гостей, прибывших в дом не только по случаю бракосочетания. Хозяйка дома выходила им навстречу, держа на красивом вышитом полотенце *большой каравай хлеба*, в центре которого помещена *солонка*. На форму и содержание концепта влияют изменения во внешней среде любой социальной жизни [1, с. 199]. По традиции гость должен отломить кусочек *каравая*, обмакнуть его в соль и съесть, а радушным хозяевам пожелать богатства и благополучия. Отголоски этого обряда сохранились в таких лексемах русского языка, как *хлебосол, хлебосольный* и *хлебо-*

¹ Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург: Энциклопедический словарь педагога, 2000. С. 320.

² См.: Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. Т. 1. СПб: М: Т-во М. О. Вольф, 1879. 750 с.; Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. Т. 2. СПб: М: Т-во М. О. Вольф, 1879. 638 с.

³ См.: Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. Т. 2. СПб: М: Т-во М. О. Вольф, 1879. С. 407.

сольство, синонимичные, соответственно, словосочетанию *гостеприимный человек* и существительному *гостеприимство*¹, а выражение «*хлеб-соль*», символизирующее *гостеприимство*, стало частью многих русских народных пословиц. Например, «*Хлеб-соль со стола не сходят*» (так говорят 'о гостеприимной семье'), «*Хлеб-соль – отплатное дело*» ('как ты встречаешь гостя, так и этот гость впоследствии тебя встретит'), «*Хлеб-соль и разбойника умирят*» ('если врага встретить радушно, то он забудет свои плохие помыслы')².

Ещё одно хлебобулочное изделие, которое ассоциируется с праздниками, обычно семейными, – это **пирог**. Пирог – это «печёное изделие из раскатанного теста с начинкой»³. Присутствие на праздничном столе пирогов репрезентируют пословицы: *Красен обед пирогами, а река – берегами* (в данной пословице говорится о том, что пироги являются украшением стола); *Без блина не маслена, без пирога не именинник* (значение пословицы: на именины обязательно должны быть пироги). Пироги являются лакомством, которое любят все, о чём говорит следующая поговорка: *Тот дурак, кто пирогу не рад*.

Праздничный стол в России редко обходился без такого мучного изделия, как **пряник** ('*сладкое мягкое печенье* в виде лепёшки или плоской фигурки')⁴. Считается, что данная пищевая реалья образована от имени прилагательного *прямый* (др.-рус. *пыръянъ* – «пахучий»). Этимология слова говорит сама за себя: **пряники** пекут из разных видов теста с обязательным добавлением мёда и пряностей: гвоздики, корицы, мяты, имбиря, цедры лимона или апельсина. Разное сочетание пряностей

придаёт этому виду печенья особый вкус и аромат. **Пряник** не является исконно русским **мучным изделием**, т. к. приправленные специями **медовые лепёшки** упоминаются ещё в древнеегипетских и древнеримских рукописях. Однако только в России, где их стали делать в специальных **фигурных формах с забавными рисунками** и даже с **шуточными надписями, пряники** приобрели **национальные черты**. Так называемые **печатные пряники** ещё в средние века стали непременным **украшением русского праздничного стола**. Позже ни один **праздник** не обходился без **пряничных домиков**, построенных из **пряников** разной формы и величины и украшенных сахарной глазурью, цукатами и узорами в национальном русском стиле. Являясь неотъемлемой частью *русской национальной культуры*, **пряники** на вербальном уровне вошли в произведения «малого» русского фольклора, особенно в пословицы и поговорки. Пряник является лакомством, изделием, предназначенным для праздников. И это нашло отражение в русском паремнологическом фонде: семантика лексемы *пряник* содержит значение добавочности, необязательности: *Хлеба не станет – будем пряники есть*, – и одновременно притягательности, желанности: *Ребёнку дорог пряник, старцу – покой; Я не пряник, чтобы всем нравиться*. Пряник также является символом достатка (*Тарас есть пряники горазд, а Филат бы и каше рад*) и чего-то желанного, но труднодостижимого: *За сладкими пряниками семь вёрст ходить надо; Без работы пряников не кушать*.

Народный песенный фольклор создаёт метафорический образ русского **вареника**: «*Вареники-мученики, сыром вам боки набивали, маслом очи заливали. Потом вы в чугуне кипели. За нас, грешных, такие муки терпели!*» Вареники часто готовились на праздники, такие как Масленица, Рождество, Новый год или свадьба. Они стали символом счастья, достатка, гостеприимства. В следующем отрывке из произведения Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1832) вареники упоминаются как гостинец, раздаваемый коля-

¹ Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. С. 592.

² Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. Т. 1. СПб: М: Т-во М. О. Вольф, 1879. С. 462.

³ Пирог // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> (дата обращения: 02.11.2023).

⁴ Пряник // Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2011. С. 774.

дующим, которые на Руси пели песни на Рождество: *Все наперерыв спешили рас-сказать красавице что-нибудь новое, вы-гружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки.*

Блины ('тонкие лепёшки из жидкого теста, испечённые на сковороде и подаваемые с маслом, сметаной, вареньем') пекли на религиозные, семейные праздники (Масленицы и свадьбы) и поминальные дни. Блины являлись символом праздника Масленица (ср. Без блина – не Масленица, Масленица идёт, блины да мёд несёт; На масленой повеселись да блинком угостись; Как на масленой неделе в потолок блины летели). Круглые по форме, они ассоциируются с солнцем (ср. Блины, блинчики, блины как колеса у весны; Блины – солнцу родственники) и символизируют наступление весны (ср. Масленицу провожаем, света, солнца ожидаем). Семантика данного хлебобулочного изделия содержит значение сытости, изобилия (ср. Масленица – объедаха, денег приберуха; Широка река маслена – затопила и Великий пост). Данное значение отразилось также в пословице, которая показывает, что за сытым праздником приходят трудовые будни: *Не всё коту масленица – будет и великий пост.*

Праздничным угощением для гостей является также *калач*, который придаёт празднику торжественности и украшается цветной пудрой. **Калач** – это 'хлеб, имеющий либо форму кольца с небольшим отверстием, либо форму замка с дужкой'. Образована данная лингвокультурная номинация от слова *коло*, означающего «колесо», с помощью суффикса *-ач*. Название своё это кулинарное изделие получило за *круглую форму*¹. **Калачи**, выпекавшиеся только из пшеничной муки, для основной массы русских крестьян были слишком дороги. Бедняки могли позволить себе есть вкусные калачи только по праздникам²,

в связи с чем в русском языке появилось устойчивое выражение *калачом не заманишь*, имеющее значение 'не заговёшь никакой приманкой'³. Лингвокультурная реалья *калач* входит в структуру многих русских пословиц и поговорок. В большинстве паремий подчёркивается *дороговизна калачей* и утверждается, что не каждый может себе позволить есть *калачи* каждый день: *Калач хлебу не замена; Ешь калачи, а мякину не забывай; Ржаной хлебушко калачу дедушка, поэтому калач в доме – всегда праздник; Живая душа калачика чаёт; Хорошо для друга калач купить: не полюбится, так сам съешь*. Во многих паремиях сема «калач» соотносится с семей «труд»: *Есть калачи – не сидеть на печи; Хочешь есть калачи, так и не лежи на печи*⁴.

Определённые праздники *русской национальной культуры* связаны с особой выпечкой. Так, Пасха – самый важный христианский праздник, который отмечают в честь воскресения Иисуса. На *праздничных столах* существует традиция на Пасху есть *кулич* – '*сладкий, высокий белый хлеб* с изюмом', – название которого было заимствовано из греческого, где *koulliki(on)* восходит к древнегреческому *kollix* – «круглый хлеб»⁵. Традиция изготовления *кулича* сохраняется в настоящее время. Обычай печь куличи на праздники репрезентируют следующие пословицы и поговорки: *Где кулич и тесто, тут и наше место* (присказка, которую произносили пекари при выпекании куличей); *У нас в печи – лучшие куличи; К большому празднику и кулич вкуснее.*

Из муки изготавливали также *кисели*. Это «студенистое кушанье из какой-нибудь муки, чаще сваренное с ягодным соком или на молоке»⁶. Кисель пользовался большим

Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1990. С. 62.

³ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003. 1582 с.

⁴ Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. Т. 1. СПб: М: Т-во М. О. Вольф, 1879. С. 364.

⁵ Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. С. 206.

⁶ Кисель // Толковый словарь Ушакова. URL: <https://>

¹ Калач // Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб: Полиграфуслуги, 2005. С. 171.

² Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / под ред.

уважение у русского народа, ср.: *Киселью да царю всегда место есть; То и благо, у кого есть кисель и брага*. Традиционно данное кушанье имело поминальный и жертвенный характер и обязательно подавался на поминках вместе с кутьёй. Ели кисель холодным, разрезая на куски ножом. Фразеологизм *Молочные реки и кисельные берега* в современном русском языке употребляется для обозначения хорошей, привольной жизни [2, с. 19]. На мягкую консистенцию киселя указывает пословица *Беззубому каша – папаша, а кисель – родной брат; Кисель зубов не портит*. О пользе киселя, которую заметил русский народ, говорится в следующей паремии: *Киселём брюха не испортишь*. Кисель – сладкий продукт, поэтому в русском народе его считали женским как антипод мужскому, несладкому блюду: *Кисель да сыта – бабья еда* (сыта – медовый напиток¹).

Каши

Тематическая группа «Каши». На русских праздниках каши изначально были обрядовой и праздничной пищей. Они выступали в качестве символов плодородия, обилия, роста, приумножения. Например, каши использовали на брачной церемонии, откуда и пошло выражение *с ним (ней) каши не сварить*, имеющее в современном русском языке значение «не сговоришься с кем-либо, ничего не добьёшься» [2, с. 21]. Популярным видом каши является кутья. *Кутья* – «1. Кушанье из крупы с мёдом или риса с изюмом, которое едят на похоронах (церк.). 2. Кушанье из крупы с мёдом, которое едят в рождественский сочельник на Украине»². Кутья «символизировала сладкую жизнь в загробном мире, она же была и символом обновления жизни на земле» [2, с. 21]. Связь данного блюда с поми-

нальными обрядами демонстрируют следующие фразеологические единицы: *Ешь кутью, поминай Кузьму! Панихиду пели, а кутью не ели* (панихида – церковная служба по умершему); *Была бы кутья, а плакуши будут* (плакуша, плакальщица – человек, оплакивающий покойника³). Кутья как религиозный символ также фигурирует в следующей пословице: *Была бы кутья, а кутейники сами придут*. Однако в ней проявляется негативное отношение к кутейникам, которыми на Руси называли церковнослужителей [5, с. 219].

Заключение

Таким образом, микроконцепт *ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА*, входящий в структуру концептуального поля *ПРАЗДНИК*, является важным элементом, репрезентирующим русскую языковую картину мира. Основываясь на исследовательских материалах, данных этимологических, толковых словарей, паремиологического и фразеологического фонда со значением 'праздничная еда', определены некоторые ключевые слова праздничной еды (такие, как *каравай, калач, пряник, кулич, вареники, кутья* и т. д.), которые являются репрезентативными для различных праздников и создают лингвистическую объективацию и конкретизацию концепта *ПРАЗДНИК*. Номинации пищевой семантики являются одновременно и вербальными элементами словарного фонда, и когнитивными и лингвокультурными реалиями, отражающими особенности национально-языковой картины мира. Сфера жизни русского народа, связанная с едой, очень богата и разнообразна, и столь многообразно и сложно её отражение в сознании русского человека. Национальные формы жизни народа, его *ценности* отражены во фразеологических и паремиологических единицах с гастрономическим компонентом.

В данной статье анализировались только две тематические группы, входящие в культурный микроконцепт

dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov (дата обращения: 03.11.2023).

¹ Сыта // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> (дата обращения: 02.11.2023).

² Кутья // Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения: 03.11.2023).

³ Кутья // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> (дата обращения: 02.11.2023).

ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА, а именно: хлебо-булочные изделия и каши. Проведённый анализ позволяет заключить, что хлебо-булочным изделиям придавалось большое значение на праздниках. Для их изготовления использовались более дорогие ингредиенты, чем в будни. При этом они считались лакомством, которое не следует употреблять в пищу постоянно. Каши также широко использовались во время обрядов.

Полученные результаты могут быть расширены за счёт исследования таких

тематических групп, как напитки, мясные блюда и др. Праздник связан не только с праздничной едой, но и с праздничными обычаями, ритуалами и обрядами. Рассмотренные в данной статье пищевые реалии – это лишь малая часть языковой картины мира русского народа, которая отражает культуру праздничных блюд русского этноса.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Борисова Л. В. Базисные архетипы и стереотипы национальной культуры в языковой картине мира // Челябинского государственного университета. 2013. №16 (307). С. 17–24.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
4. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
5. Запальский Г. М. Концепт «КУТЕЙНИК» в русском литературном обиходе // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 4. С. 215–233.
6. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. Т. 44. № 10. С. 4–11.
7. Касимова О. П. Концепты русские, запад и восток в русской языковой картине мира. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 160 с.
8. Колесникова С. М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование. М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. 203 с.
9. Колесникова С. М., Чибисова А. В. Макроконцепт «хлеб» в поликультурном пространстве // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 71–80.
10. Ма Л. Универсальное и национальное в наивной картине мира // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2010. № 1. С. 72–78.
11. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация результатов сопоставительных исследований // Сопоставительные исследования. 2020. Вып. 17 / под ред. М. А. Стерниной. Воронеж: РИТМ, 2020. С. 11–21.
12. Шилина Е. Н. Язык как культурный код народа // Язык и культура. 2013. № 2. С. 54–58.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Borisova L. V. [Basic Archetypes and Stereotypes of National Culture in the Language Picture of the World]. In: *Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University], 2013, no. 16 (307), pp. 17–24.
3. Humboldt W. Selected Works on Linguistics (Rus. ed.: Ramishvili G. V., transl. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Progress Publ., 2000. 400 p.).
4. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005. 544 p.
5. Zapalsky G. M. [The concept of “KUTEYNIK” in Russian literary use]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], 2021, no. 4, pp. 215–233.
6. Karasik V. I. [Concept as a unit of linguocultural code]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2009, vol. 44,

- no. 10, pp. 4–11.
7. Kasymova O. P. *Koncepty russkie, zapad i vostok v russkoj yazykovoj kartine mira* [Russian concepts, West and East in the Russian linguistic picture of the world]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2018. 160 p.
 8. Kolesnikova S. M. *Ot smysla k tekstu: lingvokognitivnoe issledovanie* [From meaning to text: linguocognitive research]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2023. 203 p.
 9. Kolesnikova S. M., Chibisova A. V. [Macro-concept "bread" in the multicultural space], 2017, no. 7, no. 6A, pp. 71–80.
 10. Ma L. [Universal and national in a naive picture of the world]. In: *Vesnik Vitebskago dzharzhajynaga universiteta* [Bulletin of the Vitebsk State University], 2010, no. 1, pp. 72–78.
 11. Sternin I. A. [Cognitive interpretation of the results of comparative studies]. In: *Sopostavitel'nye issledovaniya*, 2020, iss. 17 [Comparative studies]. Voronezh, RITM Publ., 2020, pp. 11–21.
 12. Shilina E. N. [Language as a cultural code of the people]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2013, no. 2, pp. 54–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Юфань – аспирант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: urasun001@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhang Yufan – Postgraduate Student, Department of Russian Language, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: urasun001@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Юфань. Культурный микроконцепт ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА как компонент концептуального поля ПРАЗДНИК в русской языковой картине мира // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 89–98.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-89-98

FOR CITATION

Zhang Yufan. Cultural Microconcept "Festive Food" as a Component of the Conceptual Field of the Holiday in the Russian Language Picture of the World. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4. pp. 89–98.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-89-98

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-99-105

ОБРАЗ ОСЕНИ В ЛИРИКЕ С. М. СОЛОВЬЁВА 1920-Х ГОДОВ

Сорока С. Н.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Рассмотреть, как образ осени раскрывается в стихотворениях С. М. Соловьёва 1920-х гг. Выявить, что повлияло на восприятие поэтом этого времени года.

Процедура и методы. В ходе исследования использовались следующие литературоведческие методы: герменевтический, историко-культурный, аксиологический.

Результаты. В процессе анализа обнаруживается, что на восприятие лирическим героем осени влияют революционные события, происходящие в России. Осенние пейзажи этих лет часто тёмные, мрачные, рождающие ощущение бесприютности и тоски. Однако преодолеть уныние герою С. М. Соловьёва помогает творческое начало и вера в Бога.

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена тем, что наследие С. М. Соловьёва, имя которого входило в русло ведущих свершений русской литературы 1900–1930-х гг., в течение долгого времени было предано забвению и незаслуженно мало изучалось. Особенно это касается его поздней лирики.

Ключевые слова: бог, октябрь, осень, революция, Россия, свет, смерть

THE IMAGE OF AUTUMN IN THE LYRICS OF S. M. SOLOVYOV OF THE 1920S

S. Soroka

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider how the image of autumn is revealed in the poems of S. M. Solovyov of the 1920s. To identify what influenced the poet's perception of this time of year.

Methodology. The following literary methods were used in the course of the study: hermeneutical, historical-cultural, axiological.

Results. The analysis reveals that the perception of autumn by the a lyrical hero is influenced by the revolutionary events taking place in Russia. The autumn landscapes of these years are often dark, gloomy, giving rise to a feeling of homelessness and longing. However, the protagonist of S.M. Solovyov is helped to overcome despondency by creativity and faith in God.

Research implications. It is due to the fact that the legacy of S.M. Solovyov, whose name was included in the mainstream of the leading achievements of Russian literature In the 1900s and 1930s, was forgotten for a long time and was undeservedly little studied. This is especially true of his late lyrics.

Keywords: god, October, autumn, revolution, Russia, light, death

Введение

Красота осенней природы нашла отражение в стихотворениях многих поэтов. Не является исключением и творчество С. М. Соловьёва, яркого представителя искусства Серебряного века. Одетым «в багрец и золото» лесам посвящён его цикл «Золотая смерть», вошедший в первую книгу стихотворений «Цветы и ладан» (1907). Критики причисляли поэта-младосимволиста к представителям нео-пушкинской школы, отмечая в его лирике ясность и строгую форму. Несмотря на название цикла «Золотая смерть», осенние зарисовки в нём по-пушкински светлы, жизнерадостны, гармоничны.

Однако под влиянием прожитых лет и жизненных обстоятельств восприятие С. М. Соловьёвым этого времени года меняется.

Задача данной статьи – проследить, как образ осени раскрывается в более поздней, послереволюционной лирике поэта. Этому образу в русском искусстве посвящена статья С. Любушиной [6]. Осенним сюжетам в русской литературе – исследование А. Ю. Агафоновой [1]. К средствам языкового означивания мотива осени в поэме И. А. Бунина «Листопад» приковано внимание Э. С. Глухих [4]. Л. Ф. Алексеева в своих работах пишет о творческом восприятии В. А. Сумбатова бунинской поэмы [2] и рассматривает трагические сюжеты 1919 г. в стихотворениях русских поэтов [3].

Образ осени 1920 годов как отражение непростого периода в истории страны и личной драмы поэта

Для С. М. Соловьёва тяжёлый период в истории страны сопряжён с личной драмой. Гражданская война, голод, переезд в хлебные и мирные поволжские места, оказавшиеся для него чужбиной, сопровождался потерей близких людей, разрушением семьи.

Осенью 1920 г. умерла средняя дочь поэта, пятилетняя Маша. Переживания об утрате ребёнка нашли отражение в не-

большой поэме «Смерть». Стихотворение-поэма начинается с описания холодной октябрьской ночи. В лирике С. М. Соловьёва природа (в том числе и осенние пейзажи) дарили успокоение лирическому герою, наполняли его гармонией, ощущением радости: «Осень бесстрастно ласкою / Сердце ласкает влюблённо»¹. В поэме «Смерть» и обстоятельства, и природа поздней осени оказываются враждебными по отношению к лирическому субъекту. Смерть царит повсюду: и «в приёмной доктора», и «в сырой, как погреб, комнате соседней», где «ребёнок доживает день последний», и за окном. Октябрьские сумерки для героя – «смерть и мука»². Он одинок. Окружающие люди равнодушны к его страданиям: «В аптеке тусклой, лампой озарённой, / Толчёт лекарство в ступе мальчик сонный, / ... / И медленно глухая ночь бежит...»³. Поэт подбирает к ночи эпитет «глухая». Природный мир, как и люди, оказывается безучастным к его переживаниям.

Как справедливо считает С. В. Овсянникова, «мыслёмкость» почти каждого построженного образа – черта поэзии начала века» [7, с. 8].

В стихотворениях С. М. Соловьёва часто возникает образ неба с солнцем, звёздами. Свет являет собой незримое присутствие Творца в мире. В поэме-стихотворении «Смерть» практически нет света: «октябрьские сумерки», «чернеет ночь», «в аптеке тусклой» и даже полусвет представляется «зловещим». Осенний пейзаж мрачен, усиливает чувства бесприютности, одиночества и тоски. В завывании «злых ветров», в кружении сырых осенних листьев чувствуется разгул тёмных, враждебных всему живому сил: «От окон дуло. Были ветры злые, / Кружились листья осени сырые, / И страшен был больничный голый сад»⁴.

¹ Соловьёв С. М. Собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 48.

² Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 26.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 27.

Страшнее всего внутри холодной осени смерть ребёнка. Лирический субъект не знает, как жить с этой болью. А между тем осеннюю ночь сменяет день: «Снова в небе блещет просишь, / Лист кружится золотой»¹.

Осенний пейзаж наполняется светом, блеском. В цикле «Золотая смерть» (1907), созданном в благополучные времена, осенние зарисовки были очень яркие, солнечные: «Тлеет в пламенной порфире / Леса дальняя межа»; «С детства ведомая ласка / В дальнем небе разлита»;² «Сохнут дорожные рытвины, / Кротким лучом осиянны»³. Природа у раннего Соловьёва одухотворена, являет собой храм Божий на земле. В поэме «Смерть» в земном пространстве Бога нет. Именно поэтому осень «сияет ... бесполезной красотой», а блеск солнца представляется «лукавым и обманным». Герой персонафицирует октябрь и именно его обвиняет в смерти дочери: «Злой октябрь, всю жизнь с тобою / Выходил я на борьбу / И опять сражён судьбою / И дитя моё в гробу»⁴.

Важно отметить, что, несмотря на перенесённые испытания, остаётся крепкой вера героя в Бога. Обращаясь к любимой дочери, пребывающей теперь в мире горнем, лирический герой верит в справедливость и милосердие Творца: «И не за тем ли из земных селений / Так скоро ты ушла, блеснув на миг, / Чтоб там, в кругу нечувственных видений / И твой земной меня приветил лик»⁵.

Образ осени в поздней лирике С. М. Соловьёва неразрывно связан с кровавыми историческими событиями, произошедшими в России. «Злой» октябрь 1917 г. разделит жизнь поэта на «до» и «после». В письме к М. А. Волошину от 12 мая 1926 г. он признавался: «...вся современная Россия для меня только гроб или, луч-

ше сказать, тело, из которого улетело дыхание жизни. Что мёртвый встанет из гроба, я твёрдо верю, но не надеюсь дожить до этого дня. Сам же я чувствую себя принадлежащим только прошлой и будущей России...»⁶.

Люди отвернулись от Бога. И теперь «кружат над миром проклятые демоны...»⁷. Осенний пейзаж из одухотворённого, способного к весеннему обновлению, превращается в материальный, подверженный гибели и разложению. В стихах С. М. Соловьёва появляются образы скелетов, остовов, гробов: «Чёрн природы скелет...» («Днями лазурными, днями весенними...», 1923–1924 гг.); «Над костенеющей землёй / Весь день не молкнет ветра вой»; «Скелет немеющей земли / Оденет вечная кора, / И в саване из серебра / Замолкнет всё» (Жемчужное дерево⁸; «Последний дряхлый лист свалился в грязь» (Октябрь)⁹.

В стихотворении «Октябрь» поэт изображает угрожающие события революции 1917 г. Кровавый октябрь приносит горе и смерть не только людям, но и осенней природе. «Дряхлый лист» валится в грязь, «нагие ветви» дрожат, ветер рыдает. Вся земля превращается в «разрытое кладбище», над которым «кружатся демоны самоубийства».

В осеннем стихотворении «Сентябрь» (1926) герой преодолел отчаяние и восстанавливает прежнее единение с природой. Кажется, ему удастся этого достичь: «Какой простор, какие дали! / Что за молитвенная тишь! / Пред тайной неземной печали, / Как очарованный стоишь»¹⁰. Сравним с более ранней «Вечерней молитвой»: «И я стою перед разверстым раем, /

¹ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 27.

² Соловьёв С. М. Собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 40.

³ Там же. С. 48.

⁴ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 27.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Соловьёва Н. С. Отцом завещанное (Дочь поэта о трагической судьбе С. М. Соловьёва (1885–1942). Впервые по подлинникам из архива Н. С. Соловьёвой произведения 1918–1928 гг.) // Наше наследие. 1993. № 27. С. 63.

⁷ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 55.

⁸ Там же. С. 71.

⁹ Соловьёв С. М. Избранные стихотворения // Смирнов Марк. Последний Соловьёв. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 258.

¹⁰ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 69.

Где скорби все навек разрешены. / Стою один, оваян и лобзаем / Незримыми крылами тишины»¹.

Но в «Сентябре» прекрасные на первый взгляд пейзажи всё же таят в себе тревожные предзнаменования: «Осина в ужасе трепещет / Багрянцем каждого листка»². И в завершении стихотворения, которое является и его кульминацией, «приходит в золотой порфире / Сентябрь, грозящий октябрём»³. Октябрь становится символом горя, вновь грозит и лишает покоя.

Исследователь жизни и творчества поэта А. В. Лавров в книге «Русские символы: этюды и разыскания» пишет, что «Соловьёв-мемуарист сосредотачивает своё внимание на ... событиях и переживаниях детства, которое в ретроспективном пассажиристском осмыслении предстаёт как утраченный рай» [5, с. 390]. Это утверждение вполне справедливо в отношении творчества послереволюционных лет. Скорбные страницы истории России заставляют его лирического субъекта возвращаться в прошлое, оживляя в стихах прежние безмятежные годы.

Весна олицетворяет для поэта юность: «Но как далёк смеющийся Апрель! / Твои уста алеют, взоры сини, / Но меж кудрей уже не вьётся хмель» (Музе⁴, 1925); «Как всё кануло вдаль, как всё было давно, / Ненасытный мой май и бурлящий поток» («Ах, сентябрь или август, не всё ли равно?»⁵, 1930).

Исследователь жизни и творчества С. М. Соловьёва В. А. Скрипкина справедливо отмечала, что «Апрель – любимый месяц поэта. Именно в это время года наступает главный христианский праздник – Пасха – день торжества правды Христовой и чуда Воскресенья. Обновление природ-

ной жизни было связано в душе художника с подвигом самоотвержения во имя людей» [8, с. 148].

Осень в лирике С. М. Соловьёва символизирует зрелость, прожитые годы, утрату былых надежд. Остановимся подробнее на стихотворении «Музе» (1925). Начинается оно с описания поздней осени за окном: «Глухая ночь, и ветер октября / Шумит в саду опавшею листвою»⁶.

Поэт вновь подбирает к ночи эпитет «глухая». Она неотзывчива, безразлична к судьбе одинокого страдальца. Единственной его собеседницей становится муза. В отличие от неумолимо текущего времени муза являет собой постоянство. Она встречается с героем «уж двадцать лет», но «всё так же нежна и молода». Взгляд её полон... «лазурью голубую»⁷. Муза в стихотворении связывает прошлое и настоящее, легко переноса субъекта в «смеющийся Апрель», в дни его юности, где они вместе «рвали... розы Феокрита», она «любила лёгкую свирель и давний сон пастушеского быта»⁸. Прошли годы, наступили ужасные перемены в жизни С. М. Соловьёва, теперь его муза – «муза мук, больницы и тюрьмы».⁹ Но важно, что она исполнена «девственного пыла», т. е. чиста, не утратила искренности. Она «чарует» поэта, позволяет отрешиться от происходящего, вдохновляет, даёт силы жить дальше, противопоставлена осени, греху и смерти: «Пусть грех и смерть ещё стоят, грозя, / Твоим словам, твоим лазурным взорам – / Им более противиться нельзя».¹⁰

И вновь в этот мучительный период огромной духовной поддержкой для С. М. Соловьёва является вера в Бога. Взгляд его лирического субъекта обращён к пространству вечности. «Давай мечтать, внимая горним хорам», – призывает он музу в завершении стихотворения. И отдельной строкой, что свидетельствует о

¹ Соловьёв С. М. Собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 33.

² Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 69.

³ Там же. С. 69.

⁴ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 66.

⁵ Соловьёв С. М. Избранные стихотворения // Смирнов Марк. Последний Соловьёв. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 260.

⁶ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 65.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М.: Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 67.

важности встречи: «Продлим ещё свидания сладкий час»¹.

В стихотворениях С. М. Соловьёва, посвящённых осени, часто появляется образ Царицы Небесной. На 14 октября приходится двенадесятый великий православный праздник – Покров Пресвятой Богородицы. Стихи о Богоматери – это целый пласт в русской мирской и духовной поэзии. Так, образу Царицы Небесной в лирике М. А. Волошина посвящена статья М. В. Яковлева [9].

У С. М. Соловьёва Матерь Божия защищает от злых сил, укрывая землю и верующих своим омофором. Рассмотрим стихотворение «Уснуло всё, безлиственный лес» (1926) В нём вновь появляется образ «глухой полночи». Но эпитет здесь имеет другое значение – «тихий, без проявления жизни»². Эта таинственная тишина обостряет чувства героя. Он внимательно вглядывается, вслушивается в осеннюю ночь за окном и «внемлет», «как хлопья падают с небес на замороженную землю»³. Снег, «глубокий, чистый», напоминает герою «ризу Непорочной Девы». Незримое присутствие Пресвятой Богородицы привносит в мир равновесие и гармонию (спокойствие). Безлиственный лес *безжизнен*, но с небес *падают* белоснежные хлопья. «Волны рек *уснули*», но под снегом *зреют* будущие севы». «Вечера глухие», но скоро «движется Мария из Назарета в Вифлеем»⁴. И тогда в мире родится Спаситель. Это евангельское событие, значимое не только для поэта, но и для всех верующих людей, являет собой торжество жизни вечной.

Мысль о том, что Пресвятая Богородица не оставляет землю своим заступничеством, заключена и в стихотворении «Днями лазурными, днями весенними...

(1923–1924). Пейзажная зарисовка поздней осени в нём – это не просто время года с «тусклыми днями», «со стужившейся тьмой». Это бездуховное существование людей, отвернувшихся от Бога после Октябрьской революции. Образ Девы Марии не даёт миру погрузиться в «злобу земную упрямую». Антонимичные пары в каждом четверостишии так же, как и в предыдущем стихотворении, создают ощущение равновесия. «Сакристия *потемнела*», но «остия в храме *сияет* лучистая, гонит угрозы зимы»⁵. «Твердь *омраченная*», но над ней «в белой одежде невест Мать непорочная, Мать милосердная встала в короне из звёзд»⁶.

В конце стихотворения появляется образ «вьюжных бурь» – символа бунта, революции. Но они не столь угрожающе страшны лирическому я, которое ведёт вера в милость Царицы Небесной и Её Сына.

Заключение

Завершая разговор об образе осени в лирике С. М. Соловьёва 1920-х гг., можно сделать вывод, что унылые, мрачные осенние пейзажи в стихотворениях поэта своими символическими аллюзиями связаны с трагическими событиями, которые ему и всему укладу русской жизни довелось пережить. Но живительное творческое начало и вера в Бога придают его лирическому герою духовные силы и дарят надежду на светлую перспективу «оправдания добра», которое восторжествует в вечности – вопреки земной злобе политических потрясений.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024.

¹ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М. Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 67.

² Глухой // Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А-Темп, 2000. С. 133.

³ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М. Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 70.

⁴ Соловьёв С. М. Стихотворения 1917–1928 г. М. Музей-заповедник А. А. Блока, 1999. С. 70.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 56.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова А. Ю. Образ осени в русской литературе. Его роль и красота // Русский язык в политико-культурном образовательном пространстве: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых учёных с международным участием: к 30-летию кафедры русского языка, Астрахань, 18–19 ноября 2021 г. Астрахань: Нова, 2021. С. 5–9.
2. Алексеева Л. Ф. Поэзия И. А. Бунина в творческом восприятии В. А. Сумбатова: поэма «Листопад» и стихотворение «Тризна» (памяти Бунина) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 68–75.
3. Алексеева Л. Ф. Трагические сюжеты 1919 года в лирике русских поэтов [Электронный ресурс] // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 3 (28). URL: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3\(28\).2](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3(28).2) (дата обращения: 10.07.2024).
4. Глухих С. Э. Средства языкового означивания мотива осени в стихотворении И. Бунина «Листопад» // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сборник научно-методических трудов / под общ. ред. О. В. Четвериковой. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2021. С. 155–159.
5. Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 629 с.
6. Любушина С. Образ осени в русском искусстве // Вклад молодых учёных в инновационное развитие АПК России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Астрахань, 18–19 ноября 2021 г. Пенза: Нова, 2022. С. 161–164.
7. Овсянникова С. В. Книги лирики А. Ахматовой 1910-х годов в свете художественного новаторства серебряного века: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2004. 25 с.
8. Скрипкина В. А. Сергей Михайлович Соловьёв. Духовные искания. Эволюция творчества. М.: Московский государственный областной университет, 2004. 307 с.
9. Яковлев М. В. Образ Богородицы в поэзии М. А. Володина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2 (24). С. 216–221.

REFERENCES

1. Agafonova A. Yu. [The Image of Autumn in Russian Literature. Its Role and Beauty]. In: *Russkij yazyk v politikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i molodyh uchyonyh s mezhdunarodnym uchastiem: k 30-letiyu kafedry russkogo yazyka, Astrahan', 18-19 noyabrya 2021 g.* [Russian Language in the Political-Cultural Educational Space: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists with International Participation: on the 30th Anniversary of the Russian Language Department, Astrakhan, November 18–19, 2021]. Astrakhan, Nova Publ., 2021, pp. 5–9.
2. Alekseeva L. F. [Poetry of I. Bunin in the Creative Perception of V. Sumbatov: the Poem “Listopad” and the Poem “Trizna” (in Memory of Bunin)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 4, pp. 68–75.
3. Alekseeva L. F. [Tragic stories of 1919 in the lyrics of Russian poets]. In: *Uchyonye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Memoirs of NovSU], 2020, no. 3 (28). Available at: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3\(28\).2](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3(28).2) (accessed: 10.07.2024).
4. Glukhikh S. E. [Means of linguistic designation of the motif of autumn in the poem by I. Bunin “Leaf fall”]. In: *Slovo i tekst: teoriya i praktika kommunikacii: sbornik nauchno-metodicheskikh trudov* [Word and text: theory and practice of communication: collection of scientific and methodological works]. Armavir, Armavir State Pedagogical University Publ., 2021, pp. 155–159.
5. Lavrov A. V. *Russkie simvolisty: etyudy i razyskaniya* [Russian Symbolists: Sketches and Research]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2007. 629 p.
6. Lyubushina S. [The Image of Autumn in Russian Art]. In: *Vklad molodyh uchenykh v innovacionnoe razvitie APK Rossii: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Astrahan', 18-19 noyabrya 2021 g.* [The Contribution of Young Scientists to the Innovative Development of the Russian AIC: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Astrakhan, November 18–19, 2021]. Penza, Nova Publ., 2022, pp. 161–164.
7. Ovsyannikova S. V. *Knigi liriki A. Ahmatovoj 1910-h godov v svete hudozhestvennogo novatorstva serebryanogo veka: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Books of Lyrics by A. Akhmatova of the 1910s in Light of the Artistic Innovation of the Silver Age: Abstract of Cand. Philological Sciences]. Moscow, 2004. 25 p.

8. Skripkina V. A. *Sergej Mihajlovich Solov'yov. Duhovnye iskaniya. Evolyuciya tvorchestva* [Sergei Mikhailovich Solovyov. Spiritual Quests. Evolution of Creativity]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2004. 307 p.
9. Yakovlev M. V. [Image of Blessed Virgin in M. A. Voloshin's Poetry]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues], 2013, no. 6–2 (24), pp. 216–221.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорока Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, педагог, детский писатель, член Союза писателей России;
e-mail: lana_motilkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N Soroka – Cand. Sci. (Philological Sciences), Teacher, Children's Writer, Member of the Union of Writers of Russia;
e-mail: lana_motilkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сорока С. Н. Образ осени в лирике С. М. Соловьёва 1920-х годов // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 99–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-99-105

FOR CITATION

Soroka S. N. The Image of Autumn in the Lyrics of S. M. Solovyov of the 1920s. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 99–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-99-105

УДК 5.9.1.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-106-114

ШЕКСПИР В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. С. ГРИБОЕДОВА: ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Тевяшев А. А.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить основные тенденции в научной литературе о Грибоедове, связанные с установлением шекспировского влияния на творчество русского драматурга, определить наиболее продуктивные направления в анализе проблемы и перспективы её изучения.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом является историко-функциональное изучение высказываний современников Грибоедова, литературно-критических и научных работ, связанных с темой шекспиризма творчества драматурга. Путём сопоставления концептуальных принципов исследования выстраивается целостная картина усвоения в российской науке генезиса грибоедовской художественной системы, связанной с Шекспиром как новым «образцовым» автором для писателей предромантической и романтической эпохи.

Результаты. Обосновано существование в российской науке особого направления, связанного с изучением шекспиризма творчества Грибоедова; выявлены направления перспективного изучения проблемы – поиск универсальных тем и мотивов в творчестве Грибоедова, генетически связанных с шекспировскими художественными находками.

Теоретическая и/или практическая значимость. Факты интереса Грибоедова к Шекспиру и пути трансформации шекспировских мотивов в его творчестве открывают возможность построения более целостной и динамичной концепции творческого развития российского писателя.

Ключевые слова: Грибоедов, заимствование, компаративистика, романтизм, Шекспир

SHAKESPEARE IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF A.S. GRIBOEDOV: HISTORICAL-FUNCTIONAL ASPECT

A. Tevyashev

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the main trends in the academic literature about Griboyedov related to the establishment of Shakespearean influence on the work of the Russian playwright, to determine the most productive directions in the analysis of the problem and the prospects for its study.

Methodology. The key research method is the historical and functional study of the statements of Griboedov's contemporaries, literary critical and scientific works related to the theme of Shakespeareanism in the playwright's work. By comparing the conceptual principles of the study, a holistic picture of the assimilation in Russian science of the genesis of the Griboedov artistic system associated with Shakespeare as a new "exemplary" author for writers of the pre-romantic and romantic era is embedded.

Results. The existence in Russian science of a special direction related to the study of Shakespeareanism in Griboedov's work is substantiated; directions for future study of the problem have been identified, for example, the search for universal themes and motifs in Griboedov's work genetically related to Shakespeare's artistic discoveries.

Research implications. The established facts of Griboedov's interest in Shakespeare and the ways of transformation of Shakespearean motifs in his work open up the opportunity to build a more holistic and dynamic concept of the creative development of the Russian writer.

Keywords: Griboedov, borrowing, comparative studies, romanticism, Shakespeare

Введение

Осмысление закономерностей историко-литературного развития исследовательской мыслью по-своему творческий процесс, при рассмотрении которого возможно не только подойти к решению конкретной научной проблемы, но и понять закономерности восприятия – и отдельного произведения, и творчества писателя в целом – в определённую эпоху. Так, личность и творчество писателя-классика становятся отправной точкой для понимания динамики прочтений и логики интерпретаций. Каждая эпоха актуализирует в классическом наследии вполне определённые проблемы, и их понимание позволяет по-новому осмысливать саму возможность творческого диалога писателя и его позднейших интерпретаторов [2].

Личность и творчество А. С. Грибоедова с этой точки зрения составляют своеобразный парадокс русской литературы. Будучи признанным писателем-классиком, входя в своеобразный «канон» российской драматургии, писатель, с одной стороны, изучается значительно реже, чем многие его современники, с другой же – раскрывает исследователю неожиданные перспективы, обращение к которым позволит лучше понять не только историко-литературное значение самого Грибоедова, но и целый ряд значительных эстетических процессов его эпохи.

Цель данной статьи – рассмотреть обращение российских литературоведов к проблеме шекспиризма Грибоедова. Вопрос об этом, по-видимому, выходит за пределы историко-генетических сопоставлений и позволяет с разных сторон оценить специфику творческого метода Грибоедова-драматурга.

Истоки проблемы «Грибоедов и Шекспир» в литературной критике и литературоведении

Одним из первых имя Шекспира и Грибоедова поставил в печати рядом В. Г. Белинский. В своём первом отзыве о «Горе от ума» – статье «Литературные мечтания»¹ – критик восхищался «первой русскою комедиею» Грибоедова и даже, отмечая её недостатки, сетовал, что с трагичной гибелью драматурга наша литература лишилась «Шекспира комедии»².

Дальнейшие исследования проблемы в первую очередь были связаны со спецификой генетического обоснования возможных сопоставлений, что потребовало в первую очередь тщательной реконструкции историко-литературной концепции Грибоедова. Важнейшей частью этой работы оказалось восстановление сведений о его образовании и воспитании.

Известно, что Грибоедов получил отличное домашнее воспитание, с детства владел французским, немецким, английским и итальянским языками. Как мы знаем из «Летописи жизни и творчества А. С. Грибоедова», составленной Н. К. Пиксановым [6], в декабре 1803 г. Грибоедов поступил в Московский университетский благородный пансион, а 30 января 1806 г. – на словесное отделение философского факультета Императорского Московского университета. Обучение здесь и является, по мнению С. А. Фомичева³, причиной возникновения у Грибоедова интереса к Шекспиру. В стенах университета, будучи студентом,

¹ Белинский В. Г. Литературные мечтания: Элегия в прозе: (Отрывок) // А. С. Грибоедов в русской критике: сборник ст. / сост. А. М. Гордина. М.: Гослитиздат, 1958. С. 105–109.

² Там же.

³ Фомичев С. А. Шекспир У. // Фомичев С. А. Грибоедов. Энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 381–382.

он знакомится с видным педагогом, деканом факультета профессором И. Г. Буле, а также слушает лекции П. А. Сохацкого, профессора древней словесности. Первый оценивал Шекспира как «великого знатока и удачного живописца человеческого сердца» [7], а также выступал пропагандистом Шекспира и его драматического наследия среди русского дворянства. Второй восхищался умением английского драматурга воспроизводить в театре «разительные сцены, которые французские классики оборачивали в скучные повести» [7]. Как уже писала О. В. Савченко, обоим профессорам объединяло предпочтение Шекспира более популярным тогда французским драматургам-классицистам, поэтому сложившиеся у молодого Грибоедова представления о Шекспире и его творчестве впоследствии могли оказать такое сильное влияние на собственные произведения драматурга [8]. Тем не менее, стоит помнить, что линия «Грибоедов и Мольер» в вопросах изучения генезиса грибоедовских пьес также продолжает занимать исследователей [7].

По свидетельству С. Н. Бегичева, Грибоедов уже в середине 1810-х гг. «знал почти наизусть Шиллера, Гёте и Шекспира»¹, пропагандировал их творчество, и по его примеру прочёл во французском переводе «все творения этих гениальных авторов»². В 1821 г., когда Грибоедов знакомится с В. К. Кюхельбекером, он уже выступает для молодого дворянина проповедником Шекспира, его учителем в познании «романтической» эстетики английского драматурга. Да таким, что преклонение перед мудростью, силой личности Грибоедова Кюхельбекер пронёс через всю жизнь и даже создал первую понастоящему шекспировскую пьесу в русской литературе – «Шекспировы духи».

Историко-генетический аспект проблемы

В книге «Шекспир и русская культура», одном из главных трудов о русском шекспиризме, Ю. Д. Левин приводит цитату Грибоедова, записанную К. А. Полевым весной 1828 г. Полевой сетует на то, что не каждый может написать хорошую комедию: «Только Шекспир писал наверняка...» [5]. Грибоедов соглашается и описывает принцип работы английского гения: «Шекспир писал очень просто: немного думал о завязке, об интриге, и брал первый сюжет, но обрабатывал его по-своему. В этой работе он был велик. А что думать о предметах! Их тысячи, и все они хороши: только умейте пользоваться... В первый раз при мне Грибоедов рассуждал о литературных предметах, и с особенным любопытством слушал я его мысли о Шекспире. Он сказал много оригинального и блестящего: видно было, что художник говорил о величайшем из своих собратьев»³. Это воспоминание является одним из немногих зафиксированных источников, отражающих восприятие Грибоедовым Шекспира, а замечание о литературных предметах помогает пролить свет на подход к написанию им собственных сцен.

О. В. Савченко, рассуждая о литературных связях Грибоедова и Кюхельбекера, выделила несколько особенных качеств, которые оба эти писателя ценили в творчестве Шекспира: это историзм, народность, психологизм и наличие фантастических элементов [8]. Каждое качество в той или иной мере можно проиллюстрировать на материале воспоминаний современников или же собственных произведений Грибоедова.

Так, исследователь пишет о важности для Грибоедова и Кюхельбекера такого качества, как «народность». Она приводит суждение Ю. Н. Тынянова, который считает, что Грибоедов углубил и помог

¹ Бегичев С. Н. Записка об А. С. Грибоедове // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / сост. С. А. Фомичева. М.: Художественная литература, 1980. С. 3–15.

² Там же.

³ Полевой К. А. Из статьи «О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова» // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1980. С. 160–167.

собрать в единое целое такие присущие Кюхельбекеру идеи, как «патриотизм, сознание мелочности лирической поэзии, её несоответствие великим задачам, интерес к драматической поэзии» [8]. По мнению Мещерякова, Грибоедову была близка идея пророческого назначения поэта и поэзии, обращение к таким возвышенным гражданским темам, как мысль о «народности» в искусстве [8]. Шекспир «непереводим оттого, что национален»¹, – и Грибоедов соглашался, что «национальность» и «народность» – это неотъемлемые черты любого признанного мирового гения.

Однако стоит также привести эту цитату целиком. «Совестно читать Шекспира в переводе, если кто хочет вполне понимать его, потому что, как все великие поэты, он непереводим, и непереводим оттого, что национален. Вы непременно должны выучиться по-английски»². В данном контексте акцент делается уже не столько на «народность», сколько на важность знакомства с первоисточником. Грибоедов знает английский, и поэтому может понимать настоящего Шекспира, оттого и советует знакомиться с творчеством «гения» посредством оригинала, а не переводов, которые сглаживают те или иные особенности его языка. Пускай в 1824 г. Грибоедов читает отдельные места из «Ромео и Джульетты» во французском переводе актёру В. А. Каратыгину [8], он не берётся за совместный с А. А. Жандром перевод как раз по этой причине. Последний будет переводить «с дурного списка, а перекраивать Ш-ра дерзко» [8], поэтому замысел так и остаётся незавершённым. Такое свойственное романтикам отношение к «оригиналу» становится довольно расхожим: Грибоедов советует читать по-английски Полевому и Кюхельбекеру, Бестужев убеждает Пушкина³, а сама идея

важности языка закладывается в основу литературных полемика того времени.

Если говорить об интересе к «историзму», хроники Шекспира оказываются особенно важным материалом для многих русских писателей. В них они находят те способы и приёмы в изображении исторического, которые в дальнейшем используют уже в своих произведениях. Такими текстами становятся «Маленькие трагедии» и «Борис Годунов» А. С. Пушкина, не обходит вниманием их и А. С. Грибоедов в драме «1812 год». Если, говоря о Грибоедове, судить об обращении к шекспировским хроникам возможно только по черновику рукописи, то в случае Пушкина сохранились отдельные высказывания, которые приводит А. С. Горбачевская: «Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспир подражал я в его вольном и широком изображении характеров», «В Дмитрие много общего с Генрихом IV. Подобно ему он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему равнодушен к религии – оба они из политических соображений отрекаются от своей веры, оба любят удовольствие и войну, оба увлекаются несбыточными замыслами, оба являются жертвами заговоров...» [3].

О шекспировской фантастике у Грибоедова писал уже Ю. Д. Левин. Её отголоски слышны в дошедшей до нас отрывочно трагедии «Грузинская ночь», в сцене появления али, существ грузинской мифологии. Эту сцену учёный возводит к сцене появления ведьм в «Макбете» [5]. Грибоедов не только хорошо знал эту пьесу, но даже принимал участие в переводе П. А. Корсаковым. Однако есть у али в «Грузинской ночи» что-то и от злых духов, которых заклинает Жанна д'Арк в «Генрихе IV». Тем более, немного ранее в драме «1812 год» Грибоедов обращается к фантастике, широко представленной в исторических драмах Шекспира. В одной из первых сцен в Архангельском соборе Кремля грозно пророчествуют о «године искупления» «тени давно усopших испо-

¹ Полевой К. А. Из статьи «О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова» // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1980. С. 160–167.

² Там же.

³ Бестужев А. А. Письма А. С. Пушкину. 9 марта 1825 г. // Декабристы: Эстетика и критика: сборник / сост. и примеч. Л. Г. Фризмана. М.: Искусство, 1991.

линов» – монархов [5]. Также о знакомстве с историческими драмами Шекспира косвенно говорит прозвище «Калибан Венедиктович», так Грибоедов назвал своего друга Ф. В. Булгарина в одном письме от 21 марта 1826 года [8]. Возвращаясь к беседе Грибоедова с К. А. Полевым, можно выяснить, что драматург также «особенно хвалил Шекспирову "Бурю" и находил в ней красоты первоклассные»¹. Отголоски этой шекспировской пьесы учёные находят в мрачном морском пейзаже и магических элементах «Юности вещего». Принимая во внимание, что интерес к фантастическому был характерен для русского романтизма того времени, а различные «чудеса» принимались читателями во всём их многообразии (примеры Жуковского, Одоевского и других), шекспировская фантастика Грибоедова, а затем и Кюхельбекера, гармонично вписывается в общий литературный процесс.

В заключении сам А. С. Грибоедов выделил важный элемент своего творческого метода в обращении не только к специфическим национальным, но и общечеловеческим проблемам. В письме к Павлу Катенину 14 февраля 1825 г. он признавался: «...я коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты, и только портреты, входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратьев. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдёшь. Вот моя поэтика...»². Таким образом, обращаясь к творчеству Шекспира, драматург находит универсальные темы и мотивы, которые помогают ему создавать живых героев эпохи в необходимых для этого обстоятельствах и ситуациях. Далее предлагаем поговорить о

таких параллелях в главном произведении Грибоедова – комедии «Горе от ума».

Проблема «Чацкий и Гамлет»

в отечественном литературоведении

Параллель Чацкий – Гамлет обстоятельно рассмотрена Ю. Ф. Флоринской [10], но никто до этого не писал о шекспировских прототипах других персонажей «Горя от ума». К примеру, о связи между Павлом Афанасьевичем Фамусовым и Полонием, персонажем трагедии «Гамлет», хлебосольным московским барином и подлым и угодливым датским царедворцем. Прежде всего, персонажей связывает реализация функций маски обманутого отца. Они оба в одиночку растят взрослую дочь, которая готовится на выданье, а брак собираются использовать для укрепления своего положения. Когда на горизонте появляются женихи, оба – возвышенные персонажи-мыслители, в дело вступает мотив соглядатайства, когда отцы подглядывают и подслушивают за своими детьми. В результате это приводит к смерти как отцов, так и дочерей: Полония и Офелии к физической, а Фамусова и Софьи – к смерти в лице общества и потере драгоценной репутации – «Ах! Боже мой! что станет говорить / Княгиня Марья Алексевна!»³ Также героев сближает низкопоклонство и кумовство. Помимо сходства двух отцов, мотив противостояния возвышенного героя-мыслителя и отца его возлюбленной становится ещё одной возможной шекспировской параллелью в комедии Грибоедова.

Есть нечто похожее и между шекспировским Озриком, и грибоедовскими Молчалиным и Репетиловым. С одной стороны, это зависимость придворного от мнения господ: данная черта сближает Молчалина с шекспировским Озриком в знаменитом диалоге о шляпе⁴. В дополне-

¹ Полевой К. А. Из статьи «О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова» // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1980. С. 160–167.

² Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. СПб.: Нотабене, 2006. 697 с.

³ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. СПб.: Нотабене, 1995. 352 с.

⁴ Тевяшев А. А. К проблеме шекспировского текста в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // XXVII Шекспировские чтения: сборник аннотаций докладов. М.: Московский гуманитарный университет, 2018. С. 85.

ние, оба героя носят говорящую фамилию. С другой стороны, важной оказывается утрата героями своей самостоятельности и ретрансляция чужих слов. Не повторяя буквально шекспировский прототип, Репетилов Грибоедова продолжает традиции как западноевропейского, так и русского театра. Грибоедов в «Горе от ума» и Шекспир в «Гамлете» используют таких героев, как Репетилов и Озрик, для того, чтобы ввести в пьесу «вечный» образ болтуна, который помогает раскрывать характеры своих центральных персонажей¹.

Стоит отметить, что оба автора делают предмет интерьера значимым для сюжета. Ковёр Шекспира легко проколоть мечом, чтобы поразить прячущегося за ним Полония, из-за колонн Грибоедова легко выскочить прячущемуся Чацкому. Оба героя подслушивали чужой приватный разговор, Чацкий – для того, чтобы узнать настоящие чувства Софьи, Полоний – истинную природу странного поведения Гамлета и донести Клавдию. Конечно, мотив подслушивания в драме восходит ещё к временам Менандра, поэтому предельно ясно, что здесь и Грибоедов, и сам Шекспир просто обращались к общему европейскому драматическому наследию, обогатили свои пьесы этим интересным сюжетным мотивом. Однако важно обратить здесь внимание на место интерьера: и Шекспир и Грибоедов специально указывают на конкретный предмет в доме, обозначают его особое место. Занимательно, как используют мотив оба автора, и ковер и колонна являются хорошим укрытием, прекрасно вписываются в антураж эпохи.

Основное, что отмечают у Шекспира литераторы XVIII – начала XIX вв., что возмущает деятелей классицизма и восхищает романтиков – смешение трагического и комического, серьёзного и фарсового, разнообразная тональность произведений английского драматурга. Самый яркий

пример – сцена на кладбище в «Гамлете». Вольтер в «Философских письмах» отмечает: «...в “Гамлете” могильщики роют могилу и при этом пьют вино, поют водевильные песенки и отпускают по поводу отрытой им мёртвой головы шуточки, достойные людей их профессии; но вы будете поражены, если узнаете, что эти нелепости вызвали подражания в царствование Карла Второго, отличившееся отменной учтивостью и бывшее золотым веком изящных искусств»². В данном эпизоде могильщики с их разговорами противопоставлены диалогу Гамлета и Гораццо, а после и возвышенному трагизму, когда Гамлет узнает о смерти Офелии.

Некоторые отголоски подобной игры со словом у Грибоедова в «Горе от ума» можно заметить как в отдельных монологах героев, так и в скрепляемых им явлениях. Так, во втором действии Фамусов вспоминает, что «в четверг зван на погребенье», и начинает рассуждать о смерти, а заканчивает тем, что должен крестить ещё не рождённого ребёнка³. Известнейший монолог «А судьи кто?» соседствует с одной стороны с диалогом Фамусова и Скалозуба, а с другой – с падением Молчалина с лошади. В дополнение к этому обращает на себя внимание и такое средство, как запоминающаяся манера речи героев. Если могильщики Шекспира знамениты своими «чёрными» шутками, то комментарии полковника Скалозуба наполнены тугим армейским юмором, вершиной которого оказывается рассказанный им анекдот. Так, носителями комического в Гамлете оказываются третьестепенные персонажи: могильщики, придворный франт Озрик, второй дворянин. У Грибоедова эта роль, наоборот, достаётся самому цвету дворянства, с его нелепой модой, воинствующим консерватизмом и деревянными вояками, ограниченными своими узкими и невысокими

¹ Тевяшев А. А. К проблеме шекспировского текста в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // XXVII Шекспировские чтения: сборник аннотаций докладов. М.: Московский гуманитарный университет, 2018. С. 85.

² Вольтер Ф. М. А. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря». М.: Пушкинская библиотека, АСТ, 2011. 752 с.

³ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. СПб.: Нотабене, 1995. 352 с.

целями. Об этом приёме языковой ма-ски у Грибоедова пишет Д. А. Авинников, указывая на использование военных терминов для обозначения обычных вещей, благодаря чему и создаётся комический эффект [1]. Такое сплетение в «Горе от ума» серьёзного и комического, возвышенного и повседневного с низменным помогает Грибоедову создать впечатление подлинности действия, придаёт жизненности и яркости образам.

Типологически однородным видится обращение писателей к «чужому слову» для создания краткого афористичного высказывания. Так, Шекспир трансформирует фразу К. Марло “Goes to discover countries yet unknown”, а Грибоедов использует в своей комедии известную строку из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» – «И дым Отечества нам сладок и приятен» [9]. Социокультурным следствием языковой установки обоих драматургов на создание таких высказываний стало превращение выражений из «Гамлета» и «Горе от ума» в прецедентные тексты в масштабах национального языка и (в случае Шекспира) мировой литературы. Не случайно Грибоедов писал А. А. Бестужеву: «О стихах я не говорю, половина – должны войти в пословицу»¹.

Заключение

Обращаясь к осмыслению шекспировского контекста творчества Грибоедова, отечественная исследовательская мысль получила возможность видеть различные аспекты художественной эволюции российского драматурга. Шекспировские аллюзии, реминисценции и приёмы в творчестве русских писателей не раз становились предметом исследования оте-

чественных учёных. Это не удивительно, ведь именно в 20-е гг. XIX в. во всю силу заговорил русский романтизм, а произведения Шекспира послужили плодотворной почвой для поэтов и писателей этого периода. Исследователи пишут о влиянии английского гения на творчество А. С. Грибоедова. Подробнее всего исследован вопрос об ориентации поэтики «Горя от ума» на разрыв с классическими нормами, в чём исследователи справедливо видят отражение шекспировской драматической манеры. Учёные также неоднократно проводили параллели между главными героями наиболее известных произведений обоих драматургов, видели сходство Гамлета и Чацкого. В зависимости от ориентации на историко-генетический или сравнительно-типологический подход оказывалось возможно преодолеть представление о Грибоедове – драматурге, ориентированном лишь на социально-политическую сатиру (в классицистическом или реалистическом её воплощении) и более последовательно изучать вопрос о романтизации творчества писателя. Шекспиризм как историко-литературный феномен в России рубежа XVIII–XIX вв., немало способствовал становлению предромантической, а затем и романтической картины мира [4]. Устанавливая факты интереса Грибоедова к Шекспиру и пути трансформации шекспировских мотивов в его творчестве, исследователи открывали возможность построения более целостной и динамичной концепции творческого развития российского писателя, что и можно считать перспективой его осмысления в будущем.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авинников Д. А. Военная лексика в творчестве А. С. Грибоедова // Лексикология русского языка и стилистика художественного текста: сборник материалов Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов, преподавателей, посвящённой 100-летию со дня рождения профессора А. Н. Кожина и 90-летию со дня рождения профессора М. Ф. Тузовой, Москва, 26 сентября 2019 г. / отв. ред. Н. Б. Самсонов. М.: Московский государственный областной университет, 2019. С. 47–50.

¹ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. СПб.: Нотабене, 2006. 697 с.

2. Алпатова Т. А., Киселева И. А. Человек – идеал – общество: проблемы аксиологии литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 136–141.
3. Горбачевская А. С. Шекспировские отголоски в творчестве А. С. Пушкина // Шекспир вчера и сегодня: культурологические, педагогические и иные аспекты творческого наследия Великого классика: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и магистрантов, Липецк, 26 апреля 2023 г. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. С. 38–42.
4. Евдокимов А. А. У Шекспир в зеркале русской классики. М.: Эдитус, 2019. 156 с.
5. Левин Ю. Д. Пушкинская эпоха // Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1965. С. 129–214.
6. Пиксанов Н. К. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова, 1791–1829 / отв. ред. А. Л. Гришунин. М.: Наследие, 2000. С. 8–149.
7. Рыжаченков И. И. Сравнительный анализ «Мизантропа» Ж.-Б. Мольера и «Горя от ума» А. С. Грибоедова: идейно-художественное своеобразие конфликта // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инновационный потенциал развития: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Уфа, 18 октября 2019 г. Ч. 2. Уфа: Вестник науки, 2019. С. 122–130.
8. Савченко О. В. Грибоедов и Шекспир: из истории изучения Шекспира в России начала XIX века // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 6. С. 60–67.
9. Тевяшев А. А. «Чужое слово» и крылатые выражения в творчестве А. С. Грибоедова и У. Шекспира // Шекспир на все времена: 400 лет Первому фолио Шекспира: материалы международной научной конференции, Москва, 9–10 ноября 2023 г. М.: Московский гуманитарный университет, 2023. С. 25–27.
10. Флоринская Ю. Ф. Чацкий и Гамлет // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л.: Наука, 1977. С. 28–45.

REFERENCES

1. Avinnikov D. A. [Military vocabulary in the works of A. S. Griboyedov]. In: *Leksikologiya russkogo yazyka i stilistika hudozhestvennogo teksta: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov, преподаvatelej, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. N. Kozhina i 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. F. Tuzovoj*, Moskva, 26 sentyabrya 2019 g. [Lexicology of the Russian language and stylistics of the literary text: collection of materials of the All-Russian scientific conference of students, graduate students, professors dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor A. N. Kozhin and the 90th anniversary of the birth of Professor M. F. Tuzova, Moscow, September 26, 2019]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019, pp. 47–50.
2. Alpatova T. A., Kiseleva I. A. [Man – Ideal – Society: Problems of Axiology of Literature]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2010, no. 2, pp. 136–141.
3. Gorbachevskaya A. S. [Shakespeare's echoes in A. S. Pushkin]. In: *Shekspir vchera i segodnya: kul'turologicheskie, pedagogicheskie i inye aspekty tvorcheskogo naslediya Velikogo klassika: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i magistrantov, Lipeck, 26 aprelya 2023 g.* [Shakespeare yesterday and today: cultural, pedagogical and other aspects of the creative heritage of the Great classic: materials of the All-Russian scientific and practical conference of students and postgraduates, Lipetsk, April 26, 2023]. Voronezh, NAUKA-YUNIPRESS Publ., 2023, pp. 38–42.
4. Evdokimov A. A. U. *Shekspir v zerkale russkoj klassiki* [W. Shakespeare in the mirrors of Russian classics]. Moscow, Editus Publ., 2019. 156 p.
5. Levin Yu. D. [Pushkin era]. In: *Shekspir i russkaya kul'tura* [Shakespeare and Russian culture]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 129–214.
6. Piksano N. K. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Griboedova, 1791–1829* [Chronicle of the life and work of A. S. Griboyedov, 1791–1829]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, pp. 8–149.
7. Ryzhachenkov I. I. [Comparative analysis of “The Misanthrope” by J.-B. Moliere and “Woe from Wit” by A. S. Griboyedov: ideological and artistic originality of the conflict]. In: *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: innovacionnyj potencial razvitiya: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 18 oktyabrya 2019 g. Ch. 2* [Fundamental and applied scientific research: innovative development potential: collection of articles based on the materials of the

- international scientific and practical conference, Ufa, October 18, 2019. Pt. 2]. Ufa, Vestnik nauki Publ., 2019, pp. 122–130.
8. Savchenko O. V. [Griboedov and Shakespeare: from the history of Shakespearian influence in Russia at the beginning of XIX century]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2015, no. 6, pp. 60–67.
 9. Tevyashev A. A. ["Someone else's word" and catchphrases in the works of A. S. Griboyedov and W. Shakespeare]. In: *Shekspir na vse vremena: 400 let Pervomu folio Spekspira: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 9–10 noyabrya 2023 g.* [Shakespeare for all times: 400 years of Shakespeare's First Folio: materials of the international scientific conference, Moscow, November 9–10, 2023]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2023, pp. 25–27.
 10. Florinskaya Yu. F. [Chatsky and Hamlet]. In: *A. S. Griboedov. Tvorchestvo. Biografiya. Tradicii* [A. S. Griboyedov. Creativity. Biography. Traditions]. Leningrad: Nauka Publ., 1977, pp. 28–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тевяшев Артём Андреевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: at97work@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem A. Tevyashev – Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: at97work@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тевяшев А. А. Шекспир в творческом сознании А. С. Грибоедова: историко-функциональный аспект // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 106–114.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-106-114

FOR CITATION

Tevyashev A. A. Shakespeare In the Creative Consciousness of A. S. Griboedov: Historical-Functional Aspect. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 106–114.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-106-114

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-115-125

СВОЕОБРАЗИЕ ХУТОРСКОГО ХРОНОТОПА В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»

Чжан Цзясинь*Уханьский университет**430072, г. Ухань, ул. Баи, д. 299, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Выявление пространственно-временной характеристики и символического значения хуторского хронотопа в романе Г. Яхиной «Дети мои», а также рассмотрение роли и влияния закрытого хронотопа в создании и раскрытии образов героев романа. Автор статьи сделал попытку раскрыть глубинный смысл романа и указать на связь его хронотопа с усадебным хронотопом в классической русской литературе.

Процедура и методы. В работе рассматривается хуторской хронотоп в романе «Дети мои» на основе теории хронотопа Бахтина. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Проведённый анализ показал, что, наследуя способы выражения усадебного описания в русской литературе, Г. Яхина даёт уникальное изображение хутора в своём романе. Для героев романа хуторской хронотоп – это не только духовный дом, но и одинокий остров, который ограничивает их возможности познания, делая их невежественными. Он также является священным местом для возрождения души Баха. Используя хуторный хронотоп в качестве основной опоры, роман рассказывает о судьбах «маленьких людей» в «большой истории», показывает их горе, радость и гнев, отражает искреннюю заботу и сострадание писателя к маленьким людям.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволит лучше понять роман «Дети мои», а также углубит представление о хуторском и усадебном хронотопе в русской литературе.

Ключевые слова: Гузель Яхина, «Дети мои», классическая русская литература, маленький человек, усадебный хронотоп, хуторской хронотоп

THE FARMSTEAD CHRONOTOPE IN G. YAKHINA'S “CHILDREN OF THE VOLGA”

Zhang Jiaxin*Wuhan University**ul. Bayi 299, Wuhan 430072, People's Republic of China*

Abstract

Aim. To clarify the temporal and spatial characteristics and symbolic meaning of the farmstead chronotope in G. Yakhina's novel “Children of the Volga”, as well as to indicate of the role and influence of the farmstead chronotope in creating and revealing the images of the novel's characters. The article attempts at revealing the deep meaning of the novel and, at the same time, pointing out the connection between the farmstead chronotope and the manor chronotope in traditional Russian literature.

Methodology. This article researches the farmstead chronotope in the novel “Children of the Volga” on the basis of Bakhtin's chronotope theory. The methods of observation, generalisation and interpretation of the results were applied in the research.

Results. The analysis revealed that, while inheriting the writing of manor descriptions in Russian literature, G. Yakhina uniquely depicted farmsteads in her novel. For the protagonists of the novel, the farmstead chronotope is not only a spiritual home, but also an island that limits their cognition and makes them obscure. It is also a sacred place for the rebirth of Bach's soul. Being mainly based on the farmstead chronotope, the novel tells about the fate of the "small people" in the "big history", showing their sorrow, joy and anger, and also reflects the writer's genuine care and compassion for the small people.

Research implications. The research allows a better understanding of the novel "Children of the Volga" and will deepen the understanding of the farmstead and the manor chronotopes in Russian literature.

Keywords: Guzel Yakhina, "Children of the Volga", classical Russian literature, little man, estate chronotope, farmstead chronotope

Введение

В 2018 г. вышел второй роман русской писательницы Гузели Яхиной «Дети мои». После успеха её дебютного романа «Зулейха открывает глаза» читатели стали ожидать от Яхиной новых художественных открытий. К счастью, «Дети мои» не разочаровал читателей. В романе ещё раз использована проблема «маленький человек» в «большой истории», показана трудная жизнь простых людей в эпоху резких исторических перемен. В некотором смысле он наследует эмоциональность первого произведения. В то же время Яхина за роман «Дети мои» была удостоена престижных российских литературных премий, в том числе и премии «Большая книга». В предисловии к роману Елена Костюкович отметила: «Второй роман оказался выдержанной проверкой. Ещё ярче, увлекательнее и честнее первого. Обычно случается наоборот. Яхина снова удивила нас»¹. В 2020 г. китайский перевод романа «Дети мои», автором которого является Чэнь Фан, попал в руки китайского читателя. Чэнь Фан, которая, как и Яхина, является матерью, блестяще передала стиль и колорит оригинального произведения, за что была удостоена литературной премии имени Лу Синя² 2022 г.

Хутор Гримм – уникальный и важный ориентир в романе не только потому, что подавляющая часть романа посвящена описанию опыта жизни главных героев на хуторе, но и потому, что хуторской хронотоп не зависит от реального хронотопа, он имеет сильную магическую окраску и своеобразные особенности. Если сказать точнее, замкнутое пространство и независимое время хуторского хронотопа делает главных героев романа почти свободными от внешнего мира в этих границах, так, что они могут спокойно и счастливо жить в беспокойное время, но длительная изолированная жизнь приводит к тому, что главный герой Бах действительно теряет связь с внешним миром и становится невежественным, а хутор постепенно превращается в оковы, сдерживающие развитие детей. По мере того, как время и пространство хуторского хронотопа пришли в соответствие с реальным хронотопом, дети получили возможность выйти в широкий мир, а Бах возродился. Построение сюжета, изображение персонажей, тематическое выражение и представление художественных особенностей романа неотделимы от хуторского хронотопа, поэтому необходимость его анализа очевидна. Опираясь на теорию хронотопа советского литературоведа М. Бахтина, мы берём в качестве отправной точки хуторской хронотоп романа и пытаемся прояснить его роль и влияние на героев, анализируя пространственно-временные характеристики и символическое значение хутора, а затем раскроем глубинный смысл романа, опираясь на полученные результаты.

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 6.

² Литературная премия имени Лу Синя учреждена в честь выдающегося деятеля китайского движения за новую культуру в 1986 году. Она является одной из самых престижных литературных премий в Китае.

Хуторской хронотоп и усадебный хронотоп в классической русской литературе

В русской классической литературе не так много произведений, конкретно описывающих хутора, наиболее яркими примерами являются «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя и «Тихий Дон» М. Шолохова. Хотя основной темой данной статьи является хутор, роль, которую он играет, легко может напомнить нам о русских усадьбах. Значение хутора для людей, которые в нём живут, позволяет связать его с усадьбой, хотя он и не так изыскан. Более того, Г. Яхина в романе также называла хутор Гримма «усадьбой», что ещё больше усиливало некоторое сходство и связи между ними: «Перед отъездом отец поручил хутор заботам одного саратовского делеги, который обязался навещать **усадьбу** и содержать в порядке до тех пор, пока Гримм не обустроится в Германии, а после – продать, со всей обстановкой, хозяйственным инструментом и прочим имуществом»¹.

Усадьба – классический объект изображения в русской литературе. На протяжении всей истории русской литературы, начиная с Д. Фонвизина, Г. Державина, Н. Карамзина (XVIII в.) до А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого и других писателей Золотого века, а затем Д. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Толстого и других звёзд Серебряного века, бесчисленное множество писателей было очаровано особым миром старинной русской усадьбы, в котором остро ощущали собственные исторические корни. Развёрнутое во времени и многогранное изображение усадьбы сделало её важным мотивом в русской литературе. Изменения в развитии усадьбы отражают эволюцию российского общества, поэтому на разных этапах своего развития усадьба имеет разные символические значения. Изображение усадеб в произведениях русских писателей составляет уни-

кальный усадебный хронотоп в русской литературе.

Что касается времени возникновения усадеб в России, то некоторые исследователи считают, что это было в XVI в. После того, как Русь освободилась от ордынского ига и объединила территории вокруг Москвы, в процессе создания русского централизованного государства развивалась поместная система «как особая массовая форма землевладения, противостоящая привилегированным княжеским, боярским и прочим вотчинам» [8, с. 51]. Однако само понятие «усадьба» появилось позже. В XVI и XVII веках оно называлось «усадище» или «усад». По словарю В. Даля это «господский двор на селе, со всеми строениями, садом и огородом»². Лишь позднее она превратилась в известную нам «усадьбу» XVII–XVIII вв. Русская усадьба XVII в. стала находить отражение в литературных произведениях. Так, например, образ усадьбы конца XVII в. присутствует в романе Д. Мережковского «Антихрист. Пётр и Алексей» и в романе А. Толстого «Пётр Первый».

Своё начало русская литература об усадьбах берёт в конце XVIII в. В результате реформ Петра I произошёл религиозно-нравственный и культурно-психологический разрыв между широкими слоями населения России и образованными классами. Долгое время аристократия доминировала над образованным классом. В 1762 г. Пётр III издал манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», в котором объявил, что дворяне больше не обязаны служить государству. В результате образованные дворяне, имевшие право наследовать и землю, и крепостных, вернулись в свои владения и стали строить дома по своему вкусу. Так возникла усадьба. Дворяне создавали в своих усадьбах особую культуру. Эта культура представляет собой «художественный перекрёсток» [3, с. 25], здесь переплетаются и обогащают-

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 89.

² Усадище // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. С. 510.

ся черты традиционного западноевропейского и русского искусства. Усадебный хронотоп в русской литературе конца XVIII в. отражает тесную связь человека с природой, а также глубокую привязанность человека к земле. Жизнь усадьбы всегда совпадала с временным ритмом природы, а сама усадьба символизировала «гнездо дворянства, духовный дом человека» и бесконечно прекрасный «рай на земле» [11, с. 147]. В таких произведениях, как стихотворение Г. Державина «Похвала сельской жизни» и повесть Н. Карамзина «Деревня», воплощено это символическое значение усадьбы.

В первой половине XIX в. с наступлением Золотого века русской литературы усадебная проза расцвела, и всё больше писателей стали писать в своих произведениях о дворянских гнёздах. Примерами могут служить «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Мёртвые души» Н. Гоголя, «Записки охотника» И. Тургенева и т. д. Изменения в социальной среде также найдут своё отражение в мире усадьбы. В этот период, когда обострились социальные конфликты и люди были в замешательстве относительно дальнейшего жизненного пути, усадьба стала прибежищем для духа людей и успокоила их души. Однако в связи с ростом буржуазии усадьба как представитель традиционной культуры неизбежно начала разрушаться. Во второй половине XIX в. русская интеллигенция начала искать выход из трудного положения для народа, и в русской литературе появился ряд прогрессивных деятелей, которые искали новые пути, стремились покинуть усадьбу и открыть новую жизнь. К произведениям, изображающим таких героев, относятся романы И. Тургенева «Рудин», «Отцы и дети», Л. Толстого «Анна Каренина», «Война и мир» и др.

Рубеж XIX и XX вв. стал для России временем больших интеллектуальных потрясений и социальных перемен. В этот период резко изменилось мышление людей, рушились традиционные ценности и нравственные идеалы, усадьбы претерпели сильные изменения и перестали быть

духовным домом для людей. В таких произведениях, как «Вишнёвый сад» А. Чехова и «Деревня» И. Бунина, показан упадок усадьбы. В 1910–1920-е гг. под давлением социально-исторических катастроф большое количество российских усадеб было преобразовано в музеи, сельскохозяйственные кооперации, санатории, художественные коммуны и т. д. Целый ряд дворянских гнёзд был уничтожен восставшим народом. В этот период в русской литературе появился «усадебный миф», а на фоне «усадебного текста» классической русской литературы возник связанный с ним новый мифологический образ – город-сад первых десятилетий XX в., отразивший утопический идеал создания прекрасного пространства. Город-сад в советской поэзии 1920-х гг. – это «эмблема и символ будущего», и «в поэтических рефлексиях образа “сада” преломлялись социально-утопические концепции революционного времени» [6, с. 23].

В 1920–1930-е гг. распространение усадебного мифа в русской культуре было насильственно прервано из-за тотальной социально-космополитической мифологии, характерной для советского периода русской истории. В связи с резкими катастрофическими изменениями в стране русская усадьба перестала существовать как культурный код, но сохранила потенциал для развития.

После распада Советского Союза усадебная тема вновь возникла в связи с потребностью в национальной самоидентификации, а также потому, что мифическая окраска, присущая русской усадьбе, имела ещё много нераскрытых возможностей. Поэтому «с ослаблением, а затем и полным снятием идеологических преград на рубеже 1980–1990-х гг. все недоконченные, ушедшие под землю течения и тенденции Серебряного века стали выходить на поверхность, вспоминаться и переосмысляться в новых условиях. Важнейшей среди них оказалась реанимация усадебного неомифа» [2, с. 214]. Многие современные писатели стремятся развить этот, казалось бы, навсегда ушедший в прошлое

миф. Например, В. Сорокин, М. Шишкин, В. Пелевин, П. Крусанов и др. В определённой степени это связано с некоторыми особенностями российского постмодернизма. Одной из основных черт постмодернизма является деконструкция. На рубеже XX и XXI вв. русские писатели-постмодернисты деконструировали традиционные усадьбы с помощью ряда постмодернистских приёмов, таких как интертекстуальность, гипергротеск, иронический модус, пастиш, пародия, шизоанализ и т. д.

Значение литературы заключается в её конструировании, а бесконечная деконструкция, в итоге, несовместима с духовными потребностями народа, поэтому постмодернистская литература неизбежно придёт в упадок. В России всегда существовала группа писателей, придерживавшихся классической традиции в русской литературе, которые в своих произведениях проявляли неравнодушие к отечественной истории и социальной действительности, а также заботу и сострадание к людям. Среди них было много писателей, уделявших внимание усадьбе, в их числе и Г. Яхина. В её романе «Дети мои» уединённый хутор наследует миф о традиционной русской усадьбе, которая является духовным домом для людей, но также неизбежно имеет и свою негативную сторону. Стоит отметить, что роман Г. Яхиной представляет собой смешение реалистического и сюрреалистического стилей, что делает хуторской хронотоп в её романе и реалистическим, и магическим [5; 7].

Замкнутый хронотоп – духовный дом и одинокий остров

Анализ хронотопа начинается с его временных и пространственных характеристик. «В литературе ведущим началом в хронотопе является время» [1, с. 342], поэтому анализ временных характеристик предшествует анализу пространственных. В романе «Дети мои» хутор Grimm – волшебное место, и этот «загадочный хутор в действительности является “заколдованным местом”, в котором действуют

свои, совершенно иные законы бытия, пространства и времени» [4, с. 98]. В романе неоднократно упоминается время хуторского хронотопа. Когда Бах впервые покидает хутор Grimm, он обнаруживает, что его часы стоят. Этот мистический эпизод показывает, что на хуторе Grimm не действуют законы отсчёта времени, принятые во внешнем мире. «Жизнь на хуторе текла уединённая. Каждый отъезд и возвращение хозяина становился событием, от которого вёлся дальнейший отсчёт времени»¹. Кроме того, вместо поминутного отсчёта времени на хуторе полагаются на природные явления – росы, звёзды, луну и т. д. Время на хуторе идёт по-другому, и воспринимать его становится очень сложно. Ещё одной отличительной особенностью хуторского хронотопа является то, что время как бы замирает. В отличие от колонии Гнаденталь, хутор Grimm остаётся неизменным. Время здесь циклично, жизнь главного героя продолжается и продолжается, и в этом отношении хуторской хронотоп вполне совместим с идиллическим хронотопом. «Содержание жизни, выраженное в идиллии, ограничивается основными фактами жизни, такими как рождение, смерть, труд, а жизнь людей объединяется с ритмами природы» [12, с. 38]. Этот цикл создавал впечатление, что ничего не изменилось, и время как бы замерло. И в романе Г. Яхиной Бах, прожив семь лет в усадьбе, не помнил, сколько времени прошло до того момента, как он вернулся в Гнаденталь.

Хотя в литературе время является доминантой хронотопа, но, в конечном счёте, время неотделимо от пространства, оно должно быть представлено в нём. Поэтому без анализа пространственных характеристик хронотопа также не обойтись. На протяжении всего романа хутор Grimm почти отрезан от внешнего мира. За долгий период, прошедший с момента первого появления усадьбы в романе в 1918 г. до её превращения в «детский дом имени Третьего Интернационала», эта таинствен-

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 58.

ная территория имела всего три контакта с внешним миром. Замкнутость – доминирующий тон хуторского хронотопа. На самом деле, хуторской хронотоп кажется нереальным почти от начала и до конца романа, и большую часть времени хутор изолирован, как будто существует в отдельном фантастическом мире. Эта особенность хутора проявилась ещё во время первого приезда Баха сюда, где жители почти ничего не знали о внешнем мире: «об астрономии на хуторе Гримм и не слыхивали. Как, впрочем, и о Гёте с Шиллером»¹. Клара не выходила за ворота хутора с самого рождения, а нянька Тильда давно забыла, когда последний раз покидала хутор. После того как Бах и Клара, пережившие перемены в Гнадентале, стали владельцами хутора Гримм и начали здесь новую жизнь, хутор стал закрытым и изолированным, а катастрофы внешнего мира, кажется, не имели к ним никакого отношения.

За двадцать лет жизни Баха на хуторе Гримм (1918–1938 гг.) этот замкнутый мир имел всего три контакта с внешним пространством. Первый – в 1923 г., когда Клара была трагически изнасилована несколькими незваными гостями; второй – в 1929 г., когда на хутор пришёл Васька; и третий – в 1934 г., когда в окрестностях хутора появился государственный работник по борьбе с безграмотностью и увёз Анче и Ваську. Все эти три события значительно продвигают сюжет вперёд. За исключением этих трёх событий хутор был оставлен в покое, чтобы защитить живущих в нём людей.

Независимое, статичное, циклическое время и замкнутое пространство хуторского хронотопа перекликаются друг с другом в органичном единстве. Циклическое время требует замкнутого пространства, а замкнутое пространство в определённой степени определяет этот временной характер, и, таким образом, формируется хронотоп, отделяющий мир хутора от реального мира. Хуторской хронотоп представляет собой гармоничное единство между чело-

веком и природой, аналогичное идиллическому хронотопу. Важнейшей особенностью идиллического хронотопа является то, что «замкнутость и единство пространства, и именно высокая степень пространственного единства, размывает или даже отменяет историческую темпоральность» [10, с. 110]. Время идиллического хронотопа не является реальным временем, оно существует в идеальной утопии, и хутор Гримм является такой утопией.

Важно отметить, что хронотоп – это не просто абстрактное сочетание времени и пространства, «все абстрактные элементы романа – философские и социальные обобщения, идеи, анализы причин и следствий, и т. п. – тяготеют к хронотопу, и через него наполняются плотью и кровью, приобщаются художественной образности» [1, с. 496]. Это означает, что хронотоп содержит идеологические коннотации произведения, которые представлены через художественные образы. Поэтому при анализе хронотопа следует ориентироваться на художественные образы романа и извлекать из них глубинный смысл произведения.

Пространственно-временные характеристики хуторского хронотопа в романе позволяют обитателям хутора вести идиллическую пасторальную жизнь вдали от мира, что делает их отношения более прочными и надёжными. Жители хутора образуют единое целое, сообщество противостоящее внешнему миру. Хотя Бах и Клару не принимают в Гнадентале, но их ждёт хутор, он становится их домом, что резко контрастирует с деревней. Их жизнь в изолированном хуторе была очень счастливой: «Дом, отогреваемый комната за комнатой, олицетворяет сердце Баха, которое от любви становится добрее, мягче и ранимее» [1, с. 35]. Бах приобрёл множество навыков, и они с Кларой смогли стать самостоятельными благодаря труду. Бах глубоко любил Клару и верил, что сумеет защитить её от опасности. Узнав о смерти Клары, Бах решил навсегда остаться в ледяном подвале со своей любимой Кларой. Впоследствии Анче, ставшая продолжением жизни Клары, становится для Баха ещё одной ду-

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 54.

ховной опорой. Жизнь Баха и Анче на хуторе занимает большую часть романа, и эта часть является наиболее захватывающей и трогательной. Тонким и ярким пером писатель показывает переживания, страх, усталость, боль, радость и горе, которые испытывал Бах в процессе взросления Анче, создавая яркий и насыщенный образ великого отца. Бах заботился об Анче с самого её рождения, и вскоре маленькая Анча стала контролировать жизнь Баха, а Бах с радостью подчинился этому контролю. Весь смысл жизни Баха заключался в Анче, и сказки он писал только для Анче, чтобы создать для неё прекрасный мир. Бах прикипел душой к Анче, о чём Васья узнал благодаря своему обострённому чутью: «Девчонка была чем-то большим – ключом к стариковскому сердцу или даже каким-то куском его»¹. Присутствие Анче приносит Баху огромное счастье. В. Розин утверждает, что любовь Баха к Кларе и своим детям «относится к лучшим страницам русской литературы; иной раз трудно удерживать слёзы и захватывает дыхание от красоты. И как точно и психологически верно описывает автор действия и переживания героев романа» [7, с. 82]. Видно, что хутор Гримм несёт в себе любовь главных героев, является для них гаванью сердец и духовным домом.

Однако хуторской хронотоп имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Изоляция заставляет героев постепенно закрыться от мира. Таким образом, хутор Гримм приводит Баха и Анче к невежеству, а для Анче становится оковами в процессе взросления. Когда Бах и Клара только приехали в хутор, чтобы начать новую жизнь, у Баха не было ощущения изолированности от внешнего мира, и в это время Бах внутренне хотел установить контакт с жителями Гнадентале. Однако катастрофа в Гнадентале постепенно укрепляет Баха в убеждении, что он не может иметь контактов с внешним миром. Смерть Клары сильно опечалила Баха, так что он захотел навсегда остаться с Кларой

в спокойном мире, не думая о новых вещах и переменах. После начала воспитания Анче сердце Баха наполнилось страхом. Он боялся, что их мирная жизнь будет нарушена. Бах не хотел выводить в безумный «большой» мир свою Анче, но время от времени его сердце сжималось. Бах, потерявший способность речи, не смог научить Анче говорить, и винил в этом себя. Он считал, что Анче должна была остаться с другими детьми, но из-за своего страха и крайней любви к Анче он отчаянно хотел найти доказательства того, что Большой мир плох, а изменения, произошедшие в Гнадентале в последующие годы, ещё больше укрепили Баха в его мысли. Поездка в Саратов даёт Баху повод привязать Анче к хутору: «Нет, нежная душа Анче была создана не для шума безумных городов и людных деревень, а для уединённой жизни. Недаром Бах оберегал её все эти годы, недаром охранял хутор от вторжения “большого” мира. Как же бесконечно прав он оказался! Совесть его была теперь спокойна: он попробовал вывести девочку в мир, но рискованный поход этот едва не обернулся несчастьем. Значит, судьба им была – жить на хуторе отшельниками. И не было в том его вины. Не было. Не было»².

В отличие от Баха, Анче от природы ничего не боялась. Девочка мечтала исследовать внешний мир, она жаждала нового, а Бах не мог исполнить её желания, во-первых, потому, что он отделил её от внешнего мира, а во-вторых, потому что он, утратив языковые навыки, не смог взять на себя задачу обучения Анче, что привело к тому, что в течение длительного времени Анче не могла говорить и тем более воспринимать какие-либо культурные знания. В то же время сам Бах был сильно оторван от общества из-за долгой жизни на хуторе. Таким образом, хутор превратился в одинокий остров, который сделал героев невежественными.

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 368.

² Там же.

Открытый хронотоп – священное место для возрождения души

Читая роман, легко заметить, что хуторской хронотоп наполнен магическими элементами и в значительной степени оторван от реальности. Только в трёх упомянутых выше событиях происходит соединение хутора Grimm с внешним миром. При каждом пересечении с реальным миром магические элементы хутора в той или иной степени утрачиваются, и, таким образом, время и пространство хутора постепенно приводятся в соответствие с реальным временем и пространством.

Реализации хуторского хронотопа способствуют три упомянутых выше события, которые являются важными узлами романа. Резкие перемены в хуторской жизни героев, кризисы, с которыми они сталкиваются, и судьбоносные решения, которые они принимают, – всё это вызвано этими тремя событиями, которые играют важную роль в развитии сюжета романа. Здесь необходимо упомянуть о хронотопе порога. Характеристики, проявляемые в процессе реализации усадебного хронотопа, во многом совпадают с хронотопом порога.

Хронотоп порога – это проникнутый высокой эмоционально-ценностной интенсивностью хронотоп. Хронотоп кризиса и жизненного перелома является существенным его восполнением. По мнению М. Бахтина, «самое слово “порог” уже в речевой жизни (наряду с реальным значением) получило метафорическое значение и сочеталось с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительность, боязни переступить порог)». В литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен, иногда в открытой, но чаще в имплицитной форме» [1, с. 494]. Сцену перелома жизни в романе «Дети мои» взял на себя такой «порог». Хронотоп порога «характеризуется пространственной уникальностью для демаркации, где время часто проявляется как момент, который, казалось бы, не имеет длины, но очень важен» [12, с. 41]. Хронотоп порога демонстрирует такие

состояния, как кризис, воскресение и обновление главного героя, которые проявляются не во временной преемственности, а на грани событий, на точке пересечения времени и пространства, где именно происходит трансформация судьбы персонажа. Первое особенное событие в романе приводит к смерти Клары и рождению Анче, второе – к огромной перемене в жизни Баха и Анче, а третье – к уходу Анче и Васьки и возрождению души Баха. Эти три события постепенно растворяют магические окраски хутора, сливая хуторское время и пространство с реальным временем и пространством.

Окончательное согласование хуторского хронотопа с реальностью произошло после третьего особенного события. Изменение времени и пространства на хуторе позволяет Баху постепенно просветляться и заново знакомиться с реальностью. На самом деле ещё за несколько лет до того, как Анче и Васька покинули хутор, Бах понял, что рост Анче и её уход в мир – это объективный закон, и он не может остановить этот процесс своей силой. За это время чувствительность Баха постепенно уступает место разуму, он с облегчением воспринимает предстоящий отъезд Анче, и эти годы становятся самыми счастливыми для Баха. Незадолго до прихода пропагандиста размышления Баха приводили его к мыслям о грядущих переменах: «В этом близившемся моменте, когда Анче посмотрит на него сверху вниз, чудился Баху какой-то тайный смысл или рубеж. Не за этим ли рубежом ждёт расставание?»¹

После того, как дети ушли, от сильного волнения у Баха помутилось в голове, а в теле поселилась пустота. Бах снова лишился чувств, и ничто в реальности не могло воззвать к ним. Бах решил любить обоих детей на расстоянии. Постепенно герой смирился с тем, что их больше нет. Бах понял, что он не смог бороться с законами, и Анче рано или поздно уйдёт. В романе есть описание хутора, о котором стоит

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 404.

подумать: «Хутор дряхлел – дряхлел вместе с Бахом, так же медленно и равнодушно ... Их с хутором жизнь постепенно угасала – но тем ярче и мощнее разгоралась жизнь детей»¹. Впервые в романе упоминается об изменении хутора Grimm. Раньше усадьба была оторвана от реального мира, сказочно сохраняла первоначальный облик, а на данный момент время хутора течёт уже не по своим законам, а по законам реальности. Хутор неизбежно дряхлел.

Перемены на хуторе привели к переменам и в Бахе, она стала священным местом для возрождения его души. Теперь Бах видит мир совершенно иначе, чем раньше: «Отрешённый взгляд видел много больше прежнего, словно со всех предметов и людей сдёрнули завесу – и лишь теперь, впервые, Бах разглядел мир по-настоящему»². Освобождённый, Бах больше не испытывает страха, его мысль перевернулась. Он решил сжечь последние остатки своей жизни, чтобы как можно больше сделать для детей. В итоге Бах превратил хутор Grimm в «детский дом имени Третьего Интернационала», позволив себе и имению выполнить последнюю роль. Возрождение хутора также перекликается с воскресением души Баха. И сам дом символизирует обычное, но великое человеколюбие Баха по отношению ко всем детям, которые полны любви и надежды.

Заключение

Наследуя способы выражения усадебного описания в русской литературе, Г. Яхина даёт уникальное изображение хутора в своём романе. Хуторской хронотоп в ро-

мане и реальный, и магический, в этом его уникальность. «Дети мои» – трогательный и глубокий роман, снискавший не меньше читательских похвал, чем «Зулейха открывает глаза». Используя хуторской хронотоп в качестве основополагающего средства, роман рассказывает о судьбах «маленьких людей» в «большой истории», показывает их горе, радость и гнев. Длительный временной охват произведения придаёт ему глубокую эпичность. Примечательно, что герой романа Бах рано утратил свои языковые способности, и автор не имел возможности передавать его слова, и именно поэтому так впечатляет тонкое изображение автором психической деятельности Баха. Различные чувства героя: любовь, страх, агрессия – трогают сердце читателей.

В своих романах Г. Яхина всегда серьёзно размышляет об истории народа, проявляет искреннюю заботу и сострадание к «маленьким людям» в «большой истории», демонстрирует «духовную силу, преодолевающую страдания» [9, с. 94]. Как отмечает комментатор, «сила романа – в любви автора к своему скромному герою, иррациональной и потому пронзительной. И эта пронзительная любовь в новом романе не слабее любви Яхиной к Зулейхе. А читатели любят за любовь»³... Творчество Г. Яхиной снова и снова вызывает эмоциональный всплеск у читателей и пробуждает наилучшие чувства в их сердцах, это имеет большое значение в современном обществе.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
2. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
3. Евангулова О. С. Художественная «вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 303 с.

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 439–440.

² Там же. С. 443.

³ Басинский П. В. Гузель Яхина выпустила новую книгу [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html> (дата обращения: 08.07.2023).

4. Михайлова Н. Ф. Характеристика пространства деревни Гнаденталь и хутора Удо Гримма в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Русская классика. сборник научных статей. М.: Макс Пресс, 2022. С. 96–100.
5. Набиуллина А. Н. Пространственно-временные образы и мотивы в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 3. С. 32–37.
6. Разумовская А. Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти. Псков: Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова, 2010. 224 с.
7. Розин В. М. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои» // Культура и искусство. 2018. № 10. С. 79–87.
8. Тихонов Ю. А., Водарский Я. Е. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки. М.: УРСС, 2001. 782 с.
9. 陈方. 雅辛娜长篇小说《我的孩子们》中的童话书写 // 俄罗斯文艺. 2021. № 2. P. 88–94.
10. 李茂增. 成长的世界图景——论巴赫金的小说“时空体”理论 // 解放军外国语学院学报. 2007. № 3. P. 108–112.
11. 刘淑梅. 文化生态视野下的俄罗斯庄园文学研究综述 // 解放军外国语学院学报. 2018. № 6. P. 146–151.
12. 薛亘华. 巴赫金时空体理论的内涵 // 俄罗斯文艺. 2018. № 4. P. 36–41.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Collected Works. Vol. 3: Theory of the Novel (1930–1961)]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2012. 880 p.
2. Bogdanova O. A. *Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, 288 p.
3. Evangulova O. S. *Hudozhestvennaya «vselennaya» russkoj usad'by* [Artistic “Universe” of the Russian Estate]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2003. 303 p.
4. Mikhailova N. F. [Characteristics of the Space of the Village of Gnadental and Udo Grimm's Farm in G. Yakhina's Novel “My Children”]. In: *Russkaya klassika. sbornik nauchnyh statej* [Russian Classics. Collection of Scientific Articles]. Moscow, Maks Press Publ., 2022, pp. 96–100.
5. Nabiullina A. N. [Spatial-temporary images and motives in the novels by G. Yakhina “Zuleyha Opens Eyes” and “My Children”]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Actual issues of modern philology and journalism], 2019, no. 3, pp. 32–37.
6. Razumovskaya A. G. *Sad v russkoj poezii XX veka: fenomen kul'turnoj pamyati* [Garden in Russian poetry of the 20th century: a phenomenon of cultural memory], Pskov, Pskov State Pedagogical University named after S. M. Kirov Publ., 2010. 224 p.
7. Rozin V. M. [Artistic reality of Guzel Yakhina's novel “My Children”]. In: *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2018, no. 10, pp. 79–87.
8. Tikhonov Yu. A., Vodarsky Ya. E. *Dvoryanskaya i kupecheskaya sel'skaya usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskie ocherki* [Noble and merchant rural estate in Russia in the 16th–20th centuries: historical essays]. Moscow, URSS Publ., 2001. 782 p.
9. 陈方. 雅辛娜长篇小说《我的孩子们》中的童话书写 // 俄罗斯文艺. 2021. № 2. P. 88–94.
10. 李茂增. 成长的世界图景——论巴赫金的小说“时空体”理论 // 解放军外国语学院学报. 2007. № 3. P. 108–112.
11. 刘淑梅. 文化生态视野下的俄罗斯庄园文学研究综述 // 解放军外国语学院学报. 2018. № 6. P. 146–151.
12. 薛亘华. 巴赫金时空体理论的内涵 // 俄罗斯文艺. 2018. № 4. P. 36–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Цзясинь – докторант факультета русского языка института иностранных языков и литературы Уханьского университета;
e-mail: 747014966@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Jiaxin – Doctoral Student, Department of the Russian language, School of Foreign Languages and Literature, Wuhan University;
e-mail: 747014966@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Цзясинь. Своеобразие хуторского хронотопа в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 115–125.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-115-125

FOR CITATION

Zhang Jiaxin. The Farmstead Chronotope in G. Yakhina's "Children of the Volga". In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4. pp. 115–125.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-115-125

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК: «ШИПОВНИК ПОДМОСКОВЬЯ». КОЛОМНА: ЛИГА, 2024. 528 С. (СЕРИЯ «КОЛОМЕНСКИЙ ТЕКСТ»)

Дубова М. А.

Государственный социально-гуманитарный университет
140410, г. Коломна, ул. Зелёная, д. 30, Российская Федерация

REVIEW OF THE COLLECTION: ROSE HIPS OF THE MOSCOW REGION. KOLOMNA, LIGA PUBL., 2024. 528 P. (SERIES «KOLOMENSKIY TEXT»)

M. Dubova

State University of Humanities and Social Studies
ul. Zelenaya 30, Kolomna 140410, Russian Federation

Сборник «Шиповник Подмосковья» является пятой книгой серии «Коломенский текст». В неё входят тексты, открывающие культурное пространство вокруг Коломны, уездную Россию с её местным колоритом и признаками общерусского исторического бытия от XVIII до XX вв. В книге выявляется вклад, который внесли в формирование культурных гнёзд Подмосковья Н. И. Новиков, Д. В. Григорович, С. Т. Славутинский, Б. А. Пильняк и др. Своеобразие издания состоит в органичной взаимосвязи художественных произведений с публицистическими и мемуарными.

Открывается сборник вступительной статьёй автора и руководителя проекта «Коломенский текст» В. А. Викторовича «Около Коломны». В ней отмечается, что коломенский текст – это «не что иное, как Коломна, воплотившаяся в слове»¹. Культурную географию образуют культурные гнёзда, расположившиеся вокруг Коломны и «организующие» три раздела книги. Предисловие задаёт основные векторы раскрытия коломенского текста, представленные в сборнике.

Первая часть предисловия посвящена Авдотьюну (Авдотьюну-Тихвинскому Коломенского уезда), где родился, прожил 22 года после заключения в Шлиссербургской крепости и закончил свою жизнь русский просветитель Н. И. Новиков (1744–1818).

Во второй части «Долина скорби – долина радости» рассказывается о первооткрывателе крестьянской жизни в русской литературе Д. В. Григоровиче, нашедшем в деревенской глуши Дулебино материал для своих повестей «Деревня» и «Антон-Горемыка», внёсших бесценный вклад в коломенский текст, равно как и его пейзажи Поочья, особенно Смедовской долины, занявшие достойное место в отечественной «культурной географии» рядом с Бежиным лугом в Ясной Поляне.

Третья часть «Перепады трёхречья», продолжая разговор об Авдотьиной и Дулебине, расположенных вблизи рек Северка и Смедва, завершает «литературное путешествие вокруг Коломны, вступая на берега трёх рек центрального значения: Ока – Москва – Коломенка»².

¹ Шиповник Подмосковья. Коломна: Лига, 2024. С. 5.

² Там же. С. 15.

Так географическое пространство, накладываясь на культурное, включает в поле зрения авторского коллектива И. И. Лажечникова, Д. В. Гилярова-Платонова, С. Т. Славутинского, Ф. Гилярова, племянника Н. П. Гилярова-Платонова, Н. И. Мамаева и Б. Пильняка.

Вступление является своеобразным путеводителем по сборнику, обозначает траекторию маршрута по Коломне и близлежащим землям, очерчивая географию культурного феномена «Коломенский текст», включая в него персоналии, прямо или опосредованно сопряжённые с коломенской землёй.

Не случайно вслед за вступительной статьёй помещён «Новый и полный географический словарь Российского государства...» Л. М. Максимовича, Н. И. Новикова, дающий представление о географическом положении Коломенского уезда, его границах и протяжённости, плодородии земель, характере почв, наличии рек, о монастырях и приходах, образе жизни и занятиях населения.

Первый раздел книги – «Авдотьино» – включает четыре статьи, посвящённые воспоминаниям о встречах с Н. И. Новиковым в его имении Авдотьино (Тихвинское). Первая статья – Н. Д. Иванчина-Писарева «Нечто о Н. И. Новикове», в основу которой легли впечатления автора, проведшего три дня в Тихвинском. Вторая – А. Л. Витберга «Записки», содержащая описание поездки и встречи с Новиковым – «деятелем неутомимым, мужем гениальным, передавшим свет Европы и разлившим его глубоко в груди России»¹. Третья – И. И. Лажечникова «Заметка о Н. М. Толстом» – посвящена описанию встречи с другом Н. И. Новикова – Николаем Матвеевичем Толстым, жившим по соседству с Авдотьиным в селе Степановском Бронницкого уезда, и с его племянником А. И. Остерман-Толстым. Последняя статья М. Н. Лонгинова «Посещение села Авдотьино-Тихвинского,

принадлежавшего Н. И. Новикову» описывает, как реализовалась давняя авторская мечта – «я давно желал побывать в родовой отчине его [Новикова], Авдотьино, где он родился (1744), был арестован (1792), провёл безвыездно последние годы своей жизни (с 1796 г.) и умер. Я надеялся найти там воспоминания о нём и следы, оставленные многолетним его пребыванием»². М. Н. Лонгинов подробно воссоздаёт свой путь в Авдотьино, уделяя внимание географии маршрута, пребыванию в усадьбе, «как бы особом маленьком мире, в котором всё живёт до сих пор памятью о Новикове»³ – «необыкновенном человеке, которого личность и судьба представляют столько привлекательного»⁴. Глава сопровождается иллюстрациями (портрет Н. И. Новикова, виды Авдотьино и т. д.), которые, на наш взгляд, органично погружают читателя в мир описываемой эпохи, визуализируя места и персоналии, о которых ведётся разговор в этом разделе сборника.

После части, раскрывающей величие и разносторонность личности Н. И. Новикова, жизнь которого была тесно связана с Авдотьиным Коломенского уезда, расположена вторая композиционная часть издания – «Смедовская долина», открываемая одноименным рассказом Д. В. Григоровича, который является своеобразным прологом к включённым в неё произведениям и посвящён описанию живописной местности, расположенной в долине реки Смедвы. В центре сюжета – история жизни пастуха Савелия, его сына и невестки. Её трагизм контрастен «великолепной панораме»⁵ пейзажа, на фоне которого разворачивается повествование. Два следующих произведения также принадлежат перу Д. В. Григоровича. Первое из них – повесть «Пахарь», – тематически продолжая предыдущий рассказ, посвящена описанию жизни и быта крестьян местностей, расположенных

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же. С. 56.

¹ Шиповник Подмосковья. Коломна: Лига, 2024. С. 31.

вблизи Смедовской долины. Первые главы произведения, рисующие путешествие из Москвы в усадьбу, построены по принципу антитезы «жизнь городская – жизнь сельская», которая последовательно реализуется в тексте повести в системе частных противопоставлений: жизнь народа – жизнь образованного класса общества, трудолюбие – праздность, сельский быт – городская скука и т. п. В центре авторского внимания в этой повести оказывается судьба старого пахаря Ивана Анисимыча, «одного из самых почтенных, самых достойных стариков»¹, «доживавшего уже восьмой десяток лет»², «сроднившегося с землёй и природой»³. Он заслужил память, которая «основана на душевных оплакиваемых человека. Такая память – высшая поэзия нашего нравственного мира»⁴. И последнее из представленных в сборнике произведений Д. В. Григоровича – «Из «Литературных воспоминаний»» – содержит краткий обзор жизни писателя (детство, взросление, переезд в усадьбу Дулебино, гимназия) и основных вех его «литературного поприща»⁵.

Отрывок «Из дневника 1855 года» А. В. Дружинина включает краткие записи четырёх июньских дней (с 4 по 7 июня), связанных со Смедовской долиной, Дулебиным, селом Коломенское.

Во «Встрече в Смедовской долине» А. П. Радищев рассказывает о своём призрасти к литературному краеведению. Автор повествует об одном литературном походе – в долину «прихотливо извивающейся речки Смедвы»⁶, в те места, которые были описаны Д. В. Григоровичем в «Смедовской долине», в Дулебино, где Григорович был последний раз в 1896 г. Взгляд на живописные места «глазами человека, жившего сто лет назад»⁷ – «дань уважения писателю-земляку, одному из ос-

новоположников «натуральной школы» в русской литературе»⁸. Так, воспоминаниями о Д. В. Григоровиче и его родных местах, описанных в произведениях, которые начинают этот раздел книги, заканчивается вторая её часть – «Смедовская долина», также сопровождаемая иллюстрациями, связанными с центральной её фигурой – Д. В. Григоровичем (представлены его автопортрет, виды усадьбы Дулебино 1859 г., реки Смедвы 1876 г. и т. д.).

Прокомментируем третий, самый объёмный раздел сборника «Ока – Москва-река – Коломенка», название которого очерчивает пространственные топоры, нашедшие объективацию в нём. Открывается она тремя произведениями С. Т. Славутинского, первым из которых является очерк помещичьего быта первой четверти XIX столетия «Генерал Измайлов и его дворян». В нём автор рассказывает о «роде и предках ... героя»⁹, уклад «патриархального быта»¹⁰ и описывает «жизнь Л. Д. Измайлова по частным и достоверным сведениям о ней»¹¹, акцентируя внимание на селе Дединово Зарайского уезда Рязанской губернии и ещё ряде сёл Тульской и Рязанской губерний. Во втором произведении – «Читальщица», печатаемом с сокращениями (по изданию Славутинский С. Т. Повести и рассказы. М.: тип. Литературного института восточных языков, 1860 г.), местом действия становится село Дединово, где автор встречается с читальщицей псалтыря по покойным Татьяной Андреевной, жизнь и судьба которой и составляют основу сюжета, а также становятся поводом для формулирования философских обобщений, в частности, о том, что «есть ещё люди, способные до конца чисто и право трудиться перед Богом; есть святые люди, и без них общество стоять не может»¹². Наконец, «Родные места» Т. В. Славутинского представляют собой избранные фрагменты из

¹ Там же. С. 108.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Там же. С. 160.

⁷ Там же. С. 162.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Там же. С. 167.

¹⁰ Там же. С. 169.

¹¹ Там же. С. 171.

¹² Там же. С. 259.

текста первой публикации, осуществлённой «Русским вестником» (1880. № 3). В центре повествования – воспоминания о деревне Мелехово, которая в XVI в. входила в Коломенский уезд, а в XIX в. – в Егорьевский (Рязанской губернии), ныне же входит в состав Коломенского городского округа, и её жителях. Автор описывает образ жизни мелеховцев, характер и занятия. Большое внимание уделяется развитию грамотности среди населения, важную роль в котором играют читальщицы, что становится поводом для воспоминаний о предшествующей одноименной повести. Не обходит вниманием Славутинский торговлю и праздники. Так воссоздаётся бытовая, торговая, промышленная, исторический взгляд на жизнь в обозначенных поселениях, ведь «отрадно всякому вспоминать свои родные места»¹.

Записки Н. И. Мамаева включают в себя два фрагмента, охватывающие «период службы автора в расквартированном в Коломне Оренбургском уланском полку с осени 1834 г. по весну 1835 г. и весной 1837 г.»². Они печатаются по изданию 1901 г. (Записки Н. И. Мамаева // Исторический вестник. 1901. Т. 84. С. 867–872; Т. 85. С. 59–63) и продолжают ранее опубликованные (Мамаев Н. И. Записки // Коломенская старина. Коломна: Лига, 2020. Серия «Коломенский текст»).

«Воспоминания» педагога и журналиста Ф. А. Гилярова, племянника Н. П. Гилярова-Платонова, представляют собой «черкизовскую» главу его мемуаров и печатаются по изданию 1904 г. (Воспоминания Ф. А. Гилярова // Русский архив. 1904. Кн. 2. Вып. 6). Они посвящены поездке юного автора в «с. Черкизово, к родному своему деде, Сергею Петровичу»³.

В третью часть книги помещены три ранних рассказа Б. Пильняка: «Лесная дача», «Тысяча лет» и «Коломенская пастила», – «написанные в Коломне, в доме на улице Посадской рядом с храмом Николы

на Посаде»⁴. Эти яркие образцы орнаментальной прозы, созданные в период 1919–1922 гг., не только написаны в Коломне, но и место действия в них – усадьбы, деревни и сёла, находящиеся вблизи Коломны: Марьин Брод («Лесная дача»), Малоуваровские курганы («Тысяча лет»), Новосёлки («Коломенская пастила»). Все они представляют художественное осмысление центральной для ранней малой прозы Б. Пильняка антитезы «мир природы – мир людей».

Завершающий третий раздел книги очерк В. П. Енишерлова «Возвращение в Новосёлки», с одной стороны, тематически связан с рассказом Б. Пильняка «Тысяча лет», который является своего рода отправной точкой авторского разговора об истории рода Вельяшевых и одном из их сёл близ Коломны – Новосёлки и вызывает желание уточнить и историю новосёлковского дома, и самого семейства, а с другой – навеян посещением Новосёлок автором с целью воочию увидеть те места, куда уходят его корни. На примере жизни нескольких поколений конкретной семьи, пережившей важные вехи в истории страны, её родственных и дружеских связей автор приходит к философским обобщениям: «Это короткое путешествие под Коломну, в прошлое, о котором уже практически ничто не напоминает в тех местах, где когда-то счастливо обитала большая, дружная дворянская семья, «коротенький обрывок рода русского, живший в условиях типично русской жизни», заставляет задуматься «о катаклизмах, после которых судьба отдельного человека уже не зависит лишь от него самого, когда его и его близких настигает беспощадное колесо истории»⁵.

Принцип расположения представленных в сборнике произведений, каждое последующее из которых связано с предыдущим, позволяет воспринимать их как единый макротекст, открывающий культурное пространство вокруг Коломны.

Особое внимание считаем необходимым уделить Комментариям, занимающим

¹ Там же. С. 290.

² Там же. С. 489.

³ Там же. С. 310.

⁴ Там же. С. 505.

⁵ Там же. С. 412.

в книге более 100 страниц (из 525 страниц издания), которые вписывают собранные в книге произведения в широкий историко-культурный контекст, содержат настолько исчерпывающе подробные пояснения, что полностью отпадает необходимость поиска других источников с целью уточнения читаемого. Более того, в содержании сборника параллельно представлены страницы самой публикации и комментарии к ней, что очень удобно и позволяет легко ориентироваться в них.

Таким образом, пятая книга серии «Коломенский текст», которую «организуют» расположившиеся вокруг Коломны культурные гнёзда, продолжает (вслед за четырьмя уже вышедшими) открывать читателю культурную географию пространства, расположенного вокруг Коломны.

Авторский коллектив провёл колоссальную работу по изучению краеведческого материала и реконструкции местного колорита уездной России от XVIII до XX вв.

Издание адресовано представителям научной общественности (филологам, культурологам, историкам, краоведам), занимающимся исследованиями культурного пространства Коломны XVIII–XX вв., отражённого в художественных текстах, мемуарах и публицистике русских писателей и образующего феномен «коломенского текста». Сборник «Шиповник Подмосковья», без сомнения, будет интересен и широкому кругу читателей, желающих познакомиться с историей малой родины, нашедшей отражение в произведениях, включённых в пятую книгу серии «Коломенский текст».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубова Марина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета;
e-mail: dubovama@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Dubova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Language and Literature, State University of Humanities and Social Studies;
e-mail: dubovama@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дубова М. А. Рецензия на сборник: «Шиповник Подмосковья». Коломна: Лига, 2024. 528 с. (Серия «Коломенский текст») // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 126–130.

FOR CITATION

Dubova M. A. Review of the Collection: Rose Hips of the Moscow Region. Kolomna, Liga Publ., 2024. 528 p. (Series "Kolomenskiy Text"). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4. pp. 126–130.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

В 2024 году ЩЕДРИНА Нэлли Михайловна, доктор филологических наук, профессор, отмечает свой юбилей.

Факультет русской филологии Государственного университета просвещения и кафедра русской и зарубежной литературы, на которой трудилась Н. М. Щедрина, студенты, аспиранты, выпускники, коллеги и друзья от всей души поздравляют Нэлли Михайловну с юбилеем!

Нэлли Михайловна Щедрина – автор литературоведческих работ о русском историческом романе и романной традиции в целом, литературе русского зарубежья, истории русской литературы XX столетия, концепции личности в современном историко-революционном романе, исследователь творчества М. Шагинян, В. Ходасевича, М. Алданова, В. Распутина, А. Солженицына, В. Астафьева и других писателей. Исследованию исторического рома-

на в русской литературе последней трети XX века посвящена докторская диссертация Н. М. Щедриной.

На рубеже 1980–1990-х годов в истории русской литературы открылась «потаённая» литература русского зарубежья. Н. М. Щедрина – одна из немногих в России блестящих исследователей наследия лауреата Нобелевской премии Александра Солженицына, пытливый ум которого приковывала концепция Февральской революции. Солженицын утверждал, что именно три недели февраля 1917 года стали крупнейшим событием XX века, тогда как 1905 – предтеча, а октябрь 1917 года – завершение. На постижение Н. М. Щедриной роли «Красного Колеса», творчества и историко-философской концепции Солженицына ушло два десятилетия. Результатом этого труда стала фундаментальная монография Н. М. Щедриной «“Красное Колесо” А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века», вышедшая в 2010 году при поддержке РГНФ.

Время труда над «Красным Колесом» совпало для Н. М. Щедриной со сменой места работы и с приходом на кафедру русской литературы XX в. Московского государственного областного университета – сегодня Государственного университета просвещения. С коллегами по кафедре и вузу установились уважительные доброжелательные отношения – имена и статьи многих из них вошли в международный сборник научных трудов «Курсив судьбы – курсив литературы», изданный издательством Московского государственного областного университета в 2014 году к юбилею учёного. Публикация этого сборника стала поистине научным событием.

В начале 2000-х годов началось, как пишет сама Нэлли Михайловна в «Курсиве...», «особенное постижение Астафьева». Щедрина едет в родное для писателя село Овсянка в Красноярском крае, чтобы познакомиться с его наследием «не на отдалении». В работах Н. М. Щедриной исследуются поднятые в произведениях Виктора Астафьева тема материнства и чувства обделённых материнской лаской людей, катастрофичность бы-

тия и проблема трагического в романе «Прокляты и убиты», вопросы жанрового синтеза в прозе писателя и др.

Постепенно для Н. М. Щедриной открылись множественные пересечения в судьбах А. Солженицына и В. Астафьева, в их взглядах на мир. Н. М. Щедрина делится своими открытиями, в том числе и на очных встречах. Одна из них состоялась в мае 2024 года в Музее-квартире Александра Солженицына в Москве.

Строгий и принципиальный Наставник (да, именно с прописной буквы), Нэлли Михайловна не просто ведёт по научному пути и исследовательской работе, она закладывает в молодые умы и сердца такие заветы, которые дают прекрасные результаты в трудовой сфере. Выпускники всегда проявляют себя как настоящие профессионалы, ответственно относящиеся к решаемым ими задачам. Нэлли Михайловна

признаётся, что успехи учеников, преодоление жизненных трудностей, обретение высоты в педагогике, литературоведении, журналистике, творчестве являются для учителя высшей наградой.

Дорогая и глубокоуважаемая Нэлли Михайловна! Примите искренние пожелания крепости духа, гармонии, спокойствия, радостного настроения. Благополучия Вам и Вашим близким! Желаем Вам долгие годы здравствовать и воплощать в жизнь свои творческие и научные планы. А Ваши выпускники, коллеги, соратники, друзья обязательно в этом помогут!

С Днём рождения!

*Факультет русской филологии
Государственного университета
просвещения,
Редакционная коллегия
журнала «Отечественная филология»!*

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Поздравляем юбиляра (к юбилею Н. М. Щедриной) // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 131–132

FOR CITATION

Congratulations to the Jubilee (To N. M. Shchedrina's Anniversary). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4., pp. 131–132.

ОБЗОР ОПЫТА РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

Нагорный И. А., Ли Ли

Цзилиньский университет

130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика

REVIEW OF THE EXPERIENCE OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SEMINAR “CURRENT PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE”

I. Nagornyy, Li Li

Jilin University

10 Qianwei Road, Changchun 130012, People's Republic of China

На базе Цзилиньского университета (Jilin University) (КНР, г. Чанчунь) и Государственного университета просвещения (РФ, г. Москва) в течение 2023–2024 гг. работал Международный научно-методический семинар «Актуальные процессы в современном русском языке». Организаторами семинара выступили Международная академия наук педагогического образования (МАНПО), Государственный университет просвещения, Институт иностранных языков Цзилиньского университета (КНР), кафедра современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения.

Основные идеи семинара – международное научно-методическое сотрудничество в сфере науки и образования; интернационализация языковых контактов; освещение и анализ актуальных процессов, происходящих в современном русском языке; развитие научных и методических исследований в области изучения русского языка, литературы и культуры посредством высокоуровневых и оригинальных научных изысканий, направленных на продвижение прогрессивных идей в преподавании русского языка как в российском, так и зарубежном образовательном пространстве; расширение информационных ресурсов; стремление способствовать языковому, социальному и культурному развитию общества.

Руководители международного научно-методического семинара – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, главный учёный секретарь Международной ака-

демии наук педагогического образования Н. А. Герасименко и доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков Цзилиньского университета, академик Международной академии наук педагогического образования И. А. Нагорный. Активные участники семинара – члены отделения русского языка Международной академии наук педагогического образования; члены кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения; преподаватели факультета русского языка Института иностранных языков Цзилиньского университета, аспиранты, магистранты и студенты Института иностранных языков Цзилиньского университета и Государственного университета просвещения.

Проведённые заседания семинара в первую очередь ставили своей задачей обмен научным и методическим опытом российских и китайских учёных, содействие развитию академических контактов между китайскими и российскими вузами в области лингвистики и литературоведения. Актуальность проведения данных мероприятий обусловлена тем, что вопросы, вынесенные на обсуждение, традиционно вызывают повышенный интерес у исследователей из разных стран, в том числе лингвистов и литературоведов из России и Китая. Углублённому изучению языковой сферы, национально-культурных и исторических традиций народов придаётся существенная роль в расширении языковых и культурных контактов, развитии процесса взаимопонимания между народами.

На заседаниях международного научного семинара обсуждались важные вопросы, отразившие многие актуальные проблемы современной лингвистики, литературоведения, культурологии, методики преподавания филологических дисциплин российским студентам, а также методики преподавания русского языка китайским студентам. Прозвучало много интересных идей и новаторских предложений в лингвистической и методической областях, намечены серьёзные перспекти-

вы развития целого ряда аспектов в сфере межкультурной коммуникации.

Научный доклад д. филол. н., профессора кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, главного учёного секретаря МАНПО Н. А. Герасименко «Новые явления в синтаксисе современного русского языка» отразил авторский взгляд на актуальные процессы в русской грамматико-синтаксической системе. Докладчиком были намечены основные перспективы развития структурно-семантического и функционально-семантического направлений в современной синтаксической науке; проанализирована сфера функционирования неглагольных двусоставных предложений в русском языке, в частности, бисубстантивных предложений; намечены перспективные тенденции описания данного типа предложений русского языка; определены важные структурные, семантические и функциональные характеристики бисубстантивных предложений как продуктивного типа двусоставного неглагольного предложения; проанализированы структурный и семантический аспекты инфинитивно-субстантивных предложений; выявлены функциональные аспекты предложений, отражающих ментальную деятельность человека; установлены закономерности моделирования языковой картины мира посредством связи; охарактеризованы непродуктивные виды предложений в русском языке.

Научный доклад д. филол. н., профессора кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, учёного секретаря отделения русского языка МАНПО В. В. Леденёвой «Изменения в лексике современного русского языка» был посвящён оценке перспектив обновления лексического фонда современного русского языка, связанных с изменениями в жизни общества. Были определены наиболее значимые тенденции в современной речевой сфере; установлены прагматические особенности функционирования лексем в процессе коммуникации; намечены закономерности трансформации состава лексем; представлен углублённый анализ ряда актуальных

лексико-семантических и прагматических процессов; обоснованы тенденции в номинативных и словообразовательных явлениях в неологии современного русского языка; охарактеризована разговорно-просторечная лексика как средство предикации, отражающее идиостилевые черты; проанализирована семантика ряда лексем и репрезентируемые ими смыслы.

Научный доклад д. филол. н., профессора кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, доцента Е. Н. Ореховой «Актуальные процессы в современных средствах массовой информации» был посвящён анализу языка российских средств массовой информации, определяющих современную языковую ситуацию и соответствующую ей языковую модель. Автор доклада отметил важные изменения в медиаречевой сфере, обосновал ряд активных процессов в языке как печатных, так и цифровых средств массовой информации, которые постепенно приводят к изменению литературной нормы русского языка. В докладе были раскрыты основные тенденции в языке современных СМИ, такие как прецедентность, языковая игра, креолизация, информатизация, демократизация; отмечены тенденции функционирования прецедентных феноменов; обоснованы пути формирования представлений аудитории об особенностях современного медиатекста; охарактеризованы презентационные параметры, оказывающие влияние на различия языка печатных, телевизионных и цифровых средств массовой информации, языка радио.

Научный доклад доктора филологии, профессора Института иностранных языков Цзилиньского университета Лю Цзоянь на тему «"Водная" и "огненная" метафоры эмоций в русском и китайском языках» был посвящён рассмотрению указанных метафор как эмоций, отражающих и эквивалентные, и национально-специфические семемы репрезентантов в русском и китайском языках. Автором доклада установлено, что языковая репрезентация эмоций имеет сложную концептуальную структуру. В частности, в русском и китайском языках

многие слова, в семантических структурах которых содержатся семы 'вода', 'жидкость', 'влага', 'огонь', используются в переносных, метафорических значениях и служат для образного выражения эмоций. Например, в китайском языке существует большое количество так называемых «огненных» метафор: *любовь* – *ai qing zhi huo* (огонь любви), *gan chai lie huo* (букв. как сухие дрова встретились с огнём; перен. сильная любовь; сразу влюбилась), *zhi re de ai* (пламенная любовь); *ненависть, месть* – *chou hen de huo yan* (огонь мести); *зависть* – *du huo* (огонь зависти); *гнев* – *nu huo zhong shao* (воспалиться гневом), *fa huo* (загореться), *huo mao san zhang* (горячиться); *надежда* – *xi wang zhi huo* (огонь надежды). В русском и китайском языковых этносах зафиксировано множество межъязыковых пересечений, сопряжённых с эмоциями, которые, как правило, вербально связываются с понятийными сферами «архетипы огня и воды». В русском и в китайском языках «водная» и «огненная» метафоры отражают как эквивалентные, так и национально-специфические семемы. Сопоставление семантем русских и китайских лексем позволило автору доклада сделать важные выводы относительно национально-культурной специфики метафорического значения, установить, что различия в анализируемых языках отражают различия в национальной ментальности, а каждый язык характеризуется своей уникальной «картиной мира». В целом же описание проанализированных в докладе этнолингвистических различий поможет, по мнению докладчика, более глубоко прояснению природы межкультурных несоответствий и разрешению возникающих трудностей в области межкультурной коммуникации и обучении русскому языку китайских студентов.

Научный доклад д. филол. н. профессора Института иностранных языков Цзилиньского университета И. А. Нагорного «Русские частицы и оценочная ситуация в речи» актуализировал ряд лингвистических проблем коммуникативной сферы, в том числе в области межнациональной коммуникации. Доклад был

сфокусирован на том, что оценочные свойства русских частиц при детальном анализе закономерностей их функционирования в речевых высказываниях проявляют ряд факторов, оказывающихся важными для коммуникативного процесса. Особое значение, по мнению автора доклада, данный вопрос приобретает при обучении русскому языку иностранных студентов. Важным оказывается то, что субъективные характеристики, вносимые в речевое высказывание русскими частицами, не являются статичными, ведь оценочность, как и любая модусная квалификация, ориентирована на детализацию события говорящим в конкретной речевой ситуации общения, отражает субъективный взгляд автора высказывания, проявляет его позитивное или негативное отношение к оцениваемому факту действительности. Высказывание, где частица выполняет оценочные функции, создаётся говорящим с конкретной целью, в конкретной ситуации общения, в определённый момент времени, и таким образом данное высказывание оказывается соотнесённым с оценочными параметрами в координатах «хорошо – плохо». Русские частицы в данном случае – презентаторы личного мнения субъекта, средства усиленного речевого воздействия на адресата, позволяющие говорящему сжато и в то же время ёмко отразить в коммуникативном процессе оценочную информацию о событии. Оценочный смысл, генерируемый говорящим в высказываниях с частицами, должен быть охарактеризован как личностный, развивающийся в речевом процессе как результат осмысления субъектом события, личности, или мотивационных условий репрезентируемой оценки. Таким образом, на коммуникативном уровне языка русские частицы представляются прагматически ценными речевыми знаками, модусными квалификаторами сообщаемого, выразителями авторской точки зрения, и это суть важно для полного понимания актуализированной проблемы при обучении русскому языку иностранных студентов. Автор доклада отметил, что намеченные вопросы отнюдь

не претендуют на окончательное решение проблемы, имеют широкие перспективы для дальнейших исследований, в частности в области описания семантических характеристик модально-квалификативных высказываний, изучения разноплановых оценочных средств, исследования антропоцентрического фактора в языке.

Заседания международного научно-методического семинара включали и дискуссионный момент, направленный на обсуждение научных докладов, предложение новых идей, подходов, методик. Активное участие в научно-методических дискуссиях приняли члены кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения д. филол. н., профессор Т. Е. Шаповалова; д. филол. н., профессор Н. А. Герасименко; д. филол. н., профессор В. В. Леденёва; д. филол. н., профессор Н. В. Халикова; д. филол. н., доцент Е. Н. Орехова; к. филол. н., доцент Т. А. Головина, к. филол. н. Т. В. Малинская. Активно участвовали в дискуссиях преподаватели факультета русского языка Института иностранных языков Цзилиньского университета д. филол. н., профессор И. А. Нагорный; доктор филологии, профессор Лю Цзоянь; к. филол. н., доцент Ли Ли; к. филол. н., доцент Ван Сяоян; к. филол. н., доцент С. Ю. Нагорная. Аспиранты, магистранты и студенты Государственного университета просвещения и Института иностранных языков Цзилиньского университета внесли свой вклад в обсуждение вынесенных на дискуссионное поле проблем. Для аспирантов участие в работе семинара представляется особенно полезным, поскольку позволяет молодому учёному не только углубить и расширить свой научный кругозор в сфере своего диссертационного исследования и более широких областях науки, но и апробировать ряд научных идей и практик. Тематика семинара оказалась значимой и полезной и для студентов – как российских, так и китайских. А для последних это ещё и существенная языковая практика, живое общение с носителями

русского языка. В свободных дискуссиях по темам научных докладов были актуализированы интересные лингвистические и культурологические проблемы развития современного русского языка, вопросы взаимодействия и интеграции восточноазиатских языков и культур, аспекты профессионального обучения русскому языку в китайских вузах, эффективности и профессионализма переводческой деятельности в современных реалиях, международного сотрудничества вузов при обучении русскому языку. Участники дискуссий на протяжении всего периода работы семинара обменивались мнениями и идеями относительно актуальных лингвистических проблем в области русистики, взаимодействия языков и культур, развития и оптимизации методики обучения китайских студентов русскому языку.

В целом, работа международного научно-методического семинара «Актуальные

процессы в современном русском языке» представляется полезной и имеет широкие перспективы своего развития, в первую очередь – по обсуждению комплекса важных научных проблем из областей культурно-языкового взаимодействия, изучения русского языка и русской культуры в Китае, теоретического обсуждения и практического воплощения актуальных лингвистических, литературоведческих, культурологических и методических тенденций в сфере преподавания русского языка в вузах.

Участники и гости семинара положительно оценили качество проведения научных мероприятий, отметили большую значимость и перспективность поднимавшихся в ходе заседаний проблем, выразили уверенность в том, что работу семинара необходимо продолжить в будущем.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Цзилинского университета; академик Международной академии наук педагогического образования;

e-mail: ignago7@outlook.com

Ли Ли – кандидат филологических наук, декан факультета русского языка Института иностранных языков Цзилинского университета;

e-mail: cclili2003@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Nagorny – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Institute of Foreign Languages of Jilin University; Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education;

e-mail: ignago7@outlook.com

Li Li – Cand. Sci. (Philological Sciences), Dean of the Faculty of Russian Language at the Institute of Foreign Languages of Jilin University;

e-mail: cclili2003@163.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А., Ли Ли. Обзор опыта работы международного научно-методического семинара «Актуальные процессы в современном русском языке» // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 133–137.

FOR CITATION

Nagorny I. A., Li Li. Review of the Experience of the International Scientific and Methodological Seminar “Current Processes in the Modern Russian Language”. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4. pp. 133–137.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2024. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик А. Ю. Назарова

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Корректор В. М. Пастарнак

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,75, уч.-изд. л. 8,75.

Подписано в печать: 29.10.2024 г. Дата выхода в свет: 31.10.2024 г. Заказ № 2024/10-06.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А